

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 26

MOSCOW JOURNAL OF LINGUISTICS

Volume 26

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

5
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.9.3. Literary theory (Philology)

5.9.4. Folkloristics (Philology)

5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Culturology)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(History)

5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects
(Art Studies)

Goals of the journal: presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: msk.ling.j@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: msk.ling.j@gmail.com

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetzkaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

E.Yu. Ivanova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France

A.A. Kholikov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

O.B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway

A.V. Kostina, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

G.E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.A. Krongauz, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium

I.A. Kuptsova, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

A.B. Letuchii, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

M.N. Lipovetskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Maltsev, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

I.G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.V. Morozova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.G. Mostovaya, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

S.Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.E. Pekelis, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Podlesskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.I. Polovinkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.I. Reinhold, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

R.I. Rozina, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation

E.L. Rudnitskaya, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

B.L. Shapiro, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.A. Sharoff, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom

I.A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.O. Shaytanov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Sideltsev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

A.E. Skvortsov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

N.A. Slioussar, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

A.Yu. Sorochan, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation

A.N. Taganov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Ya.G. Testeleis, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Yu.I. Tsetkov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Tyupa, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.G. Vladimirova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

V.I. Zabolotkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Zagidullina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

A.V. Zimmerling, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

Ya.G. Testeleis, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Заерова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анциферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бураак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Желникова, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Зоботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Загидуллина, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

Е.Ю. Иванова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция

В.И. Киммельман, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия

Д.Д. Клейтон, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада

А.В. Костина, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.А. Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.И. Куликов, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия

И.А. Кутцова, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация

А.Б. Летучий, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Липовецкий, доктор филологических наук, Колумбийский университет, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Халиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшьева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шатино*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Я.Г. Тестелец, доктор филологических наук (РГГУ)

CONTENTS

Editorial statement	10
---------------------------	----

Alexander Barulin in memoriam

<i>Vladimir M. Alpatov</i> On Barulin	11
<i>Sergey A. Krylov</i> Alexander Nikolaevich Barulin in 1974–1987 (through the eyes of a linguist of my generation)	23
<i>Natalia Yu. Muravyova</i> “Myth” about the error: on setting the norm for the word-combination <i>samyi luchshyi</i>	33
<i>Valery Z. Demyankov</i> Hedging as a general-semiotic phenomenon	55
<i>Grigory E. Kreydlin, Elizaveta S. Listratova</i> Semiotic conceptualization of human body and comparative phraseology	70
<i>Vladimir V. Feshchenko</i> “Semoquake” and other metaphors of linguistic turns	84
<i>Alexander N. Barulin</i> [Linguistic fieldtrip to Kamchatka]	99
Instead of a commentary. <i>Atner P. Khuzangay</i>	107

Research articles

<i>Elena E. Shvedova</i> Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic	110
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	10
-------------------	----

Памяти Александра Николаевича Барулина

<i>Владимир М. Алпатов</i> О Барулине	11
<i>Сергей А. Крылов</i> Александр Николаевич Барулин в 1974–1987 гг. (глазами лингвиста моего поколения)	23
<i>Наталья Ю. Муравьева</i> Миф об ошибке: к вопросу о нормативности сочетания <i>самый лучший</i>	33
<i>Валерий З. Демьянков</i> Хеджинг как общесемиотическое явление	55
<i>Григорий Е. Крейдлин, Елизавета С. Листратова</i> Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология	70
<i>Владимир В. Фещенко</i> «Семотрясение» и другие метафоры лингвистических поворотов	84
<i>Александр Н. Барулин</i> [Лингвистическая экспедиция в контексте камчатских реалий]	99
Вместо комментария. <i>Атнер П. Хузангай</i>	107

Описательные и теоретические исследования

<i>Елена Е. Шведова</i> Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском	110
---	-----

От редакции

Настоящий выпуск «МЛЖ» посвящен памяти Александра Николаевича Барулина (1944–2021), выдающегося лингвиста, преподавателя и организатора науки, основателя и первого декана факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ и одного из основоположников нашего журнала. Тематический блок памяти А.Н. Барулина включает статьи, посвященные его личности и вкладу в лингвистику, исследования, связанные с его научными интересами, а также публикацию фрагмента воспоминаний А.Н. Барулина о лингвистической экспедиции на Камчатку в 1972 г. Часть этих материалов была представлена на конференции памяти А.Н. Барулина, прошедшей в Институте лингвистики РГГУ в январе 2022 г.

Редколлегия выражает глубокую признательность Л.Л. Федоровой за подготовку этих материалов, а также наследникам А.Н. Барулина за разрешение опубликовать его воспоминания и фотографии.

Редакционная коллегия выпуска:

П.М. Аркадьев (отв. ред., РГГУ),
А.М. Ивойлова (секретарь, РГГУ),
О.И. Беляев (МГУ/Институт языкознания РАН),
А.В. Дыбо (Институт языкознания РАН/НИУ ВШЭ),
И.И. Исаев (РГГУ),
В.И. Киммельман (Бергенский университет, Норвегия),
М.Б. Коношенко (Институт языкознания РАН/РГГУ),
Н.А. Коротаев (РГГУ),
Г.Е. Крейдлин (РГГУ),
М.А. Кронгауз (РГГУ/НИУ ВШЭ),
Л.И. Куликов (Гентский университет, Бельгия/НИУ ВШЭ),
С.А. Оскольская (Институт лингвистических исследований РАН),
Б.Х. Парти (Университет Амхерста, США),
О.Е. Пекелис (РГГУ),
А.Ч. Пиперски (РГГУ/НИУ ВШЭ),
В.И. Подлесская (РГГУ),
Е.Ю. Протасова (Хельсинкский университет, Финляндия),
Р.И. Розина (Институт русского языка РАН/РГГУ),
А.В. Сидельцев (Институт языкознания РАН/РГГУ),
Н.А. Слюсарь (НИУ ВШЭ/СПбГУ),
Н.Р. Сумбатова (Институт языкознания РАН),
Я.Г. Тестелец (РГГУ/Институт языкознания РАН),
А.Б. Шлуинский (Университет Гамбурга, Германия)

Памяти Александра Николаевича Барулина

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-11-22

О Барулине

Владимир М. Алпатов

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
v-alpatov@ivran.ru*

Аннотация. Тема статьи – биография Александра Николаевича Барулина (1944–2021), видного лингвиста и организатора лингвистического образования в России.

Ключевые слова: Барулин, лингвистика, лингвистическая теория, экспедиции, Институт востоковедения, Российский государственный гуманитарный университет, лингвистическое образование

Для цитирования: Алпатов В.М. О Барулине // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 11–22.
DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-11-22

On Barulin

Vladimir M. Alpatov

*The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v-alpatov@ivran.ru*

Abstract. The topic of the article is the biography of Alexandre Barulin (1944–2021), the prominent linguist and organizer of linguistic education in Russia.

© Алпатов В.М., 2024

Keywords: Barulin, Linguistics

For citation: Alpatov, V.M. (2024), "On Barulin", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 11–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-11-22

С Александром Николаевичем Барулиным (тогда Сашей) я познакомился в июле 1966 г. в стройотряде в Пущине, на Оке, где студенты участвовали в строительстве только-только начинавшего создаваться научного центра Академии наук.

Саша впервые поступал на ОСИПЛ в 1964 г., но неудачно, а на следующий год поступил. В первые годы существования отделения каждый набор имел то или иное своеобразие. Шестой набор, на котором начинал учиться Барулин, выглядел одним из самых необычных. Студенты там постоянно держались вместе и были несколько обособлены от тех, кто учился раньше или позже, а друг друга называли графами и маркизами. У них была особая экспериментальная программа по математике, которую ввел В.А. Успенский, читавший именно им больше всего курсов, не зная, что скоро он покинет преподавание на факультете, а его новая программа повторена не будет. И в стройотряды ОСИПЛ обычно не ездил, а тут поехали, правда, не все, но целая группа окончивших первый курс, включая и Барулина. И человеческие, и профессиональные их судьбы сложились по-разному. Кто-то оказался в Израиле, а одна из студенток, запомнившаяся по стройотряду, несколько лет назад была одно время секретарем Московского комитета КПРФ по идеологии. И довольно многие как раз оттуда оказались раньше или позже в академическом Институте востоковедения: помимо Барулина, Наташа Соколовская, Лена Захаренок-Коган-Дубнова, Лейла Лахути, позже Оля Столбова. В основном они серьезно занимались конкретными языками Азии или Африки, а Лейла погрузилась в изучение персидских памятников.

Но у Саши в те годы проявлялась тяжелая болезнь, из-за которой он на год отстал от своего первоначального курса и дальше учился на следующем курсе, где дух был уже другой: появилось тяготение к лингвистической теории, а студенты выглядели очень серьезными, впоследствии курс дал много докторов наук. К тому же многое в жизни и подготовке студентов изменили два события. Во-первых, этот набор лишь на младших курсах прошел через школу В.А. Успенского и Ю.А. Шихановича, а дальше роль математики стала падать. Во-вторых, впервые значительная часть студентов стала ездить в экспедиции. Все это для Барулина, вероятно, имело положительное значение; в интервью М. Бурас он признавался,

что, если бы во время увольнения Шихановича его попросили высказать свое мнение о нем как преподавателе, он бы «сказал, что, например, у меня с Шихановичем никакого контакта нет» [Бурас 2022, с. 357]. Зато интерес к теоретической лингвистике у Барулина был велик, в мире экстенсионалов он чувствовал себя своим. А экспедиции стали для него точкой применения его многогранных способностей.

И в новом окружении он сразу стал заметнее. Выйдя из далекой от науки среды, он очень дорожил любой возможностью показаться среди лингвистической «элиты». Помню, как весной 1967 г. проходила вторая всесоюзная студенческая конференция по структурной и прикладной лингвистике, после ее окончания мы собрались у Нади Браккер, за одним столом оказались А.А. Зализняк, уже доктор наук, и студенты. И как-то тогда собравшиеся, в том числе почти никому еще не известные, потом стали известны в лингвистических кругах (например, в тот вечер я познакомился с З.М. Шаляпиной), а Саша, единственный там еще второкурсник, был со всеми на равных.

А дальше, когда я уже учился в аспирантуре Института востоковедения, Барулин, еще студент, меня пригласил на собрание кафедрального научного студенческого общества. Такие общества было принято создавать, однако не всегда они были достаточно активны. Но Барулин решил произвести переворот, выступил с пламенной речью, устроил досрочные перевыборы совета общества, естественно, возглавив его. Впервые я наблюдал лидерские его качества, которые в Пущине как-то не были заметны. Видно было, как ему хотелось быть во главе, хотя бы НСО. Но тогда на те или иные должности, в том числе общественные, начиная с самых мелких, выдвигали, как иногда формулировалось, по сумме деловых и политических качеств. О политических качествах сейчас уже наговорено много, но, бесспорно, значимы были и деловые качества, однако под ними понимались прежде всего исполнительность и организованность. Те, у кого все это было, например я, были обречены на выполнение общественных функций. В том же Пущине мне было необходимо отвечать за списки отъезжавших студентов, а потом самому там что-то копать (впрочем, не жалею: приобрел там друзей, с которыми общаюсь до сих пор); был я и старостой курса, а спустя много лет (в 1991 г.) – последним секретарем парткома Института востоковедения. Барулин, разумеется, был от всего такого далек, но он, а не я, был прирожденным лидером. Были в нем и харизма, и умение вести за собой, что, однако, тогда редко находило применение. А вот с организованностью дело было хуже. У Саши многое получалось одним рывком, а работать методично ему бывало трудно.

Потом Саша окончил университет, продолжал ездить в экспедиции под руководством А.Е. Кибрика, познакомился с И.А. Мельчуком, войдя в круг его последователей. Но устроиться на работу или в аспирантуру по специальности, особенно по теоретической, а не прикладной лингвистике, было нелегко, многие способные выпускники были не у дел. Я, к тому времени защитив диссертацию и прижившись в своем институте, убедился в том, что этот институт – неплохое место для спокойной научной работы и для меня, и для других. Мой научный руководитель и заведующий сектором, потом отделом, И.Ф. Вардуль очень хотел повысить уровень лингвистики в отделе, а заместитель директора В.М. Солнцев первоначально его в этом поддерживал. И приоритеты у осипловцев были здесь самые подходящие: востоковеды по образованию (их готовили Институт восточных языков при МГУ и МГИМО) чаще всего искали возможности работы за рубежом, а на «нашем» отделении прививались идеи о престижности науки.

В начале 1972 г. я познакомил Вардуля и Солнцева с тремя выпускниками и дипломниками ОСИПЛ. Это были Н.К. Соколовская, к сожалению, рано умершая, Т.Г. Погибенко, работающая в Институте востоковедения до сих пор, и Барулин. Всех взяли в аспирантуру. Последний из них особенно понравился Вардулю и Солнцеву, впечатление произвела его теоретичность. Поначалу они с Вардулем подружились. А в отделе он произвел впечатление человека артистического склада. Саша участвовал в самодеятельности, умел пародировать, этим прославился. Помню, как одна дама в отделе не могла вспомнить фамилию Барулина и сказала: «Ну, как его, ну артист хороший».

Коллектив всегда складывается из сложного сочетания производственных и человеческих отношений. Отдел языков Института востоковедения, в котором изучали несколько десятков языков Азии и Северной Африки, имел особые сложности. Прежде всего сотрудники не всегда понимали друг друга с профессиональной точки зрения. Языки очень разные, а их описания не всегда соизмеримы. Сказывались и различия в возрасте и научной подготовке, а появление молодежи (выпускников ОСИПЛ продолжали брать) усилило разрыв между взглядами и привычками; постепенно более значимыми становились и политические расхождения. Сотрудники, начинавшие деятельность в 40–50-е годы и получившие востокведную подготовку, обычно не очень интересовались теорией, иногда удовлетворяясь подходами из школьных учебников, тогда как на ОСИПЛ (существует с 1960 г.) традиции всегда были другими, а экспедиции формировали и укрепляли эти традиции. Зато сотрудники, всю жизнь изучавшие только один язык, имели лучшую

страноведческую подготовку. Можно сказать, что ОСИПЛ глядел на свой объект изучения, рассматривая то или иное множество языков как разновидности языка вообще, а в Отделе языков люди посвящали себя одному, но досконально рассматриваемому языку, особо не разделяя внутреннюю и внешнюю лингвистику.

Конечно, в отделе играли роль и различия характеров и темпераментов, при этом, как обычно бывает, резкость тональности прощали скорее, чем высокомерие. Некоторые попадавшие в отдел крупные ученые даже не то чтобы презирали научно менее сильных коллег, но бессознательно проявляли отсутствие интереса к ним, а этого не любят. Барулину это было не свойственно. Он мог поговорить с пожилой и старомодной в научном отношении сотрудницей о бытовых делах, кому-то посочувствовать, кого-то поздравить. И это сказывалось. Он мог по какому-нибудь поводу высказаться резко, поругаться с начальником, но это обычно не имело особых последствий.

Помню эпизод 1984 г. Умер сотрудник отдела и начальник институтской дружины Ю.А. Смирнов, человек не очень приятный и с психическими отклонениями: всерьез писал в инстанции о том, что у него крадут научные идеи. Но когда он умер (а он к концу жизни со всеми поссорился и остался совсем один), оказалось, что его (доктора наук) некому хоронить. И неожиданно стал помогать и взял дело в свои руки Саша. Мы с шофером под Сашиным руководством втроем отвезли покойного на Николо-Архангельское кладбище и справились со всей процедурой.

Но это бытовая сторона жизни. А есть еще наука и политика. Отношения Барулина с Вардулем, сначала хорошие, довольно скоро разладились. У каждого был свой взгляд на язык, а у Барулина сказывалось значительное влияние Мельчука, идеи которого Вардуль не принимал. И Вардуль как старший смотрел на Сашу сверху вниз, а тот этого не переносил. Оба были неуступчивы. И сказывалась черта Сашиной личности, уже упоминавшаяся: неорганизованность. После аспирантуры его зачислили в отдел, что формально делать не полагалось: диссертацию он не представил. Защита состоялась лишь почти через десять лет. И Барулин вовсе не был ленив и работал много, но написать связный текст, не уходя в сторону и не отвлекаясь на детали, ему оказывалось трудно.

Помню, как мы с ним ездили на конференцию в Новосибирск к М.И. Черемисиной. Его доклад не был готов, и, приехав накануне к концу дня, он вечер и ночь сочинял доклад, размышляя вслух и не давая мне спать. Получилось вполне складно и интересно, а завершить он решил анекдотом про академика Гамалею. На другой день в первой же фразе доклада он сказал присутствующим,

в большинстве новосибирцам: «Я не из вашей парадигмы». Кто-то на эти слова обиделся и возразил с места, Барулин начал с ним спорить по вопросам, не относившимся к докладу, который в результате был скомкан, а на Гамалею уже не хватило времени. И так бывало часто. В итоге за полтора десятка лет в Институте востоковедения он, помимо какого-то количества статей в сборниках, опубликовал лишь одну большую работу. Он стал составителем и одним из авторов выпуска издания «Новое в зарубежной лингвистике» (1987), посвященного новым идеям в мировой тюркологии (в отделе он числился тюркологом, хотя не особенно владел этими языками). Тут к нему благоволил видный тюрколог академик А.Н. Кононов, которого Саша сумел очаровать. Их предисловие к книге, основным автором которой был Барулин, содержало ключевые идеи так и не изданной его диссертации «Теоретические проблемы описания тюркских именных словоформ» (1985) [Новое 1987].

Но, разумеется, не обходилось без политики. Здесь на работе Барулина сказались увольнение его гуру И.А. Мельчука в 1976 г. и в следующем году его эмиграция. В день заседания ученого совета Института языкознания, где Мельчука увольняли, там среди других лингвистов из группы поддержки в коридоре стоял и Барулин. В Институте востоковедения об этом, разумеется, сразу узнали, но особых репрессий не последовало. А потом на эмигранта запретили ссылаться. На собрании отдела Барулин выразил протест и обрушился на академические порядки. После собрания, когда остались только Солнцев, Вардуль и я, Солнцев сказал: «Конечно, Барулин прав, но что мы можем сделать?». Серьезных последствий и на этот раз для Саши не было. Одной из причин могло быть то, что директором института тогда был Е.М. Примаков, который не любил скандалов на политической почве (но при этом откровенно третировал неактуальные для него направления работы института вроде лингвистики). Барулин потом говорил, что он написал три диссертации, из которых первые две не прошли из-за упоминаний Мельчука. Это, конечно, сказалось, но были ли две первые диссертации закончены? Одну диссертацию, которую должны были также издать книгой, я видел; табуированные упоминания там были, но связного текста не было (про другую диссертацию ничего не знаю), однако, когда запреты были сняты, книги так и не появились.

И все-таки для многих в институте, в том числе и среди тех, кого Саша не включал в свою компанию, он казался «своим». И когда в начале 1980-х гг. лингвистические экспедиции (во Вьетнам) начались и в Институте востоковедения, Барулин, хоть и не без труда, но все же туда съездил, тогда как С.А. Старостина из-за переписки с уехавшим в США другом не пустили.

Я всю жизнь был далек от экспедиций, но однажды все-таки слегка познакомился с этим увлекательнейшим видом работы, и именно под началом Барулина. В конце весны 1978 г. он вдруг (для всех это было неожиданным) объявил, что надо ехать на Сахалин описывать язык айнов. Он сразу занялся организацией, получил поддержку Солнцева, кажется, побывал и у Примакова, изыскал средства, оформил въезд на режимную территорию и подобрал команду. Вопрос о начальнике и не обсуждался: было очевидно, что им может быть только младший научный сотрудник без степени Барулин. Взялись ехать также С.А. Старостин, И.И. Пейрос и я (моя роль была знакомиться и знакомить других с литературой об айнском языке, которая почти вся по-японски). Вся подготовка прошла быстро и по-деловому. В августе (Барулин до того успел еще съездить в другую экспедицию на Камчатку) мы отправились на месяц на остров.

С точки зрения первоначального замысла мы потерпели полную неудачу. Айны, которых когда-то описывал на Сахалине А.П. Чехов, после 1945 г. почти все уехали в Японию. Остались несколько человек очень пожилого возраста, которым было уже трудно куда-либо ехать, и полукровки, иногда сохранявшие антропологический тип, но не знавшие язык. Барулин нашел внука упомянутого Чеховым крестьянина из ссыльных, поляка Колевского, который сожительствовал с айной; внук помнил со времен детства, как его дедушка с бабушкой, играя в карты, сговаривались по-айнски. Но для лингвистики это ничего не давало. Последний достоверно известный носитель айнского языка умер за три года до экспедиции в доме инвалидов города Анива (в Японии тогда еще находили носителей сахалинских диалектов, но теперь уже нет и их). Но мои товарищи нашли другое занятие: уже в XX в. японские власти переселяли на Сахалин корейцев, носителей разных диалектов, и эти диалекты были доступны для изучения. Они погрузились в корейский язык, и Старостин потом пустил результаты в дело, а я в одиночку еще некоторое время поискал помнивших язык айнов, но так и не нашел.

Мои контакты с Барулиным на Сахалине свелись к сфере быта. Я убедился, что он – хороший организатор и безусловный лидер по натуре. Отсутствие «говорящих айнов», разумеется, не было его виной, а все зависящее от него он устраивал легко и непринужденно. Еще я видел, как легко и просто он сходится и общается с людьми (за месяц успел подружиться с двумя очень разными девушками – первокурсницей и следователем) и как умеет выудить у собеседника нужную информацию. И, конечно, было видно, что его лидерские качества в тогдашней обстановке не получали должной реализации.

Но вот началась перестройка. Состав отдела к тому времени сильно изменился, и той однородности, что была когда-то, уже не стало. Ушел Примаков, карьера которого стала быстро идти вверх, его место занял совсем не вписывавшийся в новое время М.С. Капича, а Отделом языков вместо начавшего болеть Вардуля пришлось заведовать мне. Теперь, когда наверх выдвигались новые лица, Барулин мог показать свои достоинства. Но крепко сложившийся и не очень молодой (там все еще ведущую роль играли ученые, чья карьера началась во времена Хрущева и предшественника Примакова Б.Г. Гафурова) Институт востоковедения не был подходящим местом для их реализации. Раньше он мог быть прибежищем, а теперь появились иные возможности. Выгоднее было строить на пустом месте.

Первой попыткой стало Московское лингвистическое общество, организованное весной 1987 г. Там, впрочем, Саша был не единоличным лидером. Тогда еще казалось, что предстоит борьба за первенство с «тоталитарной наукой» и опорой будет неформальная структура, состоящая из авторитетных ученых. Но борьбы не получилось: советская номенклатура, иногда даже сохранив руководящие должности, по принципиальным вопросам сдалась без боя. Общество собралось раз пять или шесть с докладами на актуальные темы, и тем дело кончилось.

Более перспективным начинанием оказался факультет теоретической и прикладной лингвистики при Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), созданный прежде всего Сашей Барулиным. На его поминках А.Д. Шмелев рассказывал, как возникла идея создания данного факультета. Во время обычного интеллигентского трепа за блинами по случаю Масленицы (очевидно, в 1987 г.) начали мечтать о «свободном университете» и домечтались до некоторой конкретики. Мечтать тогда могли многие, но не думаю, что среди лингвистов мог превратить проекты в реальность кто-либо, кроме Барулина. Его всегда отличали быстрота реакции и натиск, хотя и потерять интерес он тоже мог быстро.

В это время один из «прорабов перестройки» – Ю.Н. Афанасьев (историк по образованию и комсомольский вождь по первоначальной профессии), став ректором Историко-архивного института, начал осуществлять более масштабный проект РГГУ. Наряду с историей, в этом университете должны были преподаваться чуть ли не все гуманитарные науки, включая, естественно, лингвистику, но не по-советски, а на уровне западных стандартов; помещения и материальную базу Афанасьев затем получил от рухнувшей Высшей партийной школы. Появилась возможность застолбить еще

ничейную территорию, Саша умел это быстро делать, велики были и его способности подбирать команду. Как когда-то Вардуля и Кононова, он сумел очаровать Афанасьева, и они с 1988 г. приступили к организации лингвистической части университета.

Поначалу в новый университет шли охотно. Уже в 1994 г. в Москве побывал эмигрант А.К. Жолковский, изложивший затем свои впечатления в воспоминаниях, где писал: в РГГУ работали «большинство моих старых, да и новых знакомых. Впечатление было такое, что туда перешли или вскоре перейдут вообще все. Меня, беглеца от тоталитаризма, это немного беспокоило. Беспокойство такого рода нет-нет да и возникает в России»¹. Перешла в РГГУ и группа ведущих ученых (не только лингвистов) во главе с С.А. Старостиным.

Но что такое «университет на уровне мировых стандартов»? Нельзя сказать, чтобы эти стандарты знали очень хорошо, хотя связи с Западом постепенно расширялись. В это время многие интеллигенты полагали, что теперь «довольно жить законом, данным Марксом и Лениным», хотелось жить, как «все нормальные люди». Но как? Помню, с каким увлечением Барулин и его добровольные помощники сочиняли программы, которые не надо было согласовывать с начальством разного уровня, но можно было немедленно пускать в дело. Внешних препятствий поначалу почти не было (потом они стали появляться). Барулин активно сотрудничал с московской «демократической общественностью», выступал, давал интервью. Помню, как он сказал по радио, что создаваемый им центр будет готовить элиту. С этим высказыванием я не мог согласиться и не согласен сейчас: по крайней мере, студенты не должны так думать, иначе будут задирать нос. Признавать кого-либо элитой или не элитой оправдано лишь по результатам.

Думаю, что первоначальный максимализм сгладила жизнь. Преподавательский состав вокруг Барулина большей частью состоял из выпускников ОСИПЛ, которые в целом принимали те идеи, которым их там обучали, и опирались на традиции советского времени; все это оказалось достаточно слегка почистить от следов прежней вынужденной конъюнктуры. Я это почувствовал в том числе на себе. Не знаю, предполагалось ли пригласить меня в РГГУ по совместительству (целиком переходить туда я никогда не собрался бы) с самого начала, но потом Барулин меня тоже пригласил. Курс истории лингвистических учений, который я уже читал в МГУ, несомненно, должен был входить в программу, а я больше других имел опыт преподавания этого предмета. Читая

¹ Жолковский А. Звезды и немного нервно. М.: Время, 2008.

однотипный курс в разных вузах, я должен был думать о сходстве и различиях. И я быстро понял, что различий и нет (хотя часов в РГГУ было немного меньше). Думаю, что так было и со многими другими курсами. И вообще МГУ в целом сохранил свой престиж, и вопреки Жолковскому ушли в РГГУ не все, а уровень подготовки в те годы, когда лингвистическую часть РГГУ держал в руках Барулин, там и на ОТИПЛ был примерно одинаков.

Если содержательная сторона обучения в двух вузах была похожей, и РГГУ здесь был во многом новым изданием ОСИПЛ/ОТИПЛ (правда, в РГГУ больше, чем в МГУ, преподавали восточные языки) [Алпатов 2021], то дух и человеческие отношения заметно различались, и тут, разумеется, многое было связано с личностью Барулина. Все было подчеркнуто неформальным. Помню, как Саша проводил вручение дипломов первого выпуска. Не в зале, а в одной из рабочих комнат он собрал выпускников, которых тогда было не так много, мужской части пожал руки, а женскую обнял и расцеловал, и раздал дипломы, вынув их из кармана. В МГУ такое не допускалось, вряд ли по идейным причинам, просто старейший в Москве университет имел сложившиеся традиции. В РГГУ же расстояние между студентами и факультетскими начальниками было минимальным, а одарять студентов знаниями Барулин мог часами в любой обстановке.

И Барулин оказался на месте не только как администратор. У него в те годы была возможность брать себе любой курс, который ему было интересно читать, и он активно преподавал, показав талант лектора. Свойственные ему недостатки, о которых я писал выше, меньше сказывались при устном общении, в том числе со студентами. Можно идти от одной ударной точки к другой, и недочеты общего плана не так заметны. На ОСИПЛ читал выдающийся лингвист П.С. Кузнецов, но слушать его было трудно. А от лекций Барулина у слушателей оставалось общее яркое впечатление, и этого хватало. Саша еще был и хорошим популяризатором. Не раз его выступления помогали школьникам выбрать профессию.

Так продолжалось восемь лет. Второй центр лингвистического обучения в Москве был создан. А с ОСИПЛ удалось установить нормальные отношения. Все делали общее дело.

Вспоминается Пушкин, сказавший о Петре Первом:

Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.

Эти стихи я вспомнил, выступая на похоронах Барулина. Можно за что-то критиковать его деятельность в РГГУ, но памятник

себе он воздвиг. И это стало главным делом его жизни, пусть он был погружен в него не так долго.

Но в 1999 г. произошла катастрофа. Барулин поссорился с Афанасьевым, и тот уволил Сашу с должности декана. Барулина нередко удавалось очаровывать тех, с кем имел дело, но он умел и портить отношения неосторожным поведением. Так было с Вардулем, так получилось и с Афанасьевым. Но, конечно, тот поступил жестоко. На полном скаку один из основателей РГГУ был остановлен и лишен любимого дела.

Барулин, безусловно, не ожидал такого исхода. Он привык бороться с «тоталитарной наукой», а тут с ним расправился «свой». Снова пришлось искать прибежище, как когда-то. За последующие годы он сменил несколько мест работы, в том числе ненадолго возвращался в Институт востоковедения, но достойного себе места так и не нашел. Последним пристанищем стал академический Институт языкознания, где он за много лет до этого участвовал в акциях в защиту Мельчука. Круг замкнулся: я, человек далекий от умения быть лидером, во второй раз оказался его начальником, тогда как прирожденный лидер Барулин командовал мной разве что на Сахалине.

В эти годы я видел его редко, в институт он приходил мало. Моя линия поведения по отношению к нему сводилась к одному: не мешать. Административная его деятельность закончилась, а в науке можно было заниматься любой любимой темой. Он выбрал интересную и неожиданную тему: происхождение языка, и в последние два десятилетия жизни был этим увлечен, появились публикации, в том числе первая для него крупная монография [Барулин 2002]. Мне трудно давать этим публикациям оценки. Тема важная, нужная, интересная, однако о многом мы можем только гадать из-за отсутствия достоверного материала. Но проблема существует, и много столетий появляются заманчивые гипотезы. Во всяком случае, эта работа стремилась расширить границы человеческого познания, и это важно. Барулин, как всегда, строил планы, делал доклады в Институте языкознания, но в июле 2021 г. все оборвалось.

Не хочу говорить ничего плохого о тех, кто руководил Институт лингвистики РГГУ после Барулина. В отличие от него самого, они не старались ломать существовавшие традиции. Но что-то ушло, и я сейчас не сказал бы, что уровень подготовки лингвистов в МГУ и РГГУ одинаков. И все же Институт лингвистики живет и работает, а Барулин сыграл в его появлении огромную роль.

Литература

- Алпатов 2021 – Алпатов В.М. О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. Ч. 2. С. 210–220.
- Барулин 2002 – Барулин А.Н. Основания семиотики: Знак, знак системы, коммуникация. Т. 1: Базовые понятия, эволюционная теория происхождения языка. М.: Спорт и культура, 2002. 464 с.
- Бурас 2022 – Бурас М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: АСТ, 2022. 410 с.
- Новое 1987 – Новое в лингвистике. Вып. 19: Проблемы современной тюркологии / Сост. А.Н. Барулин. М.: Прогресс, 1987. 494 с.

References

- Alpatov, V.M. (2021), "On the linguistic education at MSU and RSUH", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 2, pp. 210–220.
- Barulin, A.N. (2002), *Osnovaniya semiotiki: Znak, znak sistemy, kommunikatsiya. T. 1: Bazovyye ponyatiya, evolyutsionnaya teoriya proiskhozhdeniya yazyka* [Foundations of semiotics. Signs, sign system, communication. Part 1. Basic notions, evolutionary theory of the origin of language], Sport i kul'tura, Moscow, Russia.
- Buras, M. (2022), *Lingvisty, prishedshiye s kholoda* [Linguists who came from the cold], AST, Moscow, Russia.
- Barulin, A. (comp.) (1987), *Novoye v lingvistike. Vyp. 19: Problemy sovremennoi tyurkologii* [New in linguistics. Issue 19: Problems of modern Turkic studies], Progress, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Владимир М. Алпатов, доктор филологических наук, академик РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; v-alpatov@ivran.ru

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. of Sci. (Philology), Dr. habil., Full member of the Russian Academy of Sciences, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1-1 Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009; v-alpatov@ivran.ru

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-23-32

Александр Николаевич Барулин в 1974–1987 гг.
(глазами лингвиста моего поколения)

Сергей А. Крылов

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
krylov-58@mail.ru*

Ключевые слова: Барулин, модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», морфология, синтаксис

Для цитирования: Крылов С.А. Александр Николаевич Барулин в 1974–1987 гг. (глазами лингвиста моего поколения) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 23–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-23-32

Alexander Nikolaevich Barulin in 1974–1987
(through the eyes of a linguist of my generation)

Sergey A. Krylov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, krylov-58@mail.ru*

Keywords: Barulin, semiotics, Meaning $\Leftrightarrow$ Text theory, morphology, syntax

For citation: Krylov, S.A. (2024), “Alexander Nikolaevich Barulin in 1974–1987 (through the eyes of a linguist of my generation)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 23–32, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-23-32

Для меня лично Саша был, с одной стороны, учеником И.А. Мельчука, а с другой – одним из (немногочисленных) представителей школы Мельчука (= сторонников теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст») (далее МСТ), которые понимали (или интуитивно чувствовали), что сама эта теория нуждается в пересмотре или как бы «латании», т. е. относился к числу (образно говоря) «ревизионистов» МСТ (см., например, [Барулин 1987]).

© Крылов С.А., 2024

Поэтому он (наряду с другими подобными «ревизионистами» тех лет – а именно: Е.В. Падучевой, Н.Н. Леонтьевой, А.Е. Кибриком, А.К. Поливановой, З.М. Шалапиной) для меня представлял большую ценность как собеседник, потому что с ним мне было интересно (= не скучно) общаться.

И «ревизионизм» Саши по отношению к МСТ был довольно радикальным! В частности, он предлагал:

1. Наряду со словоизменительным компонентом МСТ строить еще и словообразовательный (см. [Барулин 1980а])! Разумеется, в наши дни, в особенности после выхода в свет публикаций И.А. Мельчука [Мельчук 1990; Мельчук 1995] и В.З. Санникова [Санников 1998] на эту тему, это соображение не выглядит как новое. Однако не будем забывать о том, что Саша обсуждал эту проблематику десятилетием раньше (во второй половине 1970-х гг.), а тогда эти мысли ощущались как вполне новаторские (обратим внимание на то, что в «классических» компендиумах по теории МСТ – таких как [Мельчук 1974] и [Апресян 1974], а также в других работах 1970-х гг., обсуждающих проблемы теории МСТ, ни про какой «словообразовательный компонент МСТ» не говорилось вообще!). Между тем, если принимать за истину (вообще говоря, вполне традиционный) постулат о том, что структура так называемых окказиональных слов (впрочем, так же, как и «потенциальных слов»)² входит в предмет дериватологии («словообразования») как науки, то неизбежен вывод о необходимости соответствующего компонента («деривационного»//«словообразовательного») в любой модели языка, претендующей на хотя бы относительную полноту. Если же не принимать означенного постулата за истину, то неизбежен вывод о том, что структура окказиональных и потенциальных слов должна либо задаваться с помощью правил особого компонента полной модели языка, называемого каким-то другим термином (а не термином «словообразовательный»//«деривационный») (например, термином «номинационный», или «ономатологический», или каким-нибудь подобным), либо описываться с помощью правил субкомпонента некоторого другого компонента модели (скорее всего морфологического).

2. Использовать формализм синтаксических графов (конкретнее, деревьев зависимостей) не только для моделирования собственно синтаксических отношений (между словами), но и для репрезентации формально-смысловых синтагматических отношений между морфемами, составляющими слово.

² О потенциальных и окказиональных словах см., например, [Земская 1973].

Речь идет не о терминах, а о содержательной стороне проблемы. Вопрос не в том, употреблять ли (или не употреблять) термины «синтаксис» и «синтаксический» по отношению к сфере «межморфемных» (внутрисловных) связей, а в том, чтобы видеть нетривиальное сходство между «межморфемными» отношениями внутри словоформы и «межсловными» отношениями внутри словосочетания и предложения, независимо от того, в каких терминах описывать это сходство. В своих работах, посвященных турецкой морфологии [Барулин 1977а; Барулин 1979; Барулин 1980б; Барулин 1982; Барулин 1984], Саша демонстрировал именно такие сходства.

На мой взгляд, в этом вопросе сказала сама типологическая специфика тех лингвистических фактов, на материале которых А.Н. Барулин строил свою частнолингвистическую (и как ее следствие – соответствующую ей общелингвистическую) теорию. Дело в том, что значительная часть служебных морфем агглютинативных языков (к числу которых, как известно, принадлежит турецкий), традиционно трактуемых как суффиксы (в частности, на основании того, что они подвергаются сингармонизму), ведут себя в составе предложения как относительно подвижные элементы («прилепы»), сближаясь в этом отношении скорее со служебными словами флективных языков. Наиболее ярким проявлением этой относительной подвижности является возможность выносить эти элементы «за скобки» при оформлении сочинительных отношений, то есть групповое оформление сочинительных конструкций (так называемая групповая флексия). Но если трактовать эти элементы не как суффиксы, а как служебные слова (например, падежные показатели трактовать как послелоги), то вывод о том, что к этим показателям следует применять тот же формальный аппарат синтаксического описания (грамматику зависимостей с ребрами, размеченными символами синтаксических отношений), который в синтаксическом компоненте МСТ используется для описания синтаксиса флективных языков, напрашивается как предпочтительный.

С другой стороны, и во многих «вполне себе» флективных синтетических языках (в частности, в русском) есть такие речевые единицы, которые по своему внешнему облику («на поверхностно-синтаксическом уровне») выглядят как словоформы (т. е. цельнооформленные речевые отрезки), но по своей функции («на глубинно-синтаксическом уровне») сближаются скорее со словосочетаниями, ср., например, русские словоформы типа *двадцативосьмизетажный*, *тридцатисемикилограммовый* и т. п., которые Ю.С. Маслов трактует не как «языковые знаки», а как «речевые

комбинации языковых знаков» (см., напри- м, [Маслов 1967а/2004 с. 628–629; Маслов 1967б/2004, с. 647]) и, соответственно, предлагает включать такое окказиональное «синтаксическое основослож- нение» в ведение синтаксиса наряду с феноменом инкорпорации (см., например, [Маслов 1968/2004, с. 658; Маслов 1987, с. 177–178]³). Применительно к такого рода образованиям подход, при котором для описания их внутренней (функциональной) стороны используется тот же механизм, что и для описания обычных син- таксических конструкций, не только вполне оправдан, но и (как и в предыдущем случае со служебными показателями агглютинатив- ных языков) тоже напрашивается как предпочтительный.

3. В синтаксические графы ввести узлы (вершины), соответ- ствующие не столько порциям смысла, сколько самим референтам (по Г. Фреге) [Барулин 1977б; Барулин 1978].

Разумеется, в содержательном плане лингвистическая суще- ственность проблематики теории референции сознавалась уже в середине 1960-х и в начале 1970-х гг. наиболее пронизатель- ными отечественными авторами (Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гаком, Е.М. Вольф, С.И. Гиндиным), а некоторые из них даже предпри- нимали попытки разработать формальный аппарат для описа- ния феномена референциального тождества (кореферентности) (в 1960-х гг. – Е.В. Падучева и И.П. Севбо, в начале 1970-х – Ю.С. Мартемьянов, в конце 1970-х и в 1980-е – З.М. Шаляпина, А.С. Чехов). Однако «ортодоксальным МСТ-шникам» (составляв- шим в те годы основную коммуникативную среду, к которой пре- имущественно обращался Саша) все эти идеи были, мягко говоря, не близки и потому воспринимались с отчуждением, а в лучшем случае – с недоумением. Поэтому Сашины мысли о том, что не- которые узлы в синтаксическом графе должны соответствовать «референтам», были для того времени новыми и оригинальными.

4. Для формального моделирования синтаксических отноше- ний не только использовать «грамматику зависимостей» и «грам- матику составляющих» с их неизбежной ограниченностью (и вы-текающей из этого бедностью моделирующего потенциала), но и смело выходить за пределы этих формализмов, разрабатывая новые формальные аппараты, которые могли бы совмещать в себе теорию составляющих и теорию зависимостей в качестве частных случаев более общей и более мощной метаязыковой формальной системы (в частности и в особенности – «окрестностную грамматику», см. [Борщёв, Хомяков 1970; Борщёв, Хомяков 1973а; Борщёв, Хомяков

³ См. также: *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высшая школа, 1975. 326 с.

1973б; Борщёв, Хомяков 1974; Пантюхина, Борщёв, Хомяков 1972; Borščev, Homjakov 1973; Borščev, Homjakov 1976; Borščev, Chomjakov 1977]⁴, и впоследствии так называемую «теорию клубных систем» [Борщёв, Хомяков 1976; Борщёв, Хомяков 1977; Борщёв, Хомяков 1979; Борщёв, Хомяков 1983], построенную В.Б. Борщёвым и М.В. Хомяковым, о существовании которой я впервые узнал из устного общения с А.Н. Барулиным).

Вот эти четыре идеи (о словообразовательном компоненте МСТ, о синтаксисе морфем, об узлах графа, соответствующих референтам, и о построении более мощного синтаксического метаязыка, включающего «грамматику зависимостей» и «грамматику составляющих» в качестве своих частных случаев) были мне очень близки, понятны и созвучны.

В моих глазах Саша был (и остается до сих пор) очень глубоким, оригинальным и нетривиальным мыслителем.

Большинство своих новаторских идей Саша развивал преимущественно в устной, а не в письменной форме. Лишь через несколько лет они фиксировались в виде бумажных текстов. И эти тексты представляли главным образом лаконичный тезисный конспект Сашиних мыслей, а не подробное детальное изложение.

Во второй половине 1970-х гг. (примерно в 1977–1980 гг.) Саша регулярно приглашал меня (тогда еще студента) на организованный им «домашний» семинар по лингвистике (ставший возможным благодаря Е.Р. Иоанесян, любезно предоставившей для заседаний свою квартиру). Семинар был посвящен (по первоначальному замыслу) теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», однако в действительности сразу же перерос эти рамки и стал приобретать более широкий характер. Участники этого семинара (С.А. Старостин, Н.В. Перцов, И.Ш. Козинский, Н.К. Соколовская, Г.Е. Крейдлин, Н.Н. Перцова, Е.В. Урысон, Е.Н. Саввина, А.С. Чехов, И.Г. Бидер, К.Н. Добрина, М.В. Хомяков) делали интересные устные доклады по разнообразным вопросам теоретической лингвистики. Я тоже однажды (кажется, это было в 1979 г.) сделал свой доклад («О функциональном моделировании словообразования»).

Я благодарен Саше за многое.

И, в частности, за то, что он в 1978 г. меня (тогда еще студента) привел в Институт востоковедения АН СССР на конференцию аспирантов и молодых научных сотрудников и рекомендовал мой студенческий доклад для включения в программу. В результате

⁴ См.: *Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Схемы для функций и отношений: Препринт доклада на семинаре стран-членов СЭВ «Автоматическая обработка текстов на естественных языках». Ереван, 1972.

моих контактов с институтом я впервые познакомился со многими востоковедами – прежде всего с выдающимися японистами и теоретиками общего языкознания В.М. Алпатовым, З.М. Шаляпиной, И.Ф. Вардулем, а также с выдающимся типологом-универсалистом И.Ш. Козинским; и все эти коллеги (вслед за Сашей) оказали сильное влияние на формирование моего мышления как лингвиста.

Так что спасибо Саше еще и за это.

Да будет ему земля пухом!

Литература

- Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., Наука, 1974. 366 с.
- Барулин 1977а – *Барулин А.Н.* Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания». М., 1977. С. 23–27.
- Барулин 1977б – *Барулин А.Н.* О понятии «значение» // Тезисы симпозиума «Проблема значения в современной лингвистике». Тбилиси: Ин-т языкознания ГССР, 1977. С. 11–13.
- Барулин 1978 – *Барулин А.Н.* К проблеме трактовки референта // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 3. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1978. С. 18–20.
- Барулин 1979 – *Барулин А.Н.* Некоторые проблемы описания турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. М., 1979. С. 16–69.
- Барулин 1980а – *Барулин А.Н.* Место модели словообразования в общей модели языка // Тезисы Рабочего совещания по морфеме. М.: Наука, 1980. С. 9–15.
- Барулин 1980б – *Барулин А.Н.* О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы Рабочего совещания по морфеме. М.: Наука, 1980. С. 16–20.
- Барулин 1982 – *Барулин А.Н.* К проблеме описания синтаксиса словоформы (на материале турецкого языка) // Теоретические проблемы восточного языкознания. Т. 5. М., 1982. С. 23–54.
- Барулин 1984 – *Барулин А.Н.* Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 228 с.
- Барулин 1987 – *Барулин А.Н.* К построению интегральной модели языка // Тезисы докладов VIII Международного конгресса «Логика, методология и философия науки». М., 1987. С. 17–23.
- Борщев, Хомяков 1970 – *Борщев В.Б., Хомяков М.В.* Окрестностные грамматики и перевод // НТИ. Серия 2. 1970. № 3. С. 39–44.
- Борщев, Хомяков 1973а – *Борщев В.Б., Хомяков М.В.* Аксиоматический подход к описанию формальных языков // Математическая лингвистика / Под ред. С.К. Шаумяна. М.: Наука, 1973. С. 5–47.

- Борщёв, Хомяков 1973б – *Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Окрестностные переводы // Математическая лингвистика / Под ред. С.К. Шаумяна. М.: Наука, 1973. С. 48–62.
- Борщёв, Хомяков 1974 – *Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Схемы для функций и отношений // Исследования по формализованным языкам и неклассическим логикам / Под ред. Д.А. Бочвара. М.: Наука, 1974. С. 23–49.
- Борщёв, Хомяков 1976 – *Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Клубные системы (формальный аппарат для описания сложных систем) // НТИ. Серия 2. 1976. № 8. С. 3–6.
- Борщёв, Хомяков 1977 – *Борщёв В.Б., Брудно В.А., Хомяков М.В.* Логическое описание структур зависимостей на базах данных // НТИ. Серия 2. 1977. № 7. С. 17–18.
- Борщёв, Хомяков 1979 – *Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Об информационной эквивалентности баз данных // НТИ. Серия 2. 1979. № 7. С. 14–21.
- Борщёв, Хомяков 1983 – *Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Вегетативная машина // Системное и теоретическое программирование: Тезисы докладов IV Всесоюзного симпозиума. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 67–69.
- Земская 1973 – *Земская Е.А.* Современный русский язык: Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
- Маслов 1967а – *Маслов Ю.С.* Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление / Отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1967. С. 284–294.
- Маслов 1967б – *Маслов Ю.С.* Знаковая теория языка // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 354: Вопросы общего языкознания: Материалы республиканского семинара преподавателей общего языкознания / Отв. ред. А.Г. Руднев. Л., 1967. С. 109–126.
- Маслов 1968 – *Маслов Ю.С.* Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка // Вопросы языкознания. 1968. № 4. С. 69–79.
- Маслов 1987 – *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
- Маслов 2004 – *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. 840 с.
- Мельчук 1974 – *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». Ч. 1: Семантика. Синтаксис. М.: Наука, 1974. 345 с.
- Мельчук 1990 – *Мельчук И.А.* Словообразование в лингвистических моделях типа «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» (предварительные замечания) // *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich*. Bialystok, 1990. С. 47–74.
- Мельчук 1995 – *Мельчук И.А.* Словообразование в лингвистических моделях «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Moskau; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1995. Sdb. 39. S. 475–504.
- Пантюхина, Борщёв, Хомяков 1972 – *Пантюхина М.Е., Борщёв В.Б., Хомяков М.В.* Об одном способе описания языка химических структурных формул // НТИ. Серия 2. 1972. № 5. С. 34–36.

Санников 1998 – Санников В.З. О словообразовательном компоненте в системе автоматической обработки русских текстов // Семиотика и информатика. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1998. Вып. 36. С. 203–226.

References

- Apresyan, Yu.D. (1974), *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics], Nauka, Moscow, USSR.
- Barulin, A.N. (1977), “Some theoretical problems arising in the description of the Turkish nominal inflection”, in *Tezisy dokladov I Mezhdunarodnogo simpoziuma uchenykh sotsialisticheskikh stran na temu: “Teoreticheskiye problemy vostochnogo yazykoznaniya”* [Abstracts of the I International Symposium of Scientists of the Socialist Countries on the topic: “Theoretical Problems of Eastern Linguistics”], Moscow, USSR, pp. 23–27.
- Barulin, A.N. (1977), “About the concept of ‘meaning’”, in *Tezisy simpoziuma “Problema znacheniya v sovremennoi lingvistike”* [Abstracts of the symposium “The problem of meaning in modern linguistics”], GSSR Institute of Linguistics, Tbilisi, USSR, pp. 11–13.
- Barulin, A.N. (1978), “On the problem of interpretation of the referent”, in *Tezisy konferentsii aspirantov i molodykh nauchnykh sotrudnikov* [Abstracts of the conference of graduate students and young researchers], vol. 3, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of USSR, Moscow, USSR, pp. 18–20.
- Barulin, A.N. (1979), “Some problems of describing Turkish nouns”, in *Problemy yazykov Azii i Afriki* [Problems of the languages of Asia and Africa], Moscow, USSR, pp. 16–69.
- Barulin, A.N. (1980), “The place of the word formation model in the general language model”, in *Tezisy Rabocheho soveshchaniya po morfeme* [Abstracts of the workshop on the morpheme], Nauka, Moscow, USSR, pp. 9–15.
- Barulin, A.N. (1980), “On the syntax of the word form (on the material of the Turkish language)”, in *Tezisy Rabocheho soveshchaniya po morfeme* [Abstracts of the workshop on the morpheme], Nauka, Moscow, USSR, pp. 16–20.
- Barulin, A.N. (1982), “On the problem of describing the syntax of a word form (based on the Turkish language)”, in *Teoreticheskiye problemy vostochnogo yazykoznaniya* [Theoretical problems of Eastern linguistics], vol. 5, Moscow, USSR, pp. 23–54.
- Barulin, A.N. (1984), *Teoreticheskiye problemy opisaniya turetskoi imennoi slovoformy. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk* [Theoretical problems of the description of the Turkish nominal word form], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, USSR.
- Barulin, A.N. (1987), “To the construction of an integral model of the language”, in *Tezisy dokladov VIII Mezhdunarodnogo kongressa «Logika, metodologiya i filosofiya nauki»* [Abstracts of the 8th International Congress “Logic, Methodology and Philosophy of Science”], Moscow, USSR, pp. 17–23.

- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1970), "Neighborhood grammars and translation", *NTI, Series 2*, no. 3, pp. 39–44.
- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1973), "Axiomatic approach to the description of formal languages", in Shaumyan, S.K. (ed.), *Matematicheskaya lingvistika* [Mathematical linguistics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 5–47.
- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1973), "Neighborhood translations", in Shaumyan, S.K. (ed.), *Matematicheskaya lingvistika* [Mathematical linguistics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 48–62.
- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1974), "Schemas for functions and relationships", in Bocharov, D.A. (ed.), *Issledovaniya po formalizovannym yazykam i neklassicheskim logikam* [Research in formalized languages and non-classical logics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 23–49.
- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1976), "Club systems (formal apparatus for describing complex systems)", *NTI, Series 2*, no. 8, pp. 3–6.
- Borschev, V.B., Brudno, V.A. and Chomjakov, M.V. (1977), "Logical description of dependency structures on databases", *NTI, Series 2*, no. 7, pp. 17–18.
- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1979), "About informational equivalence of databases", *NTI, Series 2*, no. 7, pp. 14–21.
- Borschev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1983), "Vegetative machine", in *Sistemnoe i teoreticheskoe programmirovaniye. Tezisy dokladov IV Vsesoyuznogo simpoziuma* [System and theoretical programming. Abstracts of the 4th All-Union Symposium], Shtiintsa, Kishinev, USSR, pp. 67–69.
- Zemskaya, E.A. (1973), *Sovremennyy russkiy yazyk: Slovoobrazovaniye* [Modern Russian language. Word formation], Prosveshcheniye, Moscow, USSR.
- Maslov, Yu.S. (1967), "What linguistic units should be considered signs?", in Filin, F.P. (ed.), *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking], Nauka, Moscow, USSR, pp. 284–294.
- Maslov, Yu.S. (1967), "Sign theory of language", in [Scientific notes of the Herzen Leningrad Pedagogical Institute], vol. 354, Leningrad, USSR, pp. 109–126.
- Maslov, Yu.S. (1968), "On the main and intermediate tiers in the structure of the language", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 69–79.
- Maslov, Yu.S. (1987), *Vvedeniye v yazykoznaniye* [Introduction to linguistics], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
- Maslov, Yu.S. (2004), *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* [Selected works. Aspectology. General linguistics], YASK, Moscow, Russia.
- Mel'čuk, I.A. (1974), *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei "Smysl ⇔ Tekst". Ch. 1: Semantika. Sintaksis* [Experience in the theory of linguistic models "Meaning – Theory". Part 1. Semantics. Syntax], Nauka, Moscow, USSR.
- Mel'čuk, I.A. (1990), "Word formation in linguistic models of the type 'Meaning ⇔ Text' (preliminary remarks)", in *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich*, Bialystok, Poland.
- Mel'čuk, I.A. (1995), "Word formation in linguistic models 'Meaning ⇔ Text' ", in Mel'čuk, I.A. *Russkii yazyk v modeli "Smysl ⇔ Tekst"* [Russian language in the model

“Meaning $\Leftrightarrow$ Text”], Wiener Slawistischer Almanach, Wien, Austria, Moscow, Russia, pp. 475–504.

Pantyukhuna, M.E., Borshev, V.B. and Chomjakov, M.V. (1972), “On one way to describe the language of chemical structural formulas”, *NTI. Seriya 2*, no. 5, pp. 34–36.

Sannikov, V.Z. (1998), “On the word-formation component in the system of automatic processing of Russian texts”, in *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], Yazyki russkoi kul'tury, Russkiye slovari, vol. 36, Moscow, Russia, pp. 203–226.

Информация об авторе

Сергей А. Крылов, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; krylov-58@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Krylov, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; krylov-58@mail.ru

Миф об ошибке: к вопросу о нормативности сочетания *самый лучший*

Наталия Ю. Муравьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Natalia.yur.2012@gmail.com*

Аннотация. В центре внимания статьи проблема нормативности сочетания *самый лучший*. Цели исследования формулируются следующим образом: 1) опровергнуть мнение о несоответствии сочетания *самый лучший* литературной норме; 2) доказать, что данное сочетание отвечает критериям нормативности языкового явления при помощи данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), примеров из русской классической литературы, текстового контента интернет-порталов (в том числе справочно-информационного портала «Грамота.Ру»), сведений из академических и современных грамматик русского литературного языка, справочников для редакторов, учебных пособий и словарей; 3) попытаться выявить грамматические и семантические особенности употребления сочетания *самый лучший* в сравнении с *лучший* и *самый хороший* в разных контекстах. В результате анализа установлено, что 1) нормативность аналитической формы превосходной степени *самый лучший* во многих современных авторитетных источниках замалчивается, следствием чего оказывается неоправданное лишение данного сочетания статуса нормативного, несмотря на его соответствие системе современного русского литературного языка и регулярную массовую воспроизводимость; 2) аналитическая форма *самый лучший* употребляется носителями языка для преодоления грамматической омонимии с формой сравнительной степени, как средство выражения экспрессии, а также как маркер несобственно-прямой речи; 3) у словоформы *лучший* присутствует ряд признаков самостоятельной лексики со своей парадигмой.

Ключевые слова: грамматика, стилистика, литературная норма, степени сравнения прилагательных

Для цитирования: Муравьева Н.Ю. Миф об ошибке: к вопросу о нормативности сочетания *самый лучший* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 33–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-33-54

“Myth” about the error:
on setting the norm for the word-combination
samyi luchshyi

Natalia Yu. Muravyova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

Natalia.yur.2012@gmail.com

Abstract. The article focuses on the problem of setting the norm for the word-combination *samyi luchshyi*. The purposes of this research are 1) to challenge the statement about deviation of the word-combination *samyi luchshyi* from the established literary norm; 2) to prove this pattern satisfies the criteria of defining a language fact as a normative one, under support of data from The National Corpus of Russian Language (NCRL), Russian classical literature, web-portals (including the reference and information portal «Gramota.ru»), a number of dictionaries, descriptive and prescriptive grammars of the modern Russian language, grammar reference books; publisher's guides and training manuals; 3) to reveal the grammatical and semantic peculiarities of the word-combination *samyi luchshyi* in comparison with the words *samyi horoshiy* and *luchshyi* given in different contexts. As a result, it has been found, that 1) in many authoritative works of modern scientists complex superlative degree formed with the help of an adjective in comparative degree ending in – *shyi* isn't mentioned at all, and, as follows from this fact, the word-combination *samyi luchshyi* is forcibly deprived of the normative status, despite its compliance with the system of contemporary literary language and regular mass reproducibility; 2) the analytic form of the adjective *samyi luchshyi* is used to avoid grammatical homonymy with the form of comparative degree – *luchshyi*, to mark expression and forms of nonintrinsic-direct speech; 3) it is possible to assume the word-form *luchshyi* has some of the features of the lexeme with its own paradigm.

Keywords: grammar, stylistic, literary norm, degrees of comparison of adjectives

For citation: Muravyova N.Yu. (2024), “‘Myth’ about the error: on setting the norm for the word-combination *samyi luchshyi*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 33–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-33-54

По отношению к *лучшему* и *худшему* никакое усиление качества не кажется преувеличением.
В.В. Виноградов

Хотя против такой будто бы излишней формы восстают некоторые наши грамматики, но лучшие наши писатели, употребляя оную, уничтожают всякое сомнение...
Ф.И. Буславев

Введение

Сочетание *самый лучший* у всех на слуху: его мы слышим и на улице, и в аудитории, и в речи друзей, и коллег на работе – преподавателей, редакторов, научных сотрудников. Однако некоторая проблема заключается в том, что все говорят, но никто не признается: в случае переспроса или просьбы уточнить, нормативно ли такое сочетание, почти все без исключения начинают корректировать свою речь. И совершенно уверенно отвечают, в особенности редакторы и корректоры, студенты и абитуриенты, что нормативным такое сочетание не является. Почему?

Объект исследования в данной статье – сочетание *самый лучший*. Цель – выяснить, является ли это сочетание правильным, соответствует ли нормам современного литературного языка. И если соответствует, то собрать аргументы в пользу его литературности и уместности в языковой системе, а также выявить причины возникновения мифа о его ошибочности. В некотором роде детективное расследование мне помогли провести классические и современные грамматические описания, учебная литература, интернет-порталы и справочники для редакторов, словари, произведения русской классической литературы, в том числе примеры, собранные в НКРЯ, а также представленные в Корпусе данные об употреблении сочетания *самый лучший* в разных стилях и жанрах. Особое внимание при анализе примеров уделяется не только частотности сочетания *самый лучший*, но и его семантике, прагматике, стилистике, в том числе грамматической семантике и вопросу о существовании лексемы *лучший* с собственной морфологической парадигмой¹.

¹ Статья является продолжением начатого в 2016 г. исследования [Муравьева 2016].

1. Научные грамматики

Классические работы по грамматике обычно приводят значительное количество примеров из текстов художественной литературы, содержащих соединение слова *самый* с формой превосходной степени (в том числе *самый лучший*), но чаще всего никак не комментируют их нормативность или ненормативность – не ставя перед собой учебных целей, а лишь констатируя и описывая то, что реально присутствует в узусе (Виноградов 2001, с. 211), [Исаченко 2003, ч. 1, с. 215, Князев 2007, с. 223].

«Русская грамматика» 1980 г. [Грамматика 1980, Т. 1] и «Грамматический словарь» А.А. Зализняка (Зализняк 2003) не дают информации по этому вопросу, так как в парадигму прилагательного в понимании этих авторов включается только сравнительная степень, превосходная же остается за рамками словоизменения. Однако и «Словарь сочетаемости слов»², и 2-й том «Русской грамматики» 1980 г. [Грамматика 1980, т. 2] не включает это сочетание в круг синтаксических объектов.

В то время как «Грамматика русского языка» 1952–1954 гг. не только упоминает, но и, более того, утверждает нормативность сочетания *самый лучший*, формулируя основное правило образования форм степеней сравнения имен прилагательных следующим образом: «...сложные формы превосходной степени образуются путем сочетания местоимения *самый* с прилагательным в положительной степени, **а также с формами сравнительной степени на -ший** (*большой, меньший, высший, низший, лучший, худший, старший, младший*), напр.: *самый лучший, самый умный, самый хороший*. Этот способ образования превосходной степени является в современном русском языке **наиболее распространенным и продуктивным**» [Грамматика 1952, с. 298–299] (здесь и ниже выделение полужирным. – Н. М.).

Таким образом, искомая аналитическая форма не имеет ни стилистических, ни архаических помет, способ образования даже не представляет собой какого-либо исключения из правил, а включен в основную формулировку.

Несмотря на, казалось бы, найденный более чем четкий ответ, удивляет то, что единственная из авторитетных грамматик – издание Академии наук – в последний раз упоминает о нормативности сочетания *самый лучший* в середине XX в. И здесь появляется

² Словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983. 688 с.

желание прогнать сомнение об изменении языковой нормы с тех пор – за более чем полвека, – обнаружив подтверждение данному правилу хотя бы в каких-либо еще источниках.

2. Учебная литература

Поиски ответа на этот вопрос в учебной литературе привели к следующим результатам:

- большинство (из примерно 40 просмотренных³) современных⁴ учебных пособий и учебников по современному русскому языку, морфологии современного русского языка, по культуре речи только указывают на правило сочетания слова *самый* именно с положительной степенью прилагательного (Гвоздев 2009; Камынина 2010; Инфантова 2010; Максимов 2010; Лекант 2013; Шелякин 2005);
- или еще и четко и ясно иллюстрируют «грубые» грамматические ошибки, возникающие при соединении *самый* с формой превосходной степени (см. **самый величайший*, **наиболее красивейший*, **наименее сладчайший*, **самый интереснейший* и др. (Марковская 2015, с. 47; Черняк 2012, с. 123; Штрекер 2011, с. 242);
- и лишь три издания пишут о том, что некоторые исключения из этого общепринятого правила все-таки возможны (Черняк 2005, с. 195; Осипова 2010, с. 50; Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009, с. 275).

Из этих трех учебников лишь в двух – Л.И. Осиповой и Н.М. Шанского – сказано, что аналитическая форма превосходной степени образуется, в том числе, «в сочетании с формами сравнительной степени на *-ший*», в качестве примера приводится *самый лучший*. Н.М. Шанский предлагает объяснение: поскольку у слов типа *лучший* значение превосходной степени является «неосновным» и «стертым» (Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009, с. 275).

Из данного обзора следует вывод о том, что абсолютное большинство современных учебных и справочных пособий умал-

³ В поисках ответа на этот вопрос автором статьи было перелистано около 40 пособий из Подсобного фонда 3 читального зала Российской государственной библиотеки.

⁴ Включая активно переиздающиеся «классические» учебники, такие как учебники А.Н. Гвоздева, Е.М. Галкиной-Федорук, К.В. Горшковой, Н.М. Шанского и др.

чивают о нормативности сочетания *самый лучший*, что может свидетельствовать

- или об очевидности и общеизвестности этого факта (что не подтверждается мнением в том числе знакомых мне редакторов),
- или же об отсутствии твердой уверенности авторов большинства учебных пособий в правомерности использования этого сочетания в литературном языке (что предположительно может объясняться отсутствием какой-либо информации по этому вопросу в последнем издании «Русской грамматики»).

Следствием оказывается дезинформация учащихся. В частности, в вопросе № 1884561884 на портале «Грамота.Ру» студенты факультета журналистики МГУ прямо утверждают, что им на занятиях «говорили, что писать так <самый лучший> – грубейшая грамматическая ошибка»⁵.

3. Портал «Грамота.Ру»

Специалисты Справочно-информационного портала допечатной подготовки «Грамота.Ру» (целью создания которого изначально предполагалось консультирование именно практикующих редакторов) отвечают на вопрос о корректности сочетания упомянутым выше студентам журфака и всем другим интересующимся следующим образом:

- «Это допустимое сочетание для разговорной речи, в ситуации непринужденного общения. Но в **образцовой** литературной речи его **лучше избегать**» (ответы на вопросы № 287294, 288452, 292424 и др.);
- «Вопрос довольно спорный. Логически – да, слово *самый* используется в сочетании с качественным прилагательным для образования превосходной степени: *самый сильный, самый быстрый, самый умный*, а *лучший* – **уже форма превосходной степени**. Но, с другой стороны, словосочетание *самый лучший* **не режет слух**, воспринимается как **корректное**. Так говорят, так пишут. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 2003) словосочетание *самый лучший* свободно употребляется в словарных статьях (и в толкованиях, и в качестве иллюстраций).

⁵ Справочно-информационный портал допечатной подготовки «Грамота.РУ» <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer>

Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о том, что в данном случае **норма смягчилась**, и, **наверное**, это **правильно**. Скажем, есть сочетание, корректность которого не вызывает сомнений: *лучший из лучших*. Как иначе назвать лучшего из лучших? *Самый хороший* или *самый лучший*?» (ответ на вопрос № 1884561884 и др.⁶).

Таким образом, специалисты портала лишь подтверждают, что «так говорят», сочетание воспринимается носителями языка как привычное и даже «корректное», однако сами тут же высказывают свое личное сомнение в этой корректности и через вводное слово *наверное*, и через рекомендацию данного сочетания избегать в «образцовой литературной речи». Также интересной представляется мысль о том, что «норма смягчилась», сочетание как бы становится более правильным, чем было раньше, что доказывается ссылкой на толковый словарь 2003 г. издания. Так же важно, что словоформе *лучший* здесь приписывается значение «формы превосходной степени».

4. Толковые словари

Мнение специалистов портала противоречит взглядам составителей словарей. Толковые словари, включая размещенный на портале «Грамота.Ру» и уже упомянутый словарь С.А. Кузнецова, пишут как раз о том, что *лучший* имеет значение не только превосходной степени (это второе значение в словарной статье) от слова *хороший*, но и сравнительной степени (и это первое значение). К первому значению приводятся примеры: *Ожидать лучшей погоды; Лучшие дни еще впереди; Лучшая работа, чем была раньше, ожидала его; Лучший мир; Уйти в лучший мир* (Кузнецов 2014).

Словарные статьи – это тексты, созданные одним из авторов словарей – бесспорно авторитетным носителем языка своего времени, профессиональным лингвистом, – и представляющие собой, очевидно, один из «образцовых» текстов литературного языка, содержат интересующее нас сочетание. И такие примеры мы находим не только в словаре С.А. Кузнецова, но и в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой, А.Н. Тихонова, «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой. В частности, С.И. Ожегов употребляет *самый лучший* в качестве иллюстративного материала в статье слова *лучший*; Д.Н. Ушаков в одноименной статье приводит

⁶ Там же.

пример из Тургенева: *Он был одет на **самый лучший** английский манер*; словарь под редакцией А.Н. Тихонова приводит аналогичный пример в статье к слову *хороший* и т. д. Все без исключения указанные словари объясняют семантику слова *наилучший* как «*самый лучший...*» (Ефремова 2000; Тихонов 2001; Ожегов 1986; Евгеньева 1985; Ушаков 1994).

Таким образом, сочетание *самый лучший* никак не может считаться новым веянием начала XXI в.

5. Русская классическая литература

Обращение к текстам русской классической литературы XIX–XX вв. позволяет убедиться в частотности употребления сочетания *самый лучший* в «образцовой литературной» речи, что свидетельствует о его нормативности и в прошлом столетии, и в позапрошлом.

В частности, А.С. Пушкин употребляет это сочетание в «Сценах из рыцарских времен»:

- *Ей-богу, сударь, **самый лучший** товар, дешевле нигде не найдете;*

и в письме к А.А. Дельвигу:

- *Праздный мирь не **самое лучшее** состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ;*
- ***Самаго лучшаго** состоянія нтъ на свѣтъ; но разнообразіе спасительно для души⁷.*

Примеров найдено только три, но синонимичного грамматически правильного (согласно большинству нормативных источников) сочетания *самый хороший* в текстах А.С. Пушкина не встречается ни разу.

Если обратиться к другим классикам, то обнаруживаем следующее (данные НКРЯ, дата обращения – 15.07.2022):

⁷ Пример из текста «Сцены из рыцарских времен» найден в результате работы с поисковой системой «Яндекс» (<http://yandex.ru/>). Два последних примера А.С. Пушкина – в результате работы с поисковой системой Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Автор	Количество употреблений <i>самый лучший</i> во всех текстах	Количество употреблений <i>самый хороший</i> во всех текстах
М.Ю. Лермонтов	5	0
Н.В. Гоголь	18	0
И.С. Тургенев	18	0
М.Е. Салтыков-Щедрин	89	0
Ф.М. Достоевский	58	2
А.П. Чехов	51	3
Л.Н. Толстой	81	32
М.М. Пришвин	52	25
М. Горький	38	0
М.А. Булгаков	16	0

Таким образом, только по этой статистике видно, что на начало XX в. наблюдается даже некоторый спад, а не увеличение количества употреблений сочетания *самый лучший*. Тем не менее не вызывает сомнений, что эта конструкция нормативна.

6. Статистические данные

Без привязки к авторству статистические данные, предлагаемые на сегодняшний день основным корпусом НКРЯ, представлены в виде графиков с распределением по годам.

График 1 посвящен сочетанию *самый хороший*, он показывает, что наибольшая активность употребления данного сочетания связана с самым концом XVIII в. – чуть меньше 10 употреблений на миллион словоформ. Частотность употребления на сегодняшний день едва превышает примерно 2 употребления на 1 миллион слов (дата обращения – 15.07.2022).

Напротив, частотность употребления *самый лучший* в наши дни составляет около 20 употреблений на миллион, продолжительный максимум принадлежит второй половине XVIII в., а наибольший всплеск активности – это 1740-е гг.: показатели стремятся к 100 употреблениям на миллион (график 2, дата обращения – 15.07.2022).

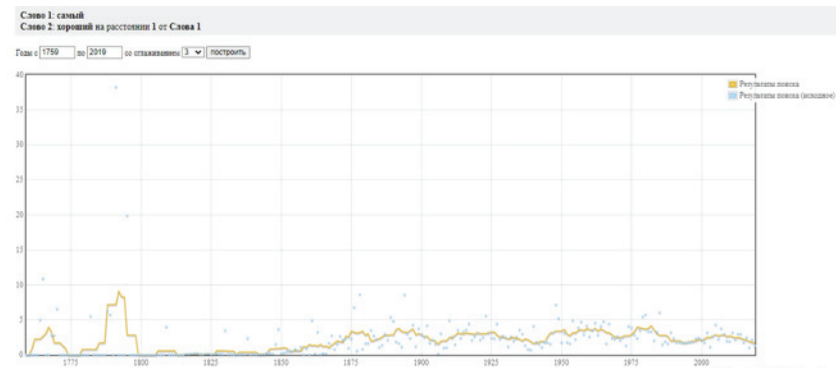

График 1. Статистика частоты употребления сочетания
самый хороший

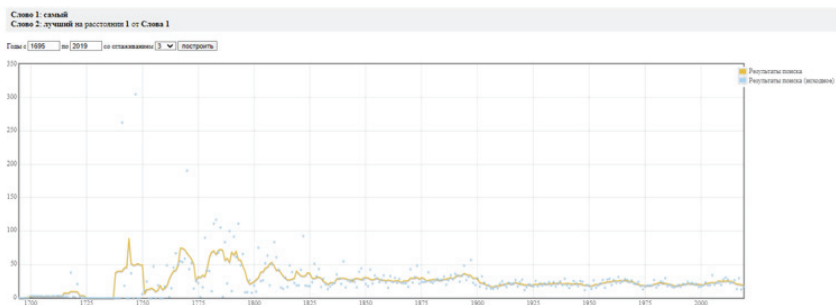

График 2. Статистика
частоты употребления сочетания *самый лучший*

Таким образом, очевидно, что *самый лучший* можно считать основным способом выражения семантики превосходности, поскольку начиная с XVIII в. разница по частоте употребления сочетания *самый лучший* и *самый хороший* десятикратна. Однако по сравнению с началом XIX в. частотность употребления *самый хороший* возрастает, а *самый лучший* уменьшается.

Впрочем, по отношению к своим максимумам XVIII в. показатели снижаются у обоих сочетаний. Интересно, что это же можно сказать и о частотности употребления словоформы *лучший* (которая, очевидно, может выражать тот же смысл превосходной степени).

Видимо, это свидетельствует о некотором росте критичности носителей языка или даже подавленности и угнетенности. Об этом же говорит и тот факт, что и словоформа *худший*, в текстах XVIII в. практически совсем не зафиксированная, по данным НКРЯ, на протяжении XX в. трижды достигает своего максимума. К этим же максимальным цифрам подошли и примеры наших дней: это период около 1925 г., в 1960-е, 1990-е гг. и в настоящее время – около 23–24 словоформ на миллион (график 3)⁸.

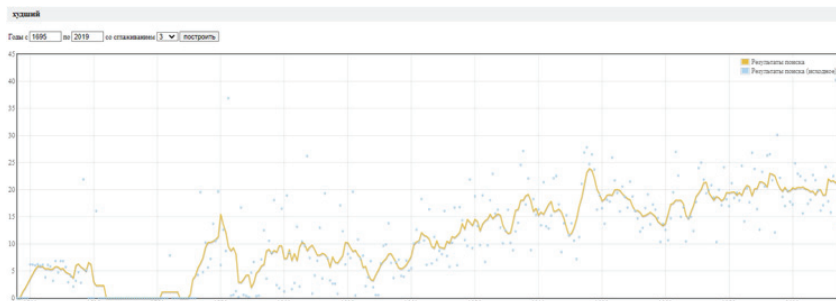

График 3. Статистика частоты употребления словоформы *худший*

Если суммировать все собранные Национальным корпусом тексты, то поиск на *самый лучший* выдает 8827 примеров употребления этого сочетания. А поиск в той же базе на *самый хороший* дает в 10 раз меньше примеров – всего 918 вхождений⁹. Не позволяют ли все указанные количественные данные утверждать, что сочетание *самый лучший* всегда было и по сей день является нормативной грамматической формой?

⁸ Для сравнения: сочетание *самый плохой* употребляется то реже, то чаще, но более-менее равномерно на протяжении двух последних веков – это 1–2 употребления на миллион словоформ; *самый худший* – наблюдается сравнительно плавное возрастание частотности употребления от нулевых или равных единице показателей XVIII в. до 2–3 единиц века XX с кратковременным всплеском в 1970-е гг. до 4 употреблений.

⁹ Для сравнения: *лучший* – найдено всего 90 261 употребление, *наилучший* – 4718 употреблений.

7. О грамматической семантике

Исторически нынешняя форма превосходной степени на *-айш-*, *-ейш-* имела семантику сравнительной (Горшкова, Хабургаев 1997, с. 261; Виноградов 2001, с. 2015), такие примеры встречаются в текстах XIX в.: *Вкусная уха и еще **вкуснейшие** пироги* (Аксаков); *Образ Пушкина является в новом и еще **лучезарнейшем** свете* (Белинский); *Изменив голос на гораздо **грубейший** и обращаясь к квартальному...* (Герцен); а также примеры начала XX в.: *Сохранил в душе милый образ этой женщины, хотя видел **лучших** и **умнейших** ее* (Горький); *Мы выпускаем сотни грейдеров... и других дорожных машин, отнюдь не **худших**, чем американские* (Паустовский) (Голанов 2007, с. 100).

Как следствие, потребность разграничить разные – сравнительное и превосходное – значения формы, подчеркнуть максимальную степень признака приводит к использованию аналитических средств. Ср. примеры из НКРЯ:

- 4) *Мне кажется, сего вора всех замыслов и походов не только посредственному, но ниже **самому превосходнейшему** историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели* (Пушкин. История Пугачева, 1833);
- 5) *Кавалерия Капикулы или Спаги, содержится на счет султанской казны: составляя отборное войско (*elite*), она употребляется в решительных действиях; служит охранением особы и казны Султана, собирает подати и недоимки с губерний, и **самый высший** разряд оной не иначе сражается, как пред лицом государя* (Пушкин. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын отечества, 1826),

а также: *по **самой выгоднейшей** цене* (Гоголь); *В середине самой возвышенной скорби он вдруг зачинал смеяться **самым простонароднейшим** образом; Этот случай считаю, по совести, **самым сквернейшим** поступком из всей моей жизни* (Достоевский); ***самое убедительнейшее** доказательство* (Белинский); *Одно из **самых мучительнейших** отношений для ревнивцев – это известные светские условия...* (Л. Толстой) и многие другие примеры, найденные В.В. Виноградовым (Виноградов 2001, с. 211).

Перечисленные примеры с точки зрения начала XXI в. представляются устаревшими. Но этого нельзя сказать о примерах со словоформой *лучше* в значении сравнительной степени: ***Лучшего** работника не найти; Жаль, что арап, а **лучшего** жениха грех нам и желать* (Пушкин), ***Лучшего** командира для головного участка*

не придумаешь (Ажаев); Дело принимает *лучший*, чем я ожидал, оборот. Все к *лучшему*. Ничего *лучшего* я и не желал; *Лучших* нет, так хороши и этот. Не покидай хорошего для (ради) *лучшего* и др. Подобные предложения не режут слух и в наше время, близки к вполне употребляемым нами примерам и вполне активно используются в Интернете.

Таким образом, именно забытая авторами многих учебных пособий и справочных изданий грамматическая омонимия сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных на *-ший* является основанием и объяснением для использования аналитических средств – единственного способа конкретизировать семантику суперлатива.

8. О морфологической парадигме

Еще более весомым аргументом в пользу нормативности сочетания представляются морфологические свойства слова *лучший*, его способность и в современном языке активно употребляться в форме множественного числа. Следовательно, слово предполагает не единственного носителя признака, а распространяет высокую степень признака на ряд объектов и потому уже не называет – предполагающую единичность обладателя – собственно «высшую» степень: *лучшие дни юности; лучшие качества; один из лучших рассказов* и т. д. Именно на это грамматическое свойство обращают внимание и обычные носители языка.

Из возможности и, более того, естественности образования форм множественного числа опять же следует, что семантика суперлатива у слова *лучший* и в современном языке остается неявной, а необходимость ее эксплицировать требует дополнительных – аналитических средств.

В продолжение разговора о морфологической парадигме хочется вспомнить о супплетивности форм по отношению к исходной, начальной форме. *Хороший и плохой* практически во всех европейских языках имеют супплетивное образование степеней сравнения. Однако лишь в русском языке существуют параллельные аналитические формы превосходной степени: *самый хороший* наряду с *самый лучший*, что рождает вопрос не только о семантическом тождестве или, наоборот, различии этих сочетаний, но и о принадлежности или не принадлежности их к одной парадигме.

Известно, что большинство других слов современного русского языка на *-ший* изменили свое значение: *старший* уже не воспринимается как словоформа из парадигмы *старый* (ни в словосочетании

старший брат, ни в словосочетании *старший научный сотрудник*), *высшее блаженство* вряд ли можно заменить на *самое высокое блаженство* без нарушения сочетаемости и т. д. Наличие двух параллельных форм превосходной степени, видимо, тоже можно считать доказательством существования двух разных слов. Система поиска НКРЯ, к слову, не выдает по запросу «превосходная степень» к слову «*хороший*» примеры на «*лучший*»¹⁰. Действительно ли это две разные лексемы?

9. О семантике и прагматике

Обсуждать семантическую разницу между словоформой *лучший* и сочетаниями *самый хороший* и *самый лучший* представляется достаточно непростым занятием: и языковое чутье без оглядки на контекст отказывается проводить четкую границу между единицами, и редакторы традиционно советуют выполнять замену псевдо-ошибочного сочетания на указанные синонимы.

Для анализа контекстов ограничимся представленными в НКРЯ фрагментами из М.М. Пришвина, поскольку у него в достаточном количестве встречаются примеры как с одним, так и с другим сочетанием, причем с разницей по частотности всего в два раза (см. табл. в разд. 5).

Итак, первая особенность – необычная частотность сочетания *самый хороший* у данного автора (менее частотно по отношению к частоте употребления сочетания *самый лучший* в 2 раза, а не в 10, как в целом по Корпусу).

Вторая особенность: 21 пример на *самый хороший* из 25 находим в тексте «Дневников» Пришвина за разные годы, а не в его художественной прозе.

Оставшиеся 4 примера из художественных текстов:

- б) *Но не все знают, что самая-самая хорошая* клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом (Пришвин. Кладовая солнца);
- 7) **Самые хорошие** мастера не позывисты, они до тех пор не бросят гон, пока ты не убьешь зверя (Пришвин. Соловей-топограф);
- 8) *С каждым днем снег становился все глубже, но пользоваться лыжами все-таки было невозможно: с грузом за спиной на*

¹⁰ Напомним, что словари рассматривают словоформу *лучший* исключительно как сравнительную или превосходную степень к начальной форме *хороший*.

*вырубке переломаешь всякие, даже **самые хорошие** лыжи* (Пришвин. Серая сова);

- 9) *Это бывает на болотах в **самые хорошие** дни* (Пришвин. Белая радуга).

В примере (6) присутствует косвенное цитирование, оценка принадлежит не повествователю, чужие слова достаточно экспрессивны, экспрессивность проявляется в редупликация служебного слова. Если замена словоформы *хороший* на *лучший* и возможна, редупликация, наверное, была бы уже излишней. В других примерах экспрессии или эмоциональности нет, стиль ровный, слова принадлежат говорящему (косвенная/несобственно-прямая речь [Ковтунова 2010] отсутствует). Замена на *лучший* возможна в примере (8), однако представляется, что ровное спокойствие стиля поменяется на несколько восторженную, может быть, возбужденную манеру изложения. *Самые хорошие лыжи* – это соответствие существующему стандарту лыж, их качество; замена на *самые лучшие* возможна, но тогда речь пойдет об эмоциональной оценке качества этого соответствия. Аналогично в примере (9) *самые хорошие дни* есть характеристика погоды, таких дней бывает немало, *самые лучшие дни* – представляется, что таких дней меньше, а характеризуется, возможно, не погода, а личные радостные события тех дней. Интересен следующий пример из воспоминаний:

- 10) *И тогда он сам притронулся к моей руке, остановил ее и сказал: «Я хочу сделать для вас только **самое хорошее**»* (Пришвин, Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви).

Сделать *самое хорошее* – это, представляется, *самое доброе*. Замена на *самое лучшее* меняет смысл, а также, видимо, лишает ситуацию некоторого количества вариантов обещанного: *самого лучшего* интуитивно меньше, чем *самого хорошего*.

Таким образом, возможность замены сочетания *самый хороший* на сочетание *самый лучший* есть, но она не всегда обеспечивает сохранение описываемой в авторском тексте ситуации. *Самый хороший* обычно появляется в предложениях нейтральной стилистики, *самый лучший* маркирует эмоционально-экспрессивную приподнятость речи говорящего.

Самый лучший встречается в 52 примерах М.М. Пришвина, причем 39 из них опять же из «Дневников». Однако эти фрагменты или эмоциональны, или акцентируют внимание на превосходной степени, часто соседствуют с ограничительными или усилительными частицами, полнозначенательными экспрессивными лексическими средствами. В этих текстах частотны случаи прямой речи героев текста, внутренней речи или несобственно-прямой речи персонажа в авторском повествовании.

- 11) *И я Вам скажу: это не «легкомысленный ответ», а одна из **самых лучших** моих работ, в которой под именем «жизни» утверждается общественность, которой Вы так жаждете* (Пришвин. Дневники);
- 12) *Очень возможно, что куропатка **самая лучшая** дичь* (Пришвин. Дневники);
- 13) *Но страшно, когда какой-то «Он» придет, захватит, унесет изнутри все «**самое лучшее**», и Она останется с перегоревшей душой отрешенною девой, и все другие потом о ней говорят: ни ворона, ни пава!* (Пришвин. Дневники).

Таким образом, различия между сочетаниями или в оттенках значения, препятствующих автоматической взаимозамене, или в прагматике: *самый лучший* оказывается показателем эмоциональной, заинтересованной речи; маркером «голоса» героя в авторском повествовании – несобственно-прямой речи. *Самый хороший* – маркер сдержанного стиля, отсутствия эмоциональности. Невозможность замены может служить показателем разделения супплетивных форм на две лексемы. А если *лучший* – это отдельная лексема, то она имеет право и на самостоятельную парадигму степеней сравнения.

Что касается формы *лучший*, то она встречается во всех текстах «Дневников» М.М. Пришвина 242 раза (включая 52 примера в составе сочетания *самый лучший*). Критерии возможности/ невозможности замены обнаруживаются следующие:

- невозможно перифразировать субстантивированное употребление словоформы:

(14) *Я, напрягая всего себя, чтобы увидеть новое **лучшее**, готовлюсь стоять за него, воевать...* (Пришвин. Дневники);

- невозможно перифразировать словоформу с семантикой сравнительной степени:

(15) *Возьмите его, как один из боевых флажков, с собой, в ваши битвы за создание более справедливого и **лучшего** мира!* (Пришвин. Дневники).

В остальных примерах разница между *лучший* и *самый лучший* видится в охвате объектов: *лучшие года* – это чуть больше лет по сравнению с *самыми лучшими*, *лучших людей* несколько больше, чем *самых лучших*, а потому замена в таких контекстах предполагает уменьшение количества денотатов:

(16) *Великий истязатель увлек с собою в это окно Европы мысли лучших русских людей, но тело их, тело всего народа погрузилось не в горящие ли дебри и топи болотные?* (Пришвин. Дневники).

Причем такое понимание разницы опять подтверждает, что *лучший* не обладает семантикой суперлатива по отношению к *хороший*, это начальная форма новой лексемы со своей парадигмой.

10. О стилистике и жанровом распределении

Согласно предоставленной основным корпусом НКРЯ статистике по употреблению сочетаний *самый лучший* и *самый хороший*, оба сочетания имеют высокую частоту использования в таких функциональных сферах, как художественная литература, публицистика и бытовая сфера (в сумме более 90% всех употреблений у каждого сочетания). Как и следовало ожидать, официально-деловые тексты составляют наименьшую долю по наличию оценочного сочетания *самый хороший* (0,44% всех примеров), однако частотность сочетания *самый лучший* в этих же текстах чуть выше – 0,61%, что позволяет текстам официально-делового стиля обогнать производственно-технические тексты и рекламу.

Интересно, что учебно-научная литература составляет базу для 7% примеров на *самый лучший*, но 3% для *самый хороший*.

Если обратиться к статистике по жанровому «типу текста»¹¹, то лидируют у обоих сочетаний, с малыми вариациями последовательности, роман (20 или 19% примеров), статья, дневник, записная книжка, повесть, мемуары, рассказ и др. Минимум употреблений – жанры стихотворения, библиография, устав, договор, конспект, притча и т. д. для *самый лучший* и отчет, комедия, автобиография, доклад и т. д. – для *самый хороший*.

Интересно, что такой тип текста, как форум в интернете, в статистическом перечне для *самый лучший* стоит на десятом месте и содержит 2% всех употреблений сочетания, а в статистике для *самый хороший* занимает чуть более высокое седьмое место и представляет почти 4% употреблений. Возможно, будет верным предположение, что авторы учебников, учебных пособий и научной литературы следуют своему языковому чутью и «смелее» употребляют анализируемую форму не только в устной, но и в письменной речи, в то время как в речи пользователей форумов как раз проявляется гиперкоррекция.

¹¹ Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Среди жанров у обоих сочетаний лидируют тексты, названные в НКРЯ нежанровой прозой: одинаково по 22% употреблений. С заметным отрывом следуют документальная, детская, историческая проза (по 3–4%) и т. д. Единичные употребления (0,1% или даже 0,05%) отмечены в текстах медицинской прозы, сентиментальной прозы, в переводных текстах. Особое внимание обращает на себя последний пункт: возможно, речь идет о сомнениях переводчиков, демонстрирующих некоторую осторожность по отношению к обоим сочетаниям из-за несоответствия между их языковым чутьем и малодоступностью информации о кодификации исследуемого явления.

11. Выводы

Норма в узком смысле – это «результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению», она определяет кодифицированный литературный язык [Крысин 2015, с. 147–148]; в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что “уже сказано” и по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [Косериу 1963, с. 175]. Очевидно, что нас интересует причастность/непричастность сочетания *самый лучший* к кодифицированному литературному языку, в нормативности в широком понимании сомнений не возникает.

По данным Лингвистического энциклопедического словаря, «признание нормативности языкового явления или факта основывается на наличии по крайней мере трех признаков: на соответствии данного явления структуре языка; на факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; на общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным» (Семенюк 1990). В случае с сочетанием *самый лучший* можно с уверенностью говорить о массовой воспроизводимости и, с оглядкой на семантику формы, – о соответствии формы системе. Общественное одобрение, однако, остается на настоящий момент несколько спорным, как бы умалчиваемым, что и послужило поводом написания данной статьи.

Причина умолчания и массового сомнения видится в исчезновении по чисто теоретическим соображениям информации о формах превосходной степени, аналитических формах в частности, в последнем академическом издании Русской грамматики 1980 г. Именно на это издание ориентируются авторы учебной и справочной литературы, учителя и редакторы в вопросах морфологических свойств слова, не попадающих в грамматические словари. Немалую роль играет и сравнительно редкое употребление словоформы *луч-*

ший в значении сравнительной степени: грамматическая омонимия не «бросается в глаза». Создается иллюзия однозначности, лексикографические описания, в которых неоднозначность растолковывается, не устаиваются внимания наших современников.

Однако незаслуженно забытая (в учебной и справочной литературе) кодификация (зафиксированная в Грамматике русского языка 1952–1954 гг., основных толковых словарях и лишь отдельных современных учебниках) не отменяется ее забвением. По крайней мере до тех пор, пока *лучший* способно выразить в том числе идею сравнительной степени, а аналитические средства помогают избежать грамматической неоднозначности, подчеркнув семантику превосходности.

Что касается уместности/неуместности сочетания *самый лучший* в «образцовой литературной речи», то представляется, что дело не в образцовости, а в стилистическом предпочтении: видимо, консультанты «Грамоты.Ру» имели в виду нейтральную неэмоциональную речь, при сдержанной тональности изложения, обязательной для ряда стилей и жанров. Ни у кого не вызывает сомнения, что сочетание *самый лучший* вряд ли будет уместным в официально-деловой или производственно-технической документации. Однако анализ самих текстовых фрагментов, в том числе с точки зрения частотности употребления сочетания *самый лучший*, по данным НКРЯ, в разных стилях и жанрах, утверждают нас в понимании того, что перед нами сравнительно не частый пример влияния стилистической нормы на выбор грамматических средств.

Кодифицированный литературный текст эмоционального содержания не мыслится без сочетания *самый лучший* (по крайней мере, сочетание *самый хороший* в нем будет менее неуместно). Преобладание примеров в текстах художественной литературы связано не только с прямой речью героев. Авторский текст, в том числе автобиографической, дневниковой, мемуарной прозы, насыщен такими примерами начиная с А.С. Пушкина. В ряде случаев, оказываясь маркером эмоциональности, сочетание выступает и показателем несобственно-прямой речи (выражения в формально авторском тексте мыслей и сознания героя).

Хочется более детального и объемного исследования примеров с сочетаниями *самый лучший*, *самый хороший* и словоформы *лучший* на предмет возможности/невозможности замены и сохранения/потери семантических и прагматических смыслов. На настоящий момент анализ примеров М.М. Пришвина и внимание к грамматическим свойствам *лучший* дали возможность предполагать его существование как самостоятельной лексемы с собственной парадигмой, в том числе формами категории степеней сравнения.

Источники

- Виноградов 2001 – *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 2001. 720 с.
- Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009 – *Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М.* Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. М., 2009. 408 с.
- Гвоздев 2009 – *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1: Фонетика и морфология (теоретический курс). М., 2009. 472 с.
- Голанов 2007 – *Голанов И.Г.* Морфология современного русского языка: Учеб. пособие. М., 2007. 256 с.
- Горшкова, Хабургаев 1997 – *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Изд-во МГУ, 1997. 384 с.
- Евгеньева 1985 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М., 1985–1988.
- Ефремова 2000 – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2000.
- Зализняк 2003 – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2003. 800 с.
- Инфантова 2010 – Русский язык: Морфология / Под ред. Г.Г. Инфантовой. М., 2010. 351 с.
- Камынина 2010 – *Камынина А.А.* Современный русский язык: Морфология. М., 2010. 240 с.
- Кузнецов 2014 – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1534 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Лекант 2013 – Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 2013. 766 с.
- Максимов 2010 – Современный русский литературный язык / Под ред. В.И. Максимова. М., 2010. 513 с.
- Марковская 2015 – *Марковская В.И.* Культура русской речи: нормативный и этический аспекты: Учеб. пособие. М., 2015. 164 с.
- Ожегов 1986 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1986. 797 с.
- Осипова 2010 – *Осипова Л.И.* Морфология современного русского языка. М., 2010. 192 с.
- Семенюк 1990 – *Семенюк Н.Н.* Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/337b.html>
- Тихонов 2001 – Комплексный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. М., 2001. 1229 с.
- Ушаков 1994 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1994.

- Черняк 2005 – Русский язык и культура речи / Под ред. В.Д. Черняк. М.; СПб., 2005. 509 с.
- Черняк 2012 – Русский язык и культура речи / Под общ. ред. В.Д. Черняк. М., 2012. 494 с.
- Шелякин 2005 – *Шелякин М.А.* Справочник по русской грамматике. М., 2005. 355 с.
- Штрекер 2011 – *Штрекер Н.Ю.* Русский язык и культура речи. М., 2011. 351 с.

Литература

- Грамматика 1952 – Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 720 с.
- Грамматика 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова: В 2 т. М., 1980.
- Исаченко 2003 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. 1. М.: Издат. дом «ЯСК», 2003. 880 с.
- Князев 2007 – *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Ковтунова 2010 – *Ковтунова И.И.* «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. М.: Азбуковник, 2010. 284 с.
- Косериу 1963 – *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–309.
- Крысин 2015 – *Крысин Л.П.* Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Крысин Л.П. Статьи о русском языке и русских языковедов. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 146–156.
- Муравьева 2016 – *Муравьева Н.Ю.* О нормативности сочетания «самый лучший» в современном русском языке // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Будапешт: Российский культурный центр, 2016. С. 132–140. (Сер. «Вестник Российского культурного центра»; вып. 30)

References

- Grammatika russkogo yazy'ka. T. 1. Fonetika i morfologiya.* (1952) [Phonetics and morphology], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
- Isachenko, A.V. (2003), *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim: Morfologiya* [The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak: Morphology], part 1, Izdatel'skii dom "YaSK", Moscow, Russia.
- Kovtunova, I.I. (2010), "Nesobstvenno pryamaya rech' " v yazyke russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. ["Improperly direct speech" in the language of Russian literature of the late 18th century – the first half of the 20th century], Azbukovnik, Moscow, Russia.

- Knyazev, Yu.P. (2007), *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective* [Grammatical semantics: Russian language in a typological perspective], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia.
- Koseriu, E. (1963), "Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya" [Synchrony, diachrony and history], in *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], iss. 3, Moscow, USSR.
- Krysin, L.P. (2015), "Variativnost' normy kak estestvennoe svojstvo literaturnogo yazyka" ["Variability of norms as a natural property of a literary language"], in Krysin, L.P., *Stat'i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh* [Articles about the Russian language and Russian linguists], Flinta, Nauka, Moscow, Russia, pp. 146–156.
- Muravyova, N.Yu. (2016), "O normativnosti sochetaniya 'samyi luchshii' v sovremennom russkom yazyke" [On the normativity of the combination "the best" in modern Russian language], in *Sovremennyi russkii yazyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniya* [Modern Russian language: functioning and problems of teaching], Rossiiskii kul'turnyi tsentr, Budapesht, Hungary, pp. 132–140. (*Seriya "Vestnik Rossiiskogo kul'turnogo tsentra"; vyp. 30*)
- Shvedova, N.Yu., ed. (1980), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], 2 vols., Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Наталья Ю. Муравьева, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Natalia.yur.2012@gmail.com

Information about the author

Natalia Yu. Muravyova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Natalia.yur.2012@gmail.com

Хеджинг как общесемиотическое явление

Валерий З. Демьянков

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
vdemiank@mail.ru*

Аннотация. А.Н. Барулин был замечательным исследователем, оставившим яркий след в установлении коммуникативных свойств человеческого праязыка. Эта реконструкция методически отличается от обычной реконструкции праязыка, поскольку не основана на прямом наблюдении над языковыми выражениями. Фонетическое и грамматическое описание первых человеческих языков поэтому невозможно. Однако наблюдения над реальными коммуникативными системами человека и животных, зафиксированными в истории, позволяют исследователям продвинуться и в этой области. Одним из интересных элементов таких коммуникативных систем являются «загородки», как в вербальном, так и в невербальном поведении носителей различных языков мира: благодаря этим элементам мнения и знания передаются от человека к человеку не как прямые суждения, а при «аккомодации» к контексту коммуникации. Рассматриваются некоторые свойства хеджинга, осуществляемого с помощью лексических единиц класса «возможно» и «вероятно», во взаимодействии с грамматическими средствами (время, наклонение и отрицание) в русском языке и за его пределами.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, коммуникативные системы человека и животных, «загородка», аккомодация дискурса, возможность и вероятность, манипулирование мнениями

Для цитирования: Демьянков В.З. Хеджинг как общесемиотическое явление // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 55–69. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-55-69

Hedging as a general-semiotic phenomenon

Valery Z. Demyankov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, vdemiank@mail.ru*

Abstract. Alexander Barulin's most notable results have to do with the communicative aspects of the human protolanguage. This kind of research differs from the conventional reconstructions of proto-languages because it cannot rely on material traces left by ancient humans, and the linguistic structures properly speaking are hardly available. Thus, linguists cannot put forward a description of phonetic and grammatical systems of the languages of the first humans. Instead, conjectures are usually made based on the etological-communicative studies of animal behaviour. Following Alexander Barulin, animal communication displays certain signs analogous to 'hedges', whose main function consists in accommodating information conveyed as a sort of 'goods' in communicative 'exchange'. Hedges of "possibly" vs. "probably" types belong to linguistic techniques extensively used both in West-European and in Russian discourses. Lexical properties of such hedges interact with grammatical and pragmatical categories of tense, mood, and negation.

Keywords: cognitive linguistics, animal and human communicative systems, hedge, discourse accommodation, probability vs. possibility, opinion manipulation

For citation: Demyankov, V.Z. (2024), "Hedging as a general-semiotic phenomenon", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 55–69, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-55-69

1. Введение

В сектор теоретического языкознания А. Барулин как-то зашел, чтобы посоветоваться с Ю.С. Степановым об издании книги по происхождению языка, см. [Барулин 2002]. Это сотрудничество оказалось очень плодотворным и для сектора, и для самого Саши. Плюс к тому у нас с Александром Николаевичем было «общее прошлое»: мы с ним проучились в университете за одной партой начиная со второго курса и даже привыкли разговаривать между собой в том полусерьезном, ироничном регистре, который был так свойственен В.А. Звегинцеву, основателю нашей кафедры и Отделения структурной и прикладной лингвистики, нашему общему научному кумиру студенческих лет: «Ну что, товарищи студенты, Гумбольдт-то голова?» – «Голова, Владимир Андреевич, ой как

голова!» – «А Хомский?» – «Тоже голова». И какими же едкими были замечания по поводу тогда еще живых коллег в книгах В.А. Звегинцева, вышедших уже после того, как мы окончили университет! Конечно же, эти замечания были иронией, наш любимый профессор таким образом, дистанцируясь от общепринятых взглядов, показывал и уязвимые места в трудах своих современников, и справедливость непривычных положений (как в теории дискурса), которым пророчил научное будущее. Его ирония была проявлением досады: ну почему, казалось бы, такому простому явлению нет столь же простого объяснения?

Интерес к проблеме происхождения и развития языка не покидал Сашу всю жизнь, кажется, с того момента, когда ему в руки попала книга А.А. Леонтьева «Происхождение и первоначальное развитие языка» [Леонтьев 1963], которую я совершенно случайно незадолго до нашего знакомства «нарыл» в киоске Пушкинского музея.

Коммуникативный аспект происхождения языка, которым А.Н. Барулин занимался наиболее плодотворно, выглядит как постоянная адаптация уже имеющихся у животных предпосылок, физиологических и коммуникативных задатков к условиям существования предков человека с их новыми потребностями. Одним из направлений этой адаптации были приемы несерьезной, небуквальной подачи сообщений, которые в обычном случае, предположительно, должны были восприниматься «по номиналу». Далее попытаемся проследить траекторию такого исследования и показать, что одна из проблем лингвистической прагматики – хеджинг как «остранение» говорящего от прямой передачи смысла высказывания – представляет собой адаптацию высказывания к условиям общения, выросшую из одной из семиотических техник прачеловеческой коммуникации. Но человеческий хеджинг креативен, опирается не на «закрытую» коммуникативную систему, а открытую для всевозможной креативности. Поэтому не менее справедливо было бы сказать, что хеджинг аккомодирует высказывания, придавая им ценность в том окружении, которое в них нуждается, и снимая с повестки дня, когда такая необходимость не очевидна.

2. Физиология речи и движение в семиотике коммуникации

Проблема происхождения языка выделяется на общем фоне лингвистической проблематики своей разнородностью, причем наименьшую роль здесь играет чисто языковедческий анализ какого-

либо конкретного языка. Вот если бы у нас была счастливая возможность понаблюдать самый первый на земле человеческий язык, умение обращаться с языковым материалом нашло бы себе самое лучшее применение. Но нет у нас в наблюдении самого первого человеческого языка, мы даже не можем с полной уверенностью сказать, какие части речи и какие фонемы в нем были. И даже как на этом языке назывались домашние тапки (добавлял Саша фразу И.А. Мельчука).

Наибольшее число косвенных показаний предоставляют нам археология и наблюдения над синхронным устройством коммуникативных систем человека и животных, исчерпывающе полный анализ дан в выдающейся по полноте и глубине работе [Бурлак 2019]. Строя свои теории, лингвисты исходят из принципа целесообразности человеческого поведения, в частности коммуникативного. Например, предполагается, что даже загадочные изменения коммуникативной системы всегда целесообразны, нужно только выявить их скрытую цель: «Одной из самых больших загадок в теории глоттогенеза является переход от закрытых звуковых коммуникативных систем наших обезьяньих предков к открытым. Дело в том, что известные звуковые коммуникативные системы (далее – ЗКС) наземных млекопитающих передаются генетическим путем, хотя некоторый элемент обучения при овладении ими все же имеется. Набор звуковых сигналов у одного и того же вида существенно не расширяется, и в этом смысле ЗКС и были названы закрытыми. Человеческий же язык представляет собой открытую коммуникативную систему, транслируется из поколения в поколение путем обучения, как обязательный инструмент полноценной социализации субъекта, хотя предрасположенность к овладению языком у человека, по общему мнению специалистов, является врожденной» [Барулин 2012, с. 33].

В этом ключе объясняется и история синхронизации вербальных и невербальных действий, в ходе которой человек не только приобрел новые навыки, но и утратил некоторые способности, которыми обладали его животные предки: «Ротовая полость исполняет две конфликтующие друг с другом функции: дыхательную и глотательную. Поскольку глотание и дыхание взаимно исключают друг друга, ларинкс играет центральную роль как входное отверстие в дыхательный тракт. Когда кусок пищи проталкивается языком в фаринкс, вступает в действие автоматический глотательный рефлекс. С запуском программы этого автоматического действия дыхательное горло мгновенно перекрывается. Детеныши многих видов млекопитающих и взрослые особи некоторых из них могут одновременно пить и дышать, грудные дети также наделены этой

способностью, но у взрослых людей она отсутствует из-за низкого положения надгортанника, собственно и перекрывающего дыхательные пути во время глотания. Есть еще одна программа, которая оправдывает регулирование потока воздуха, проходящего через ларинкс. При сжатии воздушного канала в большей или меньшей степени при различных режимах дыхания давление внутри легких может быть отрегулировано. Регулировка может оказывать влияние на насыщение кислородом в то время, когда тело напрягается для совершения какой-то работы. Эти проблемы координирования глотания, дыхания и регулировки подвязочного давления и вызвали появление древних связей между центрами, управляющими моторикой таких процессов» [Барулин 2012, с. 40–41].

В таком положении дел Саша убедился, когда в студенческие годы выправлял проблемы с дыханием, с «гипервентиляцией легких», и ходил на занятия вокалом в университетском кружке. Видно здесь и влияние Н.И. Жинкина, многократно на своих лекциях у нас подчеркивавшего, что предпосылки для человеческой артикулированной речи связаны с надгортанником. Возможно, без надгортанника так бы мы и скакали до сих пор по деревьям, щебеча и не говоря ни слова по-человечески.

Иначе говоря, «материальные» предпосылки для человеческой речи складывались еще раньше возникновения чисто человеческой физиологии, они у человека приобрели свой отточенно человеческий облик, следуя поучению: «Когда я ем, я глух и нем». Этот закон ребенку и животному не писан. А взрослая человеческая речь в норме бывает на выдохе, лишь в некоторых случаях на вдохе, как междометие страшного удивления, звук неопределенного качества в русском, произносимый на вдохе, например: «О-е...!!» – *сказал скорчившийся Серегин на вдохе* <...> (Андрей Константинов, «Сочинитель», 2003, цикл «Бандитский Петербург – 5»). Недаром обычные духовые инструменты ориентированы на работу на выдохе, а голодный горнист даже и не пытается одновременно дуть и есть.

П.С. Кузнецов, у которого мы с Сашей (в разное время) слушали лекции по введению в языкознание, прекрасно показывал, что в человеке дремлет, а не умерла способность говорить на вдохе. Его тестовая фраза была: *Я могу говорить на вдохе*. Такая «презентация» в разгар лекционной плавности приводила несколько студенческих поколений в восторг. Однако почему эта способность столь редко реализуется в обыденной жизни человека? Если о ней и говорят, то лишь как о редкостном умении выражать крайнюю степень аффекта, напр.: *Охранник терпеливо слушал, ожидая, пока у Сашки кончится дыхание. Но Сашка оказался человеком уникальным, он с одинаковым успехом говорил на вдохе и на выдохе, лишь*

глаза его выпучивались (Андрей Воронин, «Слепой: Игра без козырей», 2021). А речь «почти на вдохе» – в действительности просто с минимально заметным выдохом: «Ты... ты что?» – почти **на вдохе** спросил он (Дмитрий Вересов, «Черный ворон», 2004). Гротескная речь «на вдохе» как нечто семиотически противоестественное – все равно что звуки и слова, переставленные в предложениях в обратном порядке: *Местами я впадал в несусветности, вдохновенно бредил, и голос мой диаметрально менялся. Я глаголил в обратном порядке, **на вдохе**, не – из, но – вовнутрь, отчего теснившиеся в плотном теле переживания не находили исхода и буйствовали – и душили. По той же причине революционно менялся порядок слов в моих фразах и букв – в словах: первые становились последними, последние – первыми, а средние так и оставались посредственными* (Саша Соколов, «Палисандрия», 1985).

В рамках такого «дочеловеческого» подхода вполне логичным будет искать в животном мире корни и других свойств человеческой семиотической системы, такие как небуквальность и креативность. Например, по показаниям этологии, приводимым в работе [Барулин 2012, с. 37], сигналы о том, что действия следует воспринимать в чисто игровом, не буквальном, ключе, имеются уже в животном мире: скажем, прижатые к земле передние лапы льва посылают сигнал об отсутствии агрессивных намерений, сообщая, что последующие укусы не нацелены на нанесение серьезного урона «собеседнику». Как говорится в одном рассказе: «Это я так, кокетничаю» (Михаил Зощенко, «Рассказы Назара Ильича господина Синеврюхова»: «Жених», 1924). Такой прямой комментарий собственных действий часто маскирует («огораживает») истинные мотивы поведения говорящего. Много недоразумений в человеческом общении возникает из-за того, что мы речь понимаем буквально там, где хотят разыграть или иронизировать.

3. «Тень на плетень»

Вводные обороты типа русских *вероятно, по-видимому, как кажется* и т. п. свидетельствуют о стремлении – искреннем или напускном – увидеть мир глазами другого человека, напр.: *Впрочем, это предположение, **вероятно**, слишком изысканно и сурово* (П.А. Вяземский, «Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине», 1877). Так подаются оценки того, насколько вероятно считать некоторое предположение изысканным или суровым. Такие единицы языка относят к классу implied hedges «имплицитных загоронок» [Lakoff 1972; Markkanen, Schröder 1992, p. 122];

в качестве вводных замечаний, комментариев, а не предикатов, они делают излишним спор с содержанием утверждений, сделанных не от своего лица и не для буквалистов.

Иногда два разных предисловия таких классов соседствуют в предложении, напр.: **Возможно**, они привозили сюда какой-то груз, **вероятнее** всего – строительный лес, так как в некоторых местах на лугу валялись кучи свежих щепок (В.П. Катаев, «Сын полка», 1944). Иногда одна из «загородок» огораживает другую, например: *А теперь это было если неосуществимо сегодня-завтра, то **возможно, вероятно**, если «Батрак» принесет с собой удачу* (П.Д. Боборыкин, «Василий Теркин», 1882).

Такие элементы, подобно эвфемизмам, адаптируют дискурс к нуждам «общественного мнения», а когда потребуется – и к манипулированию этим мнением. Ср.: *Волга впадает в Каспийское море* и **Возможно**, *Волга впадает в Каспийское море*. Последнее скорее внушит сомнения, чем подтвердит общеизвестную истину, что Волга-таки все еще впадает в Каспийское море. Как и фраза **Возможно**, *я тебя люблю*, нежно произнесенная в день свадьбы: так вы скорее встревожите, чем убедите в серьезности чувств. Этим *возможно* отличается от *вероятно*, придающего речи научную респектабельную гипотетичность.

Речь о возможном и вероятном эволюционирует на наших глазах. Так, истинность взглядов, в возможности которых когда-то в русской культуре лишь вежливо сомневались, сегодня без обиняков ставится под вопрос. Восклицания *Возможно ли?*, этикетные в эпоху А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, сегодня звучат старомодно, уступив место язвительным для когнитивного самолюбия и напористым: *Правда? Да ты что? На самом деле не так*. Ср.: *Я действительно не знаю, **возможно ли** было скромнее и проще отвечать; но у нас так велика привычка к рабскому молчанию, что и это письмо консул в Ницце счел чудовищно дерзким, да, **вероятно**, и сам Орлов также* (А.И. Герцен, «Былое и думы», 1856).

В общении «лицом к лицу» выразительность и драматизация усиливаются жестами и мимикой, которые на сцене обладают своими условностями. Помню, мы с Сашей зачитывались сборником статей по актерскому мастерству, изданным в начале XX в. Одна из глав была написана нашей знаменитой актрисой В.Ф. Комиссаржевской и начиналась словами: «Лицо есть седалище души». Есть лицо и у животных. Но есть и жесты. Представьте себе вопрос к любимому мужу, загулявшемуся на деловом свидании: *Леонид, возможно ли?* Здесь разговор без загородок, обвиняемого спрашивают, возможна ли столь суровая действительность. Лицо – эдакое разъяренное седалище души – выражает реквизитное страдание, одна

рука согнута в знаменитом «жесте Комиссаржевской», а в другой – мысленно – сковородка возмездия. Причем ко лбу прикасается тыльная часть руки, означая: «Это я так возвышенно – как балерина на пуантах, а не по-бытовому – переживаю». Ладонь, прижатая ко лбу, говорила бы просто о том, что голова болит. Однако и сама фраза *возможно ли*, и мимико-жестовый конвой сразу же опознаются как не от мира сего. Человек не остановился на сигнале животной несерьезности, а развил целую коммуникативную систему условностей театрального представления, без которой невозможно восприятие театра, даже самого реалистичного.

4. Креативный плетень

Важнейшей областью, в которой употребляется такой плетень, является убеждение и переубеждение. В частности, назидание в виде риторического вопроса, как в примере выше. Прямые предписания диктуют адресату, что делать: *Товарищ, верь, взойдет она...* А обходные маневры – стратагемы, или «уловки» – нацелены на подрыв неблагоприятных для оратора мнений и на внедрение вместо них «своих». И для этой цели из плетня вытаскивают колья – предикаты, которые открыто используются, чтобы привить аудитории иные взгляды и поведение. Загородка выходит из собственной тени и становится предметом речи о вероятности, о возможности, о правдоподобии...

К стратагемам, подрывающим расхожие мнения, относятся эксплицитные и имплицитные сигналы сомнения, возможности и вероятности, огораживающие собственно высказывания: *Я убежден, что...* Утверждения и отрицания закутаны тогда в манящую пелену. Сигналы же сомнения и неполной уверенности используются в дискурсе как рутинно, так и креативно. С этими сигналами мы сталкиваемся и в политике, и в науке, и в обыденной жизни. Но, в отличие от эксплицитных «загородок», имплицитный хеджинг не выглядит как открытое возражение конкурирующему взгляду. Имплицитные загородки – в частности метафоры, – скрывают оценку, «таргетированно» воздействуя на отдельные участки подсознания целевой аудитории.

Креативность же – антипод вероятности и возможности: назвать что-либо креативным – значит за неожиданным, почти невозможным и редко встречаемым увидеть особые старания свершить небывалое. Заодно креативная яркость позволяет отвлечь внимание от самых очевидных прорех в логике, родня пропагандиста с фокусником-иллюзионистом и с нянькой, показывающей яркую

игрушку рыдающему малышу, чтобы отвлечь его от предмета обиды, а заодно сменить ему памперсы и съесть пирожок.

Типовая адаптированность, вписанность в условия общения противостоит креативности редкого и экзотичного: чем неправдоподобнее слово в данном контексте, тем более креативно предложение с ним. Креативы, вплетаемые в речь как самоценные, а не как вспомогательные элементы, и преподносятся-то по-особому: с шутливо-ироничной интонацией, с предисловием типа *Ты не поверишь* и с тем всем знакомым кокетливым взглядом, которым, не скрываясь, окидывают слушающих слева и справа: а дошла ли находка до адресата, а вызвала ли она нужную реакцию в его ментальной «перистальтике» (как сказал бы Дж. Джойс)?

В исполнении автора текста (например, знаменитого М.М. Жванецкого) эти сопровождающие жесты мы наблюдаем значительно чаще, чем у профессионального актера, скажем, чем у А.И. Райкина, исполнявшего, как мы знаем, многие юморески, написанные М.М. Жванецким. Профессиональный актер (и этому учит нас В.Ф. Комиссаржевская, см. выше) обычно не показывает, насколько важно ему, как аудитория оценила авторский (не актерский) креатив. Но почему-то именно этой обратной связи нам так не хватает во времена «удаленки» и онлайн-конференций.

5. Языковые техники хеджинга

В русском и в некоторых западноевропейских культурах загородки класса *возможно* характеризуют физические события в отвлечении от человеческого фактора, который больше представлен в загородках класса *вероятно*, подробнее см. [Демьянков 2020]. Предположения класса *вероятно* воспринимаются как более слабые по внушительности, чем предположения класса *возможно*: мы скорее поверим тому, что нам предлагают принять как возможное (в «самодостаточных» физических пространстве и времени), чем тому, что зависит от точек зрения человека. Семантика лексем классов «невероятное» и «невозможное» лежит посередине между эксплицитным, осознанным нашим отношением и нашим же (имплицитным) подсознанием. Оценка «возможности» относится к объективистскому «внешнему» миру. «Вероятность» же говорит об ожиданиях и установках субъекта. А «правдоподобие» – оценка адекватности установки. О достоверном и о сомнительном, о возможном и о вероятном говорят не так же, как о реальности. Целый букет из нескольких разновидностей таких хеджей встречаем в одном и том же предложении в известном английском детективе: *One*

*has to accept the **impossibility** that, **unlikely** as it seems, there is someone at Sunny Ridge who is, **possibly** for mental reasons, a killer* (А. Christie, "By the pricking of my thumbs", 1968).

Эпитеты *невозможный* и *невероятный* используются и для обозначения крайней (высшей или низшей) степени совершенства. Так, *невозможная любовь* невероятно велика и страстна, напр.: *Я притворялся, я желал / Любви кипучей, **невозможной**, / Ее невал неосторожно, А сам ее не понимал* (Н.М. Языков). Ср.: *Мать считает, что мы с братом становимся **невозможными*** (Н.Н. Носов, «Тайна на дне колодца», 1978), где *невозможные дети* очень даже возможны, желанны и милы, но непослушны. А невероятное трудолюбие в высшей степени велико: *Выгоды торговли побуждали народ сей к **невероятному** трудолюбию и прилежанию и к предприятию всего того, что могло споспешествовать его торгу и кораблеплаванию* (Н.И. Новиков, «Статьи по истории и философии», 1781).

Помимо целых лексем, содержащих идею возможности и вероятности, во многих языках есть и строительные элементы для таких лексем, креативно комбинируемые в рамках одного высказывания. Можно говорить о взаимодействии различных «метакоммуникативных» техник, с помощью которых человек дает понять, что к своей речи относится остраненно и несерьезно и предлагает своей аудитории к этой речи так же несерьезно относиться.

Так, словообразовательные суффиксы типа латинского *-abilis* очень распространены в романских языках, откуда были заимствованы в германских и в русском: английское *readable* и русское *читабельный* содержат рефлекс этого суффикса прилагательных и существительных. Во многих языках (см. «Всемирный атлас языковых структур», <https://wals.info/chapter/74> и <https://wals.info/chapter/75>) есть аналогичные аффиксы не только у прилагательных, но и в словоизменительной парадигме спряжения глаголов, напр., *-hat-* в венгерском: *olvasható* «(легко) читаемый», *olvashatom* «могу читать», напр.: *Most már bevallhatom...* «Сейчас уже могу признать...» (Ады Е., "Összes prózai művei").

Еще большую грамматикализацию демонстрируют в романских языках придаточные предложения в «субьюнктиве» при предикатах, выражающих неуверенность: на русский они очень часто переводятся в индикативе, а не в сослагательном наклонении. Так, в испанских фразах *no creo que sea* «не уверен, что...» и *dudo que sea* «сомневаюсь, что...» глагол *ser* «быть» в придаточном предложении стоит в форме предположительного наклонения (*sea*), а не в индикативе (*es*). Ср.: *No creo que **sea** posible usar la ruta de los bandidos* «Не думаю (буквально: не верю), что возможно (в оригинале

глагол *быть* в субъюнктиве «было бы возможно») воспользоваться маршрутом бандитов» (Isabel Allende, “El Reino del Dragon de Oro”, 2004). Зато именно индикатив употребляют, выражая уверенность: <...> *creo que no es posible...* «думаю, что невозможно» (буквально: «верю, что не есть возможно», а не «не было бы возможно») (J.J. Benítez, “Caballo de Troya: 4, Nazaret”, 1989), подробнее см. [Демьянков 2021, с. 22].

Иногда наблюдаем интересное взаимодействие субъюнктива с отрицанием. Так, во французском после предиката опасения и/или предостережения отрицание главного предиката придаточного предложения может соответствовать в русском переводе как отрицательной, так и положительной форме, ср.: *eh bien, messieurs, je crains que, dans l'avenir, la constitution que vous discutez ne soit moralement amoindrie* (V. Hugo, “Pour la liberté de la presse et contre l'état de siege”, 1848) «что ж, господа, я **боюсь**, что в будущем конституция, которую вы обсуждаете, **будет** морально ослаблена». Во французском оригинале перед глаголом в субъюнктиве настоящего времени *soit* (только условно на русский переводимой формой прошедшего времени с частицей *by*) «было бы» есть отрицательная частица *ne*, не сопровождаемая отрицательной частицей *pas*. Употреблению так называемого «избыточного» отрицания (*le ne explétif*, в англоязычных работах *expletive negation*) в придаточном предложении при предикатах класса *craindre, appréhender* и т. п. «бояться» посвящалось и посвящается много сил и упражнений по французскому языку в школах и гимназиях, а также обширная литература, см., например, [Jin, Koenig 2020]. Типовой пример *Je crains qu'il (ne) soit trop tard* представляют при этом как случай, когда от наличия или отсутствия *ne* смысл предложения и перевод на русский язык не меняются: «Боюсь, что слишком поздно» (а не «Боюсь, что не слишком поздно»). В таком случае отрицания нет в результирующем переводе на русский. Буквальный перевод вышеприведенного предложения из В. Гюго звучит как «была бы морально ослаблена», а не «не была бы морально ослаблена». Форма будущего времени в русском переводе дает лишь отдаленное представление о нереализованной возможности в настоящем. О выделении и разграничении «апrehензивов» (термин из работы [Плунгян 2004, с. 17] со значением «опасение говорящего по поводу возможности наступления нежелательной, с его точки зрения, ситуации») и «превентивов» («побуждение к действию, которое могло бы устранить нежелательный эффект»), а также о взаимодействии их с отрицанием в различных языках мира см. [Добрушина 2006]. Во французском и многих других языках эпистемическая модальность является одним из важней-

ших средств оформления апрехензива, но обладает некоторыми тонкостями, которые мы видим из сопоставления с русским.

Поэтому, возможно, галлицизмом является знаменитое *Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда* (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»). Здесь отрицание в придаточном после *боюсь* лишнее: говорящий действительно боится расстройства желудка. Ведь в современном нам русском языке предложения типа: *Боюсь, что Вася не приедет* не трактуются как опасение приезда Васи, в отличие от предложения *Боюсь, что Вася приедет*. Компромиссный вариант *Боюсь, Вася не приехал бы* тоже звучит странно. Гораздо естественнее будет *Боюсь, чтобы / как бы / кабы Вася не приехал* (даже с избыточным *бы*: *Боюсь, чтобы Вася не приехал бы*).

Это случаи, когда говорящий избегает навязывать даже себе самому мнение, от которого впоследствии не сможет отделаться. Известно, насколько «суггестивен» чужой текст, заставляющий в момент восприятия, «понимания», хотя бы на секунду поверить в его содержание. Недаром говорят: «Если не поверишь, то и не поймешь». А вот хеджинг с помощью предикатов пропозициональной установки оберегает и от прямого гипнотического воздействия чужой речи, и от самогипноза. С помощью хеджинга автор то и дело вслед за Д. Карнеги повторяет: *I may be wrong. I often am* «Я могу ошибаться, я часто ошибаюсь», – и получает прощение.

6. Заключение

Типы поведения животных, на которые указывает А.Н. Барулин, представляют собой разновидность небуквальности, характеризующей речь даже до возникновения праязыка человека. В некоторых теориях (например, см. [Мещанинов 1936], критический анализ в свете современной лингвистики см. [Алпатов 1991]) человеческий язык считают расширением, усовершенствованием невербальной семиотики, непосредственным ее потомком. Не менее разумно предположить, вслед за А.Н. Барулиным, что человеческий язык сложился как превращение закрытой семиотической системы в открытую в нескольких направлениях, среди которых – движение и физиология человека, не только расширенные, но и специализированные и/или суженные до той степени, в какой это необходимо для жизни в меняющихся условиях человеческого существования. Хеджинг, подобно речи на вдохе и «несерьезным» телодвижениям, существовал до собственно человеческого языка и сегодня опирается на свою продуктивную систему образования соответствующих знаков.

Благодарности

Главная моя благодарность – Саше Барулину, обсуждение лингвистических проблем с которым оказало на многих из нас, его ровесников, сильное влияние.

За критические замечания и очень важные предложения по доработке и усовершенствованию текста я глубоко благодарен анонимным рецензентам и особенно ответственному за выпуск номера, П.М. Аркадьеву. Все эти предложения были с благодарностью учтены.

Разделы 1, 2 и 3 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделах 4 и 5, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00040) в Институте языкознания РАН.

Acknowledgements

My main gratitude goes to Sasha Barulin, the discussion of linguistic problems with whom had a strong influence on many of us, his peers.

For critical remarks and very important suggestions for finalizing and improving the text, I am deeply grateful to anonymous reviewers and especially to P.M. Arkadiev. All these suggestions were gratefully taken into account.

Sections 1, 2, and 3 of this study were funded by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19–18–00429) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The study described in sections 4 and 5 was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19–18–00040) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Алпатов 1991 – *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Барулин 2002 – *Барулин А.Н.* Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1: Базовые понятия: Эволюционная теория происхождения языка. М.: Спорт и культура-2000, 2002. 464 с.
- Барулин 2012 – *Барулин А.А.* Семиотический Рубикон в глоттогенезе. Ч. 1 // Проблемы языкового родства. 2012. Т. 16. № 96. С. 33–74.
- Бурлак 2019 – *Бурлак С.А.* Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., испр. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 458 с.
- Демьянков 2020 – *Демьянков В.З.* О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.

- Демьянков 2021 – *Демьянков В.З.* Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / Ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 21–99.
- Добрушина 2006 – *Добрушина Н.Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
- Леонтьев 1963 – *Леонтьев А.А.* Происхождение и первоначальное развитие языка. М.: Наука, 1963. 140 с.
- Мещанинов 1936 – *Мещанинов И.И.* Новое учение о языке: Стадиальная типология. Л.: Прибой, 1936. 344 с.
- Плунгян 2004 – *Плунгян В.А.* Предисловие // Ирреалис и ирреальность: Исследования по теории грамматики / Ред. Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2004. С. 9–27.
- Jin, Koenig 2020 – *Jin Y., Koenig J.-P.* A cross-linguistic study of expletive negation // Linguistic Typology. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 39–78.
- Lakoff 1972 – *Lakoff G.* Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1972. Vol. 8. P. 183–228.
- Markkanen, Schröder 1992 – *Markkanen R., Schröder H.* Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: a case study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén. Frankfurt a/Main etc.: Lang, 1992. P. 121–130.

References

- Alpatov, V.M. (1991), *Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm* [A history of a myth: N.Ya. Marr and the “Marrism”], Nauka, Moscow, Russia.
- Barulin, A.N. (2022), *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. Čast' 1. Bazovye ponjatiya. Ėvoljucionnaya teoriya proischozheniya yazyka* [Principles of semiotics. Signs, sign systems, communication. Part 1. Basic concepts. An evolutionary theory of language origin], Sport i kul'tura-2000, Moscow, Russia.
- Barulin, A.A. (2012), “Semiotic Rubicon from the point of view of glottogenesis. Part 1”, *Problemy jazykovogo rodstva*, no. 96, pp. 33–74.
- Burlak, S.A. (2019), *Proischozhenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [Language origin. Facts, investigations, hypotheses], Al'pina non-fikšn, Moscow, Russia.
- Dem'yankov, V.Z. (2020), “On linguistic techniques of adapting opinions”, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 5–17.
- Dem'yankov, V.Z. (2021), “Linguistic creativity in discourses on the possible and the probable”, in Zyкова, I.V. (ed.) *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti*, R. Valent, Moscow, Russia, pp. 21–99.
- Dobrushina, N.R. (2006), “Grammatical forms and constructions with the meaning of fear and caution”, *Voprosy yazykoznaviya*, no. 2, pp. 28–67.

- Jin, Y. and Koenig, J.-P. (2020), "A cross-linguistic study of expletive negation", *Linguistic Typology*, vol. 25, no. 1, pp. 39–78.
- Lakoff, G. (1972), "Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts", *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society*, vol. 8, pp. 183–228.
- Leont'ev, A.A. (1963), *Proischozhdenie i pervonachal'noe razvitiye yazyka* [Language origin and first steps of language development], Nauka, Moscow, USSR.
- Markkanen, R. and Schröder, H. (1972), "Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: a case study", in Nordmann, M. (ed.), *Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén*, Lang, Frankfurt a/Main etc., Germany, pp. 121–130.
- Meshchaninov, I.I. (1936), *Novoe uchenie o yazyke. Stadiyal'naya tipologiya* [A new approach to language. A phases-based typology], Priboi, Leningrad, USSR.
- Plungian, V.A. (2004), "Preface", in Lander, Yu.A., Plungian, V.A. and Urmančieva, A. Yu. (eds.), *Irrealis i irreal'nost'. Issledovaniya po teorii grammatiki* [Irrealis and ir-reality: studies in grammar theory], Gnozis, Moscow, Russia, pp. 9–27.

Информация об авторе

Валерий З. Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125000, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1; vdemiank@mail.ru

Information about the author

Valery Z. Demyankov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1-1, Bolshoi Kislovsky Line, Moscow, Russia, 125000; vdemiank@mail.ru

Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Елизавета С. Листратова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bettlistratova99@gmail.com*

Аннотация. В статье получает развитие понятие семиотической концептуализации тела и телесности. Главный акцент делается на языковой, точнее на фразеологической, концептуализации телесного объекта «сердце», как он представлен в двух языках – испанском и русском. Анализируются фразеологические единицы испанского и русского языков, которые содержат слова *corazón* и *сердце*. Для их описания в работе применяется признаковый подход, выдвинутый и разработанный применительно к анализу телесной сферы естественного языка. Основное внимание в статье уделено анализу физических признаков сердца, получивших отражение во фразеологии двух языков. Это такие признаки сердца, как «размер», «температура», «движение (биение)», «хрупкость», «кариативность», «избыточность» и «консистенция». Демонстрируется роль этих признаков в семантике рассматриваемых испанских и русских фразеологизмов.

Ключевые слова: семиотическая концептуализация тела, сравнительная фразеология, испанский, русский, признаковый подход

Для цитирования: Крейдлин Г.Е., Листратова Е.С. Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 70–83. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-70-83

Semiotic conceptualization of human body and comparative phraseology

Grigory E. Kreydlin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gekr@iitp.ru*

Elizaveta S. Listratova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bettlistratova99@gmail.com*

Abstract. The paper presents the results of the investigation in the field of semiotic conceptualization of the human body on the basis of the analysis of phraseological units with the Spanish word *corazón* and its Russian analog *сердце*. A multi-feature method is applied to the analysis of phraseological material of the two languages. Among three types of features that characterize heart physical features are highly important. Two phraseological conceptualizations of the heart based on its physical features, such as “size”, “temperature”, “movement (beating)”, “fragility”, “insufficiency”, “redundancy” and “consistency” are considered and compared.

Keywords: semiotic conceptualization of human body, comparative phraseology, multi-feature method, Spanish, Russian

For citation: Kreydlin, G.E. and Listratova, E.S. (2024), “Semiotic conceptualization of the body and comparative phraseology”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 70–83, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-70-83

*Памяти Саши Барулина
(А.Н. Барулина)*

В этой статье нас интересуют свойства сердца, многие из которых отражены во фразеологии испанского и русского языков. Эти свойства в полной мере характеризуют облик А.Н. (Саши) Барулина. Признаки, скрытые в таких русских и испанских фразеологических единицах, как *доброе сердце*, *благородное сердце*, *gran corazón* ‘большое сердце’, *золотое сердце* (*corazón de oro*), в полной мере были присущи замечательному человеку и лингвисту. Он всегда *отдавал свое сердце* ученикам, друзьям и даже малознакомым людям, всю свою жизнь *чувствовал сердцем* боль и радость других людей. В названии известной книги Льва Гинзбурга «Разбилось лишь сердце мое...» используется фразеологизм *разбилось мое сердце*.

Именно им можно описать ту боль, которую мы испытали от утраты А.Н. Барулина. Не случайно в толковании этого фразеологизма содержатся смысловые компоненты ‘думая о кончине А.Н. Барулина, чувствую себя очень плохо. В этот момент не могу думать ни о чем и ни о ком другом’. Известие о смерти Саши Барулина, как говорят испанцы, *nos ha roto el corazón*, разбило наше сердце.

Настоящая работа является продолжением серии исследований, общей темой которых является описание ряда фрагментов *семиотической концептуализации тела*. Семиотическая концептуализация тела – это понятие, которое является естественным расширением понятия языковой концептуализации и служит моделью того, как и что обычный носитель данного языка, не специалист, думает о человеческом теле и других телесных объектах или их признаках, как он о них говорит и как использует в коммуникации. Иными словами, семиотическая концептуализация тела – это модель того, как тело человека отражается в представлении обычных носителей данного языка (подробно о понятии семиотической концептуализации, ее признаках и многих других характеристиках см. в монографии [ЯиСТ 2020, т. I]).

Ниже излагаются результаты анализа *семиотической концептуализации сердца* [Крейдлин 2004] во фразеологии двух языков – славянского (русский) и романского (испанский). Речь пойдет о конкретных испанских и русских *фразеологических соматизмах* (о них см. подробно в работе [Козеренко, Крейдлин 2011]). В эти испанские и русские языковые единицы входят слова *сердце* и *corazón*. И эти единицы сообщают информацию о различных свойствах сердца.

Далее мы остановимся только на языковой концептуализации сердца, оставляя в стороне его жестовую и смешанную, то есть жестово-речевую, концептуализацию.

Для описания семиотической концептуализации телесной сферы человека был разработан особый подход, который получил название *признакового* (см. об этом подходе в [ЯиСТ 2020, т. I; ЯиСТ 2020, т. II]). Признаковый подход предполагает, наряду с толкованием имени конкретного телесного объекта, также описание физических, структурных и функциональных признаков этого объекта, в нашем случае – сердца. Ниже мы остановимся только на физических признаках сердца.

Сердце в своем исходном значении – это ‘невидимый телесный объект, орган, расположенный в верхней левой части человеческого тела за грудью. Сердце слышно, поскольку оно постоянно бьется. Основная функция сердца – снабжать кровью все телесные объекты в теле и на теле человека’.

В приведенном толковании отражены следующие свойства референта слова *сердце*. Это структурные признаки, в том числе «недоступность непосредственному восприятию», «местонахождение». Это также физические признаки, и среди них «способность двигаться (биться) и по этой причине издавать звук». Наконец, это функциональные признаки – «снабжать кровью все телесные объекты в теле и на теле человека». Приведенное толкование идеологии и методологии нашего подхода дополняется указанием других признаков каждого из трех типов, без которых интерпретации многих сочетаний со словами *сердце* и *corazón* были бы невозможны.

Физические признаки сердца – это те его признаки, которые можно измерить и дать измерениям количественную или качественную оценку. К физическим признакам сердца относится, например, «размер (объем) сердца».

А. Признак «размер (объем) сердца»

Результат уменьшения размера (объема) сердца передается, в частности, испанским фразеологизмом *con el corazón encogido*, который буквально означает ‘со сжавшимся сердцем’. Литературный перевод этой единицы, согласно единственному академическому фразеологическому испанско-русскому словарю¹, таков: ‘в смятении, в страхе’.

(1) *Confiesa que se le encogía el corazón sólo de pensar que podían violar a su mujer o a sus hermanas y que hizo jurar a Fátima que se suicidaría antes de permitirlo* (El Mundo, 19/07/1995: TESTIGO. Guerra de Bosnia. Los soldados bosnios supervivientes de Srebrenica...). ‘Он признался, что одна только мысль о том, что его жену или сестер могли изнасиловать, наводила на него ужас, и заставил Фатиму поклясться, что она скорее покончит с собой, чем даст этому случиться’ («Эль Мундо» 19.07.1995. «Свидетель. Война в Боснии. Выжившие боснийские солдаты в Сребренице...»)².

В русском языке есть близкое к испанскому фразеологизму несвободное сочетание *сердце сжалось*. Оно часто употребляется

¹ Левинтова Э.И. Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1985.

² Здесь и далее перевод испанских примеров, если не указано иное, выполнен Е. Листратовой.

вместе с указанием причины, которая вызвала сжатие сердца и которая часто вводится в предложение с помощью предложно-падежной формы *от* + NP (где NP, *noun phrase*, – это обозначение именной группы). *Сердце сжимается* обычно от испытываемых человеком негативных эмоций, таких как жалость, страх, злость, смятение, тревога, недоброе предчувствие, см. следующий пример с этим сочетанием:

(2) *Сердце сжалось от нехорошего предчувствия* (И. Павская. «Джоконда Мценского уезда»).

Внутренняя форма (термин взят из работы [Баранов, Добровольский 2013, с. 130]) испанских фразеологизмов *ensanchar el corazón* и *dilatar el corazón*, выражающих противоположный смысл ‘сердце расширилось’ или ‘расширить сердце’, тоже регулярно соотносится с эмоциями, но уже положительными, такими как утешение, облегчение, обретение спокойствия.

Заметим, что русское выражение *сердце расширилось* встречается преимущественно в медицинских текстах, а испанские фразеологизмы *ensanchar el corazón* и *dilatar el corazón* букв. ‘расширить сердце’ встречаются не только в медицинских, но и в обычных, или бытовых, текстах. Литературный перевод этих синонимичных испанских фразеологизмов по словарю Левинтовой – ‘принести облегчение, утешить, снять камень с сердца’. Пример (3) иллюстрирует употребление одной из этих испанских единиц:

(3) (...) *siendo así que antes de entrar en el palacio me hallaba triste y afligido, pero entrando se me dilató el corazón de manera que me parece que no cabía de gozo...* (Juan de Palafox y Mendoza. *El pastor de nochebuena*). ‘(...) и перед тем как войти во дворец я был полон печали и скорби, но, когда я вошел, камень упал с моего сердца, и казалось, что оно переполнено счастьем’ (Хуан да Палафокс и Медоса. «Пастор в сочельник»).

Еще один испанский фразеологизм – *no caberle a uno el corazón en el pecho* – говорит буквально о том, что у человека сердце не помещается в груди. Иными словами, в этой единице актуализованы значения сразу двух признаков разных типов: структурного – «стандартное местоположение сердца (в груди)» и физического признака – «размер» (говорится, что размер сердца таков, что оно не помещается в груди, то есть больше нормы), см. пример (4):

(4) – *Eres buenísima, María Clara. Tienes un corazón que no te cabe en el pecho.*

– *Tonterías, soy de lo más normal, pero algo hay que hacer por los demás.* (Alfonso Ussía. *Tratado de las buenas maneras.*). – Ты такая добрячка, Мария Клара. Ты очень великодушна (букв. ‘У тебя такое большое сердце, что не помещается в груди’). – Глупости, я самая обычная. Просто иногда нужно делать что-то для других’ (Альфонсо Уссия. «Трактат о хороших манерах». Пер. Э. Левинтовой).

Обсуждение «размера сердца» – это обычная тема бесед врачей с пациентами, тренеров со спортсменами, диалогов ученых и др. Большой объем сердца, который передается сочетанием *большое сердце*, взятое в его прямом значении, весьма важен с профессиональной точки зрения. Однако в бытовом языке в сочетании *большое сердце* слово *сердце* обозначает не орган, перегоняющий кровь, а ‘вместилище эмоций’. Иными словами, в этом сочетании актуализовано второе значение слова *сердце*.

Сочетание *большое сердце* означает (здесь мы описываем значение сочетания, но не в форме толкования), что человек отзывчив, внимателен к другим людям, готов прийти людям на помощь и реально приходит на помощь, даже если ему нужно проявить для этого отвагу, храбрость, мужество, см. пример (5):

(5) *В беде помочь многие готовы, а вот радоваться чужому успеху – надо иметь большое сердце...* (А. Букин, И. Бобрин, Н. Бестемьянова. «Пара, в которой трое»).

Б. Признак «температура сердца»

Значения физического признака «температура сердца» тоже отражаются во внутренней форме фразеологизмов двух языков. См., например, испанский фразеологизм *calentarle a uno el corazón*, который буквально означает ‘согреть кому-то сердце’, то есть повысить температуру сердца. Его литературный перевод – ‘окутать кого-то теплом’. Здесь в переводе выражен результат метонимического переноса от части (сердце) к целому (человеку). Иными словами, физическому теплу сопоставляется тепло эмоциональное. См. пример (6):

(6) *Ver una familia feliz como la vuestra de verdad que me calienta el corazón* (из сети Интернет). ‘У меня теплеет на сердце, когда я вижу такую счастливую семью, как ваша’.

В русском языке тоже встречаются фразеологизмы, актуализующие в своей семантике значения признака «температура сердца».

Примеры, сходные с испанским, – это три русские фразеологические единицы: *согреть кому-то сердце*, *потеплело на сердце*, *тепло на сердце*. См. пример (7):

(7) *И засмеялся так душевно и весело, что у Иевлева потеплело на сердце* (Ю.П. Герман. «Россия молодая»).

Подчеркнем, что не все значения рассматриваемого здесь физического признака передаются испанскими и русскими фразеологическими соматизмами. Преимущественно во фразеологии отражена зона тепла, тогда как зона холода никак не отражается. Заметим, однако, что обе зоны широко представлены в метафорике обоих языков.

Обратимся к испанским сочетаниям *corazón caliente* и *corazón frío*, букв. ‘горячее сердце’ и ‘холодное сердце’. Их литературный перевод, соответственно, ‘живой человек’, то есть человек, способный передавать свою энергию и теплоту окружающим людям, как бы согревая их, и ‘холодный человек’, т. е. человек, недостаточно эмоциональный, равнодушный к тому, что происходит даже с близкими людьми, то есть человек, от которого как бы исходит холод. Аналогичны испанским такие русские выражения, как *горячее сердце* и *холодное сердце*, см. русские примеры (8) и (9) и испанские (10) и (11):

(8) *Смелость – это холодный ум и горячее сердце* (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»).

(9) *У историка должно быть холодное сердце* (А. Чудаков. «Ложится мгла на старые ступени»).

(10) *Yo no le llamo a Ortega fanfarrón, sino hombre de corazón caliente* (“La corrida de la Prensa no se desmarca de la deslucida isidrada”. El Mundo) ‘Я не считаю, что Ортега фанфарон, просто он человек с горячим сердцем’ («Пресса не отрывается от унылого празднества Святого Исидра». «Эль Мундо»).

(11) *Por más que don Luis tuviese un corazón frío, y un carácter duro y severo en el fondo, aunque dulce y flexible en la apariencia, hay ciertas emociones que hacen impresión en un mármol* (Francisco Navarro Villoslada. “Doña Blanca de Navarra”). ‘Даже если у Дона Луиса на деле было холодное сердце и суровый характер, хотя внешне он был милым и покладистым, есть чувства, способные смягчить даже мрамор. Он был отцом и не мог не испытывать огромного счастья, обнимая свою дочь...’ (Франсиско Наварро Вильослада. «Донья Бланка де Наварра»).

В. Признак «движение (биение) сердца»

Мышцы сердца сокращаются, и от этого сердце *бьется*, издавая характерный звук. При этом сердце совершает работу, снабжая кровью все участки внутри тела и на его поверхности. Сердце может биться быстрее и медленнее, чем это бывает в норме, и такое биение считается девиантным. Для ускоренного и замедленного движения сердца должны быть особые причины. Обычно это – чувства, предчувствия, болезни, климатические факторы и др.

Сердце может *останавливаться* (в прямом и переносном смысле) и даже *выскакивать из груди* (только в переносном смысле).

Нормальное и аномальное биения сердца зафиксированы в русской и испанской фразеологии, ср. примеры (12) – (14) и (15) – (16):

(12) *Мне слышится, что кто-то зовет меня так жалобно, что мое сердце замирает от горя* (Н. Алексеев. «Заморский выходец»).

(13) *Вдруг я услышал приближающийся топот коня, сердце бешено забилося* (Ф. Искандер. «Созвездие Козлотура»).

(14) *И вдруг вспомнил, и ощутил к нему такую жалость и нежность, что прямо сердце остановилось* (Ю. Нагибин. «Дневник»).

(15) *A Alfredo Ángulo Echevarría le temblaron las sienas vertiginosamente, como si tuviese calentura, y el corazón le empezó a latir a una velocidad desusada* (C.J. Cela. “La Colmena”). ‘У Альфредо-Ангуло Эчеварриа застучало в висках, закружилась, как в горячке, голова и сердце учащенно забилося’ (С.Х. Села. «Улей». Пер. Е. Лысенко).

(16) *A veces se me hiela el corazón por lo que pienso, o se me enciende la sangre. Pero sé que es sólo de momento* (V. Alba. “El pájaro africano”). ‘Иногда у меня сердце замирает от этих мыслей или прямо-таки кровь закипает. Но я знаю, что это только на мгновение’ (В. Альба. «Африканская птица». Пер. Е. Листратовой).

Примеры показывают, что аномальные движения сердца передаются в языке через описание сердечных патологий, но относятся к описанию испытываемых человеком мыслей или чувств.

Г. Признак «хрупкость сердца»

О том, что сердце *хрупкое*, что его *легко разбить*, что оно *ломается, разрывается, надрывается*, говорят фразеологизмы обоих языков, ср. пример (17) и его русский перевод. Испанский фразеологизм в примере (17) *partírsele a uno el corazón* означает ‘разорвать кому-то сердце’:

(17) *Muchacha – exclamó – no seas extremosa! me partas el corazón!* (J. Valera. “Pepita Jiménez”). ‘Дитя мое! – воскликнул он. – Не надо так убиваться! Ты разбиваешь мне сердце’ (Х. Валера. «Пепита Хименес». Пер. Э. Левинтовой).

Д. Признак «материал, из которого состоит сердце»

Среди испанских фразеологизмов отметим те, которые построены на приписывании сердцу материала, из которого оно сделано, см., например, *corazón de acero* букв. ‘сердце из стали’, литературный перевод ‘сильный, волевой человек’. Сердце, сделанное из стали, делает человека сильным, непоколебимым и твердым, причем в разных смыслах этих слов.

Еще один испанский фразеологизм *tener un corazón de bronce* тоже актуализует признак «материал сердца». Этот фразеологизм буквально означает ‘человек имеет сердце из бронзы’, а его литературный перевод – ‘человек негибкий, непреклонный, стойкий’, ср. пример (18):

(18) <...> *hasta los que tenemos corazón de bronce nos sentimos atacados de ésta flaqueza que cunde más que una epidemia* (B. Pérez Galdós. “Zaragoza”) ‘...даже мы, люди с непреклонными сердцами, чувствуем, как нас одолевает эта слабость, прилипчивая, как зараза’ (Б. Перес Гальдос. «Сарагоса». Пер. Э. Левинтовой).

В обоих языках есть фразеологические обороты, такие как *золотое сердце*, *corazón de oro*, букв. ‘сердце из золота’; *corazón de mantequilla de Soria*, означающий буквально ‘сердце, как масло из Сории’ (литературный перевод его ‘мягкое, нежное, чувствительное сердце’). Все эти единицы в своем буквальном прочтении обозначают материал, из которого состоит сердце. См. пример (19):

(19) *Y resulta que la tabernera, un corazón de mantequilla de Soria, también suelta el trapo, se le agarra al cuello, y le ofrece cargar con Minga...* (E. Pardo Bazán. “Cuentos dramáticos”) ‘Кончилось тем, что трактирщица, женщина добрейшей души, тоже залилась слезами, бросилась ему на шею и пообещала приютить у себя Мингу...’ (Е. Пардо Басан. «Драматические рассказы». Пер. Э. Левинтовой).

Е. Признак «консистенция сердца»

Свойство сердца быть твердым или мягким переносится на человека. Так, фразеологизм *duro de corazón* означает буквально 'твердый сердцем', в литературном переводе – 'жесткий, черствый человек'. С такой консистенцией сердца, как 'твердость', естественно связываются такие внутренние качества человека, как твердость характера или жесткость характера. Напротив, мягкое сердце, представленное в испанском фразеологизме *blando de corazón* (букв. 'мягкий сердцем'), означает 'доброго, отзывчивого человека', то есть человека, наделенного положительными душевными качествами.

Приведем примеры испанских предложений с указанными фразеологизмами вместе с литературными переводами:

(20) *Digo esto porque en tu larga vida de Soberana pusiste siempre tu corazón blando sobre tu inteligencia, y abusaste irreflexivamente del poder afectivo y lo extendiste fuera de tu órbita personal, llevándolo a trastornar y corromper la vida del Régimen...* (Benito Pérez Galdós. "Cánovas")
'Говорю это, потому что всю долгую жизнь ты больше слушала свое *мягкое сердце*, чем разум. Из-за этого ты необдуманно злоупотребляла властью эмоций, позволила этому выйти за пределы твоей жизни, и в итоге – разрушаешь весь строй...' (Бенито Перес Гальдос. «Кановас». Пер. Э. Левинтовой).

(21) <...> *cuando hubo que curarle lo dolido con vinagre y con sal, la criatura tales lloros se dejaba arrancar que hasta al más duro de corazón hubiera enternecido* (C.J. Cela. "La familia de Pascual Duarte"). '<...> когда его <младенца> лечили, прикладывая к больному месту уксус и соль, младенец так надрывался плачем, что растрогал бы и самого жестокосердного человека' (К.Х. Села. «Семья Паскуаля Дуарте». Пер. Э. Люберацкой).

Близок по смыслу к приведенным выше фразеологизмам оборот *de corazón tierno* букв. 'с нежным сердцем'. Человек с таким сердцем – человек слишком чувствительный, слезливый, см. пример (22):

(22) *Eran de carácter fuerte y corazón tierno, y me trataban con la naturalidad del paraíso terrenal* (Gabriel García Márquez. Vivir para contarla). 'Они все были наделены сильным характером и нежным сердцем и со мной обращались как будто с заведомо обусловленной непринужденностью и щедростью земного рая' (Габриэль Гарсиа Маркес. «Жить, чтобы рассказывать о жизни». Пер. С. Маркова, Е. Марковой, А. Малоземовой, В. Федотовой).

* * *

Сделаем одно общее замечание относительно двух физических признаков сердца: «материал сердца» и «консистенция сердца».

В толкованиях фразеологизмов и метафорических выражений, которые передают значения этих признаков, должен содержаться, на наш взгляд, семантический компонент 'как бы касаясь сердца'. Дело в том, что консистенция как свойство материала, из которого сделан объект, передается через касание этого объекта, прикосновение к нему. Компонент 'как бы касаясь сердца' передает образно то ощущение, которое человек испытывает от прикосновения к твердому или мягкому материалу. На основании реальных и метафорически выражаемых касаний происходит перенос от реального, или физического, ощущения к метафорическому, или психическому, ощущению. Так, большинство частей тела и отдельные внутренние органы допускают такую врачебную процедуру, как пальпация, в ходе которой врач может сказать, например, *печень мягкая, а желчный пузырь несколько твердый, жестковатый*. Сердце же недоступно пальпации, поэтому сочетания *твердое сердце* и *мягкое сердце* осмысляются только метафорически.

Ж. Признаки «каритивность сердца» и «избыточность сердца»

Признак «каритивность», приписанный данному телесному объекту, означает недостаточность в этом объекте того, что в нем должно быть в норме, а «избыточность» – это признак, противоположный «каритивности».

Указания во фразеологизмах на значения этих признаков сердца имеют свои особенности. Так, в ситуации, когда человеку не хватает мужества, отваги и храбрости, например, для того чтобы прийти на помощь другому человеку либо, преодолев себя, совершить смелый поступок, испанцы часто используют фразеологизм *faltárle a uno el corazón*, который означает буквально 'человеку не хватает сердца'. Литературный перевод этой единицы таков: 'человеку изменило мужество, у него не хватило духа', см. пример (23):

(23) *Pero en este momento de prueba definitiva "le faltó el corazón", como decían los aficionados (Vicente Blasco Ibáñez. Sangre y arena)*. 'Но тут, в момент решительного испытания, «мужество изменило ему», как говорят любители'. (Висенте Бласко Ибаньес. «Кровь и песок». Пер. И. Лейтнер, Р. Линцер).

В русском языке, если надо выразить мысль, что человеку изменило мужество, из-за чего он или она не совершает каких-то действий, которые ожидались, не говорят, что у человека *мало сердца* или что у него / нее *маленькое сердце*. Иными словами, в русском языке нет фразеологизмов, соответствующих испанскому; нет также и соответствующих метафорических сочетаний. Между тем предложение *У человека мало сердца* существует, но означает оно то, что человек сухой, недостаточно эмоциональный, см. пример (24):

(24) <...> если подсудимый – человек деятельный и честный, то, с другой стороны, это человек злобный и себялюбивый, в котором мало сердца, которому недоступно чувство настоящей любви, неразлучной со снисхождением, с прощением, с извинением слабостей, ошибок <...> (А.Ф. Кони. «Выступление по делу об убийстве коллежского assessора Чихачева»).

Буквальное прочтение испанского фразеологического соматизма *tener uno mucho corazón* – это ‘иметь много сердца’. Этот соматизм, однако, передает не значение признака «размер (объем) сердца», а положительное значение признака «избыточность сердца». Литературный перевод этого фразеологизма – ‘иметь большое сердце’. Иными словами, *иметь большое сердце* означает ‘высокую способность человека чувствовать другого, сочувствовать ему / ей, быть отзывчивым’, то есть большой размер сердца сопряжен с определенными эмоциями человека:

(25) *Esto no lo puedo consentir, no mil veces... yo tengo mucho corazón... Sola, Sola de mi vida... ¿por qué me abandonas? (Benito Pérez Galdós. “El terror de 1824”).* ‘Я не могу на это согласиться. Нет, никогда... я слишком добродушен для этого (букв. ‘У меня слишком много сердца’)... Единственная... Единственная в моей жизни... Почему ты оставляешь меня?’ (Бенито Перес Гальдос. «Ужас 1824 года»).

В заключение отметим, что проанализированные здесь испанские и русские фразеологические соматизмы со словами *corazón* и *сердце* передают буквально, то есть своей внутренней формой, конкретные значения физических признаков сердца – «размер», «температуру», «твердость» и др.

Как мы показали, значения физических признаков сердца регулярно ассоциируются с такими чертами характера человека, как темперамент, смелость, душевные качества, чувства, ощущения и особенности поведения. Другими словами, наблюдается регуляр-

ный перенос с физических признаков рассматриваемого телесного объекта на психические свойства его носителей. Сопоставительный анализ фразеологических фрагментов семиотических концептуализаций слов *corazón* и *сердце* говорит о неполном соответствии испанских и русских несвободных сочетаний с этими словами. В тех случаях, когда такое соответствие неполное, при переводе с одного языка на другой требуется особая контекстуальная поддержка или поиск каких-то дополнительных языковых средств и приемов.

Литература

- Баранов, Добровольский 2013 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. М.: Флинта, 2013. 312 с.
- Козеренко, Крейдлин 2011 – *Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е.* Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 54–66.
- Крейдлин 2004 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2004. 584 с.
- ЯиСТ 2020, т. I – Язык и семиотика тела / П.М. Аркадьев, Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед; под ред. Г.Е. Крейдлина. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 672 с.
- ЯиСТ 2020, т. 2 – Язык и семиотика тела / П.М. Аркадьев, Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед; под ред. Г.Е. Крейдлина. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 2. 481 с.

References

- Baranov, A. and Dobrovolsky, D. (2013), *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology], Flinta, Moscow, Russia.
- Kozerenko, A. and Kreydlin, G. (2011), *Frazeologicheskie somatizmy i semioticheskaya kontseptualizatsiya tela* [Phraseological somatizms and semiotic conceptualization of the body], *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 54–66.
- Kreydlin, G. (2004), *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and Natural language], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Arkadiev, P.M., Kreydlin, G.E., Letuchy, A.B., Pereverzeva, S I. and Hesed, L.A. (2020), *Yazyk i semiotika tela* [Language and semiotics of the body], vol. 1, *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Arkadiev, P.M., Kreydlin, G.E., Letuchy, A.B., Pereverzeva, S I. and Hesed, L.A. (2020), *Yazyk i semiotika tela* [Language and semiotics of the body], vol. 2, *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Елизавета С. Листратова, бакалавр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bettlistratova99@gmail.com

Information about the authors

Grigory E. Kreydlin, Dr. of Sci (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

Elizaveta S. Listratova, undergraduate, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bettlistratova99@gmail.com

«Семотрясение» и другие метафоры лингвистических поворотов

Владимир В. Фещенко

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты семиотической концепции А.Н. Барулина. Введенное им понятие «семотрясение» (под которым подразумеваются значимые периоды резких и масштабных глобальных перемен в эволюции знаковых систем, в том числе языка) ставится здесь в ряд близких метанаучных терминов лингвистической теории, таких как «семиотическая революция», «лингвистический поворот», «языковой эксперимент», «языковая аномалия». Рассматриваются некоторые примеры из языковой практики, которые своей аномальностью наталкивали лингвистов на новые осмысления природы языка. Лингвистика на протяжении последней части XIX и всего XX века концептуализирует аномалии на уровнях семантики, синтактики и прагматики, проходя через три фазы лингвоэстетического поворота вместе с литературными экспериментами. Дискуссии лингвистов о роли правильных и неправильных высказываний в формировании языковых теорий совпадали и по времени, и содержательно с языковым экспериментом художественного толка, обнаруживая общие концептуальные ходы между наукой и искусством в условиях того, что А.Н. Барулин называл «семотрясением».

Ключевые слова: лингвистический поворот, семиотика, языковой эксперимент, аномалия

Для цитирования: Фещенко В.В. «Семотрясение» и другие метафоры лингвистических поворотов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 84–98. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-84-98

“Semoquake” and other metaphors of linguistic turns

Vladimir V. Feshchenko

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia,

vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Abstract. The article deals with some aspects of A.N. Barulin's semiotic conception. The concept of “semoquake” introduced by him (which means significant periods of sharp and large-scale global changes in the evolution of sign systems, including language) is discussed here in a number of close metascientific terms of linguistic theory, such as “semiotic revolution”, “linguistic turn”, “language experiment”, and “language anomaly”. The study considers examples from linguistic practice, which, due to their anomalous nature, prompted linguists to new understandings of the essence of language. Over the last part of the 19th and the entire 20th century, linguistics conceptualized anomalies at the levels of semantics, syntactics and pragmatics, passing through three phases of a linguo-aesthetic turn along with literary experiments. The discussions of linguists about the role of correct and incorrect statements in the formation of language theories coincided both in time and content with an artistic language experiment, revealing common conceptual moves between science and art in the conditions that A.N. Barulin called “semoquake” (*semotryasenie*).

Keywords: linguistic turn, semiotics, language experiment, anomaly

For citation: Feshchenko, V.V. (2024), “‘Semoquake’ and other metaphors of linguistic turns”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 84–98, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-84-98

В 2002 г. вышли первые два тома «Оснований семиотики» А.Н. Барулина [Барулин 2002]. Масштаб научного спектра и интеллектуальной глубины Александра Николаевича проявился в этом многотомнике очень ярко, ведь им была поставлена титаническая задача реконструировать эволюцию и самой семиотики, и ее объектов – знаковых систем, от древних ритуалов и мистерий до современной высокой поэзии, в рамках одного курса, одного поистине энциклопедического издания. Остается только сожалеть, что из этого замысла напечатана была лишь начальная часть и несколько томов остались неизданными¹. В отечественной семиотике у такого проекта нет аналогов по масштабу, а из зарубежных можно было бы привести лишь единичные соразмерные попытки суммирова-

¹ Первый том посвящен основным понятиям и предыстории семиотики, второй – истории семиотики до конца XIX в. По-видимому, в последующие тома должны были войти материалы по истории семиотики в XX в.

ния семиотического знания, как в книгах Т. Себеока [Sebeok 2001, У. Эко [Есо 1979] или Дж. Дили [Deely 1990]. Однако ни один из этих классиков не являлся лингвистом, и ценность барулинской семиотической эпопеи – в ее лингвоцентричности, описании семиотических текстов через языковые модели. Семиотическая родословная Барулина при этом имеет глубокие отечественные корни – в трудах лингвистов Р.О. Якобсона, Вяч.Вс. Иванова, Ю.С. Степанова и других.

Тема данной статьи мотивирована одним из ключевых для семиотической концепции Барулина понятий, которое, впрочем, в опубликованных его трудах, кажется, не встречается, но на котором он построил свой отзыв на мою кандидатскую диссертацию, защищенную в 2005 г. Замечу, что и тут эпичность барулинского стиля проявилась ярко – отзыв был на двадцати страницах и зачитывался им на защите более сорока минут. Барулин, безусловно, – мастер крупных форм. Понятие, о котором идет речь, является барулинским неологизмом «семотрясение». Под ним понимается массивированная волна лингвистической креативности, массовое экспериментирование с языками, происходящее в какой-либо промежуток истории при серьезных сдвигах и потрясениях в области семиосферы (пространстве, в котором имеют место знаковые акты, по Ю.М. Лотману [Лотман 2000]). Поскольку одним из главнейших предметов интереса Барулина был глоттогенез (и семиогенез), не случайно его отталкивание в этой концепции от наблюдения Н.И. Жинкина о переходе от семиотического языка обезьяны к человеческому языку, когда «замкнутая знаковая система начинает бурно пополняться новыми структурно значимыми элементами и приходит в состояние дестабилизации»². Из этого наблюдения Барулин делает вывод: «Всякий раз, когда мы наблюдаем, что носители языка или языков, и других семиотических систем начинают обращать на них особенно пристальное внимание, антропоморфная семиосфера в целом и языковая система находится в состоянии дестабилизированности».

Мощнейшим «семотрясением» является, с этой точки зрения, период конца XIX – первых десятилетий XX в. Этот промежуток времени, по Барулину, «характеризуется небывалым вниманием интеллектуальной элиты к языку и другим семиотическим системам, небывалым числом самых разнообразных экспериментов и в языковом строительстве». Здесь упоминаются огромные по масштабам

² Здесь и далее цитируется неопубликованный отзыв официального оппонента А.Н. Барулина на кандидатскую диссертацию В.В. Фещенко «Языковой эксперимент в русской и английской поэтике (1910–1930-е гг.)» (Москва, Институт языкознания РАН, 2004).

массовые эксперименты по возрождению иврита или по очистке турецкого языка от арабских и персидских заимствований (шел с 1928 г. по инициативе Кемаля Ататюрка), в этом же ряду стояло построение литературного норвежского языка нюношк, эстонского литературного языка и т. д., а также строительство искусственных языков (воляпюк, эсперанто, идо, идиом-нейтраль и др.). В последней четверти XIX – начале XX в. появилось, отмечает Барулин, большое количество течений, так или иначе связанных с языковой проблематикой, в философии и логике, и новые революционные течения в лингвистике (структурализм), литературоведении (формализм), психологии – фрейдизм, и в массовом создании алфавитов для бесписьменных языков, например в России коренное изменение языковой политики и т. д. Полный набор этих фактов перечислен в статье [Айхенвальд, Барулин 1988].

Волна от потрясения семиотического сознания европейского населения тех времен, замечает Барулин, была интернациональной и продолжала широко распространяться по Европе, меняя формы и захватывая все бóльшие и бóльшие семиотические фрагменты культуры. Так продолжалось до начала Первой мировой войны, после чего тенденция национального объединения и консолидации сменилась на противоположную – замыкание народов в рамках национальных идеологий. При этом литература, подчеркивается в отзыве, «осталась той заводью, которая не подчинилась общему развороту: там волна экспериментов над языком продолжалась». Как раз этой волне экспериментов с языком в художественной литературе была посвящена диссертация [Фещенко 2004]. Языковой эксперимент рассматривается в ней как языковая деятельность, направленная на художественное или научное исследование собственных эстетических и познавательных возможностей. И такой эксперимент, по моим выводам, проводится как в поэтической практике этого периода, так и в лингвистических концепциях, сопутствующих этому языковому повороту.

Барулинское понятие «семотрясения» – более объемное по содержанию, чем «языковой эксперимент», и указывает на семиотическую революцию в разных областях мышления, поведения и творчества. К подобному же понятию «культурного взрыва» обращается в последний свой период и Ю.М. Лотман. Так, в статье «Технический прогресс как культурологическая проблема» (1988) при обсуждении понятия «научной революции» как переломного процесса в самосознании человека Лотман между делом употребляет другой родственный термин – «семиотическая революция»: «Великие научно-технические революции неизменно переплетаются с семиотическими революциями, решительно меняющими

всю систему социокультурной семиотики. Прежде всего следует отметить, что окружающий человека вещественный мир, наполняющий его культурное пространство, имеет не только практическую, но и семиотическую функцию. Резкая перемена в мире вещей меняет отношение к привычным нормам семиотического освоения мира» [Лотман 2000, с. 636].

Из этого замечания следует, что «семиотическая революция» является родовым понятием для более частных «революций» – политической, экономической, научной, художественной. Это тот «культурный сдвиг», который затрагивает сразу все области проявления знаковых отношений. У А.Н. Барулина понятие «семотрясения» так же, как и лотмановский «взрыв», диалектически связано с континуальным процессом «семиотической эволюции». Еще одно синонимичное понятие в барулинской терминосистеме – «семиотический поворот», который он понимает как расширение поворота лингвистического. И я хотел бы остановиться чуть подробнее на этом понятии «поворот», которое также является одной из метанаучных и трансдисциплинарных метафор культурных сдвигов, частными случаями которых бывают трансформации языка и роли языка в культуре и социуме.

В философии термин «лингвистический поворот» довольно четко определен и охватывает конкретный круг направлений в философских исследованиях³. Однако гуманитарные исследования последнего времени указывают на то, что сам лингвистический поворот был частью более обширной, трансдисциплинарной тенденции в культуре и науке XX в., которую можно назвать «поворот к языку» (*a turn to language*). Вообще под поворотом в науке понимается междисциплинарная направленность на определенную совокупность явлений, связей и процессов, повышенное внимание к этим проблемам в определенный исторический период. От «научной революции» поворот отличается не столь резкими изменениями взглядов на мир и может охватывать несколько парадигм⁴. Ре-

³ Он был заявлен в коллективной работе под редакцией американского философа Р. Рорти [Rorty 1967] по отношению к логико-философским учениям 1920-х гг.

⁴ «Термины *поворот мысли* (так можно условно перевести английское *turn* и немецкое *Wende* в таких словосочетаниях, как *linguistic turn*, *pragmatic turn*, *cognitive turn*, *interpretative turn* и т. п.) и *волна* (например, прагматическая волна) лишены драматизма, привносимого термином *революция*, и относятся скорее к интервалу времени, чем к точке. Ведь поворот замечается только после того, как произошел, и назад вернуться не всегда возможно» [Демьянков 2016, с. 76].

волюция описывается Т. Куном как «изменение взгляда на мир» и «смена понятийной сетки» [Кун 1977]. Последовательный переход от одной парадигмы к другой осуществляется, согласно Куну, через революции.

«Поворот к языку» выразился, в первую очередь, в зарождении теоретической лингвистики в учении Ф. де Соссюра, т. е. утверждении лингвистики (а заодно и семиотики) как науки. Художественные процессы начала XX в. также характерным образом были повернуты к языковой проблематике и к языковому эксперименту⁵. Выразился поворот к языку и в таких областях, как богословие, искусствоведение, литературоведение и даже в естественных науках (например, в физике, ср. с трактатом В. Гейзенберга «Реальность и ее порядок» 1942 г. (переизд. [Heisenberg 2019]), в котором известный физик рассматривает язык поэзии как особый язык описания реальности). Кроме того, «поворот к языку» стоит в ряду других поворотов интеллектуальной мысли уже более позднего времени, таких как культурный, перформативный, иконический, интерпретативный, переводческий поворот и др. [Бахманн-Медик 2017]. Одним из недавних таких поворотов, значимых для лингвистики, является когнитивный⁶, включающий в себя и более частные повороты, как, к примеру, «жестовый поворот» [Ирисханова 2016] в лингвистических исследованиях. Таким образом, лингвистический поворот был частью более разветвленных процессов в эволюции науки и культуры последнего столетия, связанных с направленностью на язык.

Можно говорить и о более частных проявлениях таких поворотов к языку, в частности о контактах и соотношениях между теорией языка, эстетической теорией и художественно-языковым экспериментом. Под лингвоэстетическим поворотом я понимаю направленность на научное изучение эстетики словесного творчества, с одной стороны, и на художественное творчество, ориентированное на языковой эксперимент – с другой. В XX в. этот поворот проходит через три фазы: формально-семантическую (1900–1910-е гг.), функционально-синтаксическую (1920–1950-е гг.), акционально-прагматическую (1960–1990-е гг.). Это в целом соответствует эволюции лингвистических методов от формализма и словоцентрических подходов – до прагматических неслово-

⁵ Лингвистика как наука становится в XX в. также предметом изображения в художественной литературе, от Б. Шоу до В. Каверина и А. Солженицына, см. об этом [Вельмезова 2014].

⁶ *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.* Когнитивная революция, когнитивный поворот // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 72–73.

центрических подходов (как их называет В.М. Алпатов в книге [Алпатов 2018]), т. е. соответствует движению от семантики к синтактике и далее к прагматике⁷.

Проиллюстрировать эти подходы и переходы от одних подходов к другим можно на примерах аномалий, попадающих в фокус исследования лингвистов. Эти аномалии оказываются в фокусе внимания лингвистов как «отрицательный языковой материал» и одновременно (но не обязательно синхронно) порождаются как поэтические тексты в экспериментальной литературе. Далее в статье я затрону тему аномалий как предпосылок для революции знания, в данном случае знания о языке.

В общем виде роль аномалии в научном знании была обстоятельно обоснована Т. Куном в его теории научных революций. Согласно Куну, предпосылкой любой научной революции служит появление аномальных фактов. Аномальные факты создают кризис в научной теории и побуждают ученых искать новые объяснительные модели: «Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки. Это приводит затем к более или менее расширенному исследованию области аномалии. И этот процесс завершается только тогда, когда парадигмальная теория приспособливается к новым обстоятельствам таким образом, что аномалии сами становятся ожидаемыми» [Кун 1977, с. 80]. Таким образом, к примеру, была изобретена так называемая лейденская банка, ставшая результатом осознания аномалии в области электричества, а это изобретение породило целую научную парадигму в электрофизике.

Далее мы рассмотрим некоторые примеры из языковой практики, которые действительно своей аномальностью наталкивали лингвистов на новые пути осмысления природы языка.

Аномалия понимается в общем виде как отклонение от нормального состояния какого-либо явления. Так, еще в 1915 г. Э. Сэпир опубликовал статью об аномальных речевых приемах в североамериканском языке нутка [Sapir 1949]. Аномальными он их назвал потому, что правила данного языка не укладывались в общепринятые представления лингвистов того времени об устройстве языков мира, следовательно, они были признаны отклонениями от общей закономерности. Общее определение аномалии в лингвистике впервые было дано в 1970-е гг. Ю.Д. Апресяном, понимавшим под ней «нарушение правила употребления

⁷ Лингвоэстетическому повороту посвящена моя докторская диссертация [Фещенко 2020].

какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990, с. 50] и видевшим в ней «точки роста новых явлений». На основе существующих трудов о языковых аномалиях можно сформулировать рабочее семиотическое определение аномального текста как любой произнесенной или написанной последовательности языковых знаков, демонстрирующих те или иные девиации от принятых в стандартном языке законов сочетаемости знаков и смыслов и, следовательно, отклоняющихся от принятых моделей коммуникации, понимания и интерпретации в рамках данной знаковой системы. Аномальный текст является результатом языкового эксперимента, либо намеренного, либо ненамеренного. При этом функции языкового эксперимента могут быть различными и могут выражаться в различных коммуникативных процедурах – порождение текста на искусственном, воображаемом, неизвестном или изобретаемом языке; языковая игра, лингвистический мысленный эксперимент, патологии речи и некоторые другие. Аномалия может служить и функции метаязыковой – когда становится предметом научного анализа у лингвистов.

Формально-семантическая фаза рассматриваемого нами поворота может быть продемонстрирована работой Ф. де Соссюра с анаграммами в художественных текстах [Starobinski 1979]. Так, в примерах из древних текстов, а также неолатинского стиха итальянского поэта Дж. Пасколи Соссюром реконструируются анаграммы, т. е. слова, скрытые за другими словами. Соссюр следует при этом своему постулату «Язык есть форма, а не субстанция» и исследует в материальности знаков скрытую семантику. К такой же технике он прибегает при анализе глоссолалической речи медиумических сеансов, отыскивая смысл в бессмысленных сочетаниях букв и слогов. Эта работа лингвиста, при всей ее маргинальности, напоминает эксперименты французского, а затем и русского символизма с фоносемантическим уровнем стиха.

В рамках той же формальной парадигмы И. Бодуэн де Куртенэ порождал аномальные слова и их сочетания; в его полемической статье против «зауми» футуристов приводится несколько примеров текстов на таком «заумном языке»: *Караменота селулабиха // Керемунта шёвелесула // Тиутамкунита чорчорпелита*⁸. Однако бессмысленность таких сочетаний, напоминающих глоссолалию русских сектантов, описанную у Д.Г. Коновалова⁹, В.Б. Шклов-

⁸ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.

⁹ Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев-Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. 256 с.

ского [Шкловский 2000] и Р.О. Якобсона [Якобсон 1987], убеждало польско-русского лингвиста в том, что язык не образуется из чистого звукосочетания. Чему вроде бы противостояла языковая практика футуристов с работой над «словом как таковым» и «буквой как таковой». Однако в обоих случаях мы имеем дело с обостренностью внимания к материальному и формальному составу отдельных слов и звуков в его связи с семантикой, и у лингвиста Бодуэна, и у поэта Хлебникова.

Пример второй, функционально-синтаксической фазы – интерес лингвистов и лингвистических философов к аномалиям на лексико-грамматическом и логико-синтаксическом уровне и аналогичные девиантные процессы в литературе.

Пример такой аномалии: построенная Л.В. Щербой грамматически верная фраза, но состоящая из лексически несуществующих слов *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*¹⁰. Для самого Щербы этот пример подчеркивал значимость лингвистического эксперимента и «отрицательного языкового материала» [Щерба 1974] не только в обучении языку, но и в понимании сущности языковых явлений. В частности, этой фразой иллюстрировался важный тезис о том, что в сознании говорящего всегда присутствуют абстрактные грамматические структуры, подчас даже не нуждающиеся в лексически нормальном наполнении. Примеры подобных упражнений Щерба при желании мог бы почерпнуть из существующей поэзии футуристов, например из стихотворения И. Терентьева «Серенький козлик» 1918 г.: *моснял мазами сено / кутка неизверная / тена фразам исчерна / нерно прокатом*. Не исключено, что именно такие стихи могли вдохновить русского лингвиста на его лексико-грамматический эксперимент.

Другой пример аномалии функционально-синтаксического типа был предложен британским лингвистом Ч.К. Огденом в своем важном труде 1923 г. по семиотике и теории значения. Здесь приводится в пример фраза, состоящая из несуществующих слов: “Suppose someone to assert: *The gostak distims the doshes*. You do not know what this means; nor do I. But if we assume that it is English, we know that *the doshes are distimmed by the gostak*. We know too that *one distimmer of doshes is a gostak*. If, moreover, the doshes are galloons, we know that *some galloons are distimmed by the gostak*. And so we may go on, and so we often do go on” [Ogden, Richards 1972, p. 46].

¹⁰ Она употреблялась Щербой на лекциях к курсу «Основы языкознания». Замечу, что фраза о «глокой куздре» была вышита на ремне, который был подарен А.Н. Барулину его учениками и который Александр Николаевич часто с удовольствием носил.

Здесь демонстрируется, как и в русском примере Щербы, что в языке возможно значение и без реально существующих денотатов и референтов. Знаки даже в таком аномальном высказывании имеют значение и, более того, допускают различные дальнейшие синтаксические операции по анализу этого значения. В школе логического позитивизма предметом полемики стали фразы, сочиненные Р. Карнапом: *Caesar ist eine Primzahl* («Цезарь – это простое число»), *This stone is now thinking about Vienna* («Этот камень думает сейчас о Вене»), *Piroten karulieren elatisch* («Пироты карулируют элатично»). Подобные псевдовысказывания представляют собой либо ошибки категоризации, либо составлены из несуществующих лексем, оставаясь при этом грамматически корректными.

В книге французского структуралиста Л. Теньера «Основы структурного синтаксиса» (1959) обсуждается вопрос об абсурде, возникающем при аномальном взаимодействии структурного и семантического планов высказывания. Приводится искусственно сочиненная фраза: *Le silence vertébral indispose la voile licite* («Позвоночная тишина настраивает против законной пелены»). Как полагает Теньер, смысла в данной фразе нет никакого, но при всем при том сохраняется четкая структура французского синтаксиса (считается, что Теньер опередил Хомского в изобретении подобной фразы) [Tesnière 2015, p. 35]. При этом тут делается ссылка на «поэтов сюрреализма и футуризма», впрочем, без уточнения того, имеется у них все-таки смысл или нет, но сама референция уже значима: лингвист учитывает практику авангардной поэзии при обработке своего «отрицательного языкового материала».

Отдельного внимания заслуживает в этом ряду фраза, введенная в научные дискуссии Н. Хомским уже в 1950-е гг. Она известна в двух вариантах:

1. Colorless green ideas sleep furiously.
2. Furiously sleep ideas green colorless [Хомский 1962, с. 418].

Для Jakobson, вышедшего из кругов русских футуристов, обе фразы Хомского выглядели вполне успешными и осмысленными после экспериментов В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Крученых и особенно учитывая американский контекст – Э.Э. Камминга. При семантической и синтаксической аномальности она могла бы быть и неаномальной в каком-либо поэтическом контексте. Как показали Р.О. Jakobson [Jakobson 1985] и после него Б.А. Успенский [Успенский 2007], такая фраза вполне могла бы выглядеть семантической и даже синтаксичной в поэтическом или фольклорном контексте.

Наконец, в рамках третьей, акционально-прагматической фазы аномалии фиксируются на уровне высказываний (вроде иллюку-

тивных самоубийств типа *I lie that Jones did it; Идет дождь, но я не утверждаю, что идет дождь* Дж. Мура или трактовка Остином аномальных перформативов в поэзии). Анализируя фразу *Go and catch a falling star* из стиха Дж. Донна, Остин недоумевает, как возможно вообще осуществление подобного действия – «поймать падающую звезду» [Austin 1962]. Лингвистика прагматической направленности часто черпала аномалии из литературы абсурда, в которой, как правило, нормальные с точки зрения семантической и синтаксической связности предложения оказывались аномальными на уровне прагматики высказывания. Особенно характерны здесь диалоги из текстов Хармса, Беккета и Стоппарда. В поэтической практике прагматический поворот был манифестирован в концептуальном письме (русском и американском), работающим с иллокутивным модусом поэтического высказывания.

Таким образом, согласно этим трем базовым парадигмам, лингвистика на протяжении последней части XIX и всего XX века концептуализирует аномалии на уровнях семантики, синтактики и прагматики, проходя через три фазы лингвоэстетического поворота вместе с литературными экспериментами. Дискуссии лингвистов 1920–1930-х гг. о роли правильных и неправильных высказываний в формировании языковых теорий совпадали и по времени, и содержательно с языковым экспериментом художественного толка, обнаруживая общие концептуальные ходы между наукой и искусством в условиях того, что А.Н. Барулин называл «семотрясением». Еще на заре лингвистической науки языковые аномалии были признаны «патологией» языка. Об этом в медицинских терминах рассуждал еще в 1885 г. И. Бодуэн де Куртенэ: «В области языкознания описание и объяснение обычных, нормальных языковых явлений соответствует физиологии, а описание и объяснение языковых аномалий — патологии»¹¹. За XX век языковой и литературный опыт проделал столь длительный и интригующий путь, что аномалии текста уже вряд ли можно рассматривать как болезнь языка, а скорее, как продуктивный способ языковой креативности и метаязыковой рефлексии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

¹¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. С. 142.

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00040) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Айхенвальд, Барулин 1988 – *Айхенвальд А.Ю., Барулин А.Н.* К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1988. С. 36–44.
- Алпатов 2018 – *Алпатов В.М.* Слово и части речи. М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. 256 с.
- Апресян 1990 – *Апресян Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)*. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
- Барулин 2002 – *Барулин А.Н.* Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1, 2. М.: Спорт и культура-2000, 2002. 464 с.
- Бахманн-Медик 2017 – *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- Вельмезова 2014 – *Вельмезова Е.В.* История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014. 416 с.
- Демьянков 2016 – *Демьянков В.З.* Языковые техники «трансфера знания» // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии*. М.: Культурная революция, 2016. С. 115–136.
- Ирисханова 2016 – *Ирисханова О.К.* «Жестовый поворот» как проявление антропоцентризма в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 27. С. 50–61.
- Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера: культура и взрыв: Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- Успенский 2007 – *Успенский Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
- Фещенко 2004 – *Фещенко В.В.* Языковой эксперимент в русской и английской поэтике (1910–1930-е гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН. М., 2004. 324 с.
- Фещенко 2020 – *Фещенко В.В.* Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном эксперименте: Дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т языкознания РАН. М., 2020. 450 с.
- Хомский 1962 – *Хомский Н.* Синтаксические структуры // *Новое в лингвистике*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Вып. 2. С. 412–527.
- Шкловский 2000 – *Шкловский В.* Заумный язык и поэзия // *Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания*. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 258–265.

- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
- Якобсон 1985 – *Якобсон Р.О.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // *Якобсон Р.О.* Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.
- Якобсон 1987 – *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Велимир Хлебников // *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 272–317.
- Austin 1962 – *Austin J.* How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 174 p.
- Deely 1990 – *Deely J.* Basics of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 164 p.
- Eco 1979 – *Eco U.* Theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 354 p.
- Heisenberg 2019 – *Heisenberg W.* Ordnung der Wirklichkeit, Berlin: Springer, 2019. 240 p.
- Ogden, Richards, 1972 – *Ogden C.K., Richards I.A.* The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. L., Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1972. 388 p.
- Rorty 1967 – The linguistic turn: recent essays in philosophical method / Ed. by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 416 p.
- Sapir 1949 – *Sapir E.* “Abnormal types of speech in Nootka” // Sapir E. Selected writings. Berkeley: University of California Press. P. 179–197.
- Sebeok 2001 – *Sebeok Th.A.* Signs: an introduction to semiotics. Toronto: University of Toronto Press, 2001. 201 p.
- Starobinski 1979 – *Starobinski J.* Words upon words: the anagrams of Ferdinand de Saussure. New Haven: Yale University Press, 1979. 160 p.
- Tesnière 2015 – *Tesnière L.* Elements of structural syntax. Amsterdam: John Benjamins, 2015. 782 p.

References

- Aikhenval'd, A.Yu. and Barulin, A.N. (1988), “Towards the grammar of the synthesis of word forms”, in *Sinkhroniya i diakhroniya v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Synchrony and diachrony in linguistic studies], vol. 1, Institut vostokovedeniya AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 36–44.
- Alpatov, V.M. (2018), *Slovo i chasti rechi* [Word and parts of speech], Izd. dom “YaSK”, Moscow, Russia.
- Apresyan, Yu.D. (1990), “Language anomalies: types and functions”, in *Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya: Pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919–1986)* [Philological research. In memory of academician Georgy Vladimirovich Stepanov (1919–1986)], Nauka, Moscow, USSR, pp. 50–71.

- Austin, J. (1962), *How to do things with words*, At the Clarendon Press, Oxford, UK.
- Barulin, A.N. (2002), *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya*. [Foundations of semiotics. Signs, sign systems, communication], part 1, 2, Sport i kul'tura–2000, Moscow, Russia.
- Bachmann-Medick, D. (2017), *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Chomsky, N. (1962), “Syntactic structures”, in *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], issue 2, Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, USSR, pp. 412–527.
- Deely, J. (1990), *Basics of semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, IN, USA.
- Dem'yankov, V.Z. (2016), “Yazykovye tekhniki ‘transfera znaniya’”, in *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies], Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, Russia, pp. 115–136.
- Eco, U. (1979), *Theory of semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, IN, USA.
- Feshchenko, V.V. (2004), *Yazykovoii eksperiment v russkoi i angliiskoi poetike (1910–1930-e gg.)* [Language experiment in Russian and English poetics (1910–1930s)], Ph.D. Thesis (Philology), Institut yazykoznaniya RAN, Moscow, Russia.
- Feshchenko, V.V. (2020), *Lingvoesteticheskii povorot v teorii yazyka i khudozhestvennom eksperimente* [Linguaesthetic turn in the theory of language and artistic experiment], D. Sc. Thesis (Philology), Institut yazykoznaniya RAN, Moscow, Russia.
- Heisenberg, W. (2019), *Ordnung der Wirklichkeit*, Springer, Berlin, Germany.
- Irskhanova, O.K. (2016), “‘Gesture turn’ as a manifestation of anthropocentrism in cognitive linguistics”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 27, pp. 50–61.
- Jakobson, R.O. (1985), “Boas’ views on grammatical meaning”, in Jakobson, R.O. *Izbrannye trudy* [Selected writings], Progress, Moscow, USSR, pp. 231–238.
- Jakobson, R.O. (1987), “The latest Russian poetry. Sketch first. Velimir Khlebnikov”, in Jakobson, R.O., *Raboty po poetike* [Works on poetics], Progress, Moscow, USSR, pp. 272–317.
- Kuhn, Th. (1977), *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions], Progress, Moscow, USSR.
- Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosfera: kul'tura i vzryv: Vnutri myslyashchikh mirov* [Semiosphere: Culture and explosion. Inside thinking worlds], Iskusstvo-SPB, Saint Petersburg, Russia.
- Ogden, C.K. and Richards, I.A. (1972), *The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism*, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., London, UK.
- Rorty, R. (ed.) (1967), *The linguistic turn: recent essays in philosophical method*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Sapir, E. (1949), “Abnormal types of speech in Nootka”, in Sapir, E. *Selected writings*, University of California Press, Berkeley, USA, pp. 179–197.
- Sebeok, Th.A. (2001), *Signs: an introduction to semiotics*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.

- Shcherba, L.V. (1974), "On the triple aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics", in Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 24–39.
- Shklovskii, V. (2000), "Abstruse language and poetry", in *Russkii futurizm: Teoriya. Praktika. Kritika. Vospominaniya* [Russian Futurism: Theory. Practice. Criticism. Memories], IMLI RAN, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 258–265.
- Starobinski, J. (1979), *Words upon words: the anagrams of Ferdinand de Saussure*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Tesnière, L. (2015), *Elements of structural syntax*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands.
- Uspenskii, B.A. (2007), *Ego Loquens: Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego Loquens: language and communication space], RGGU, Moscow, Russia.
- Vel'mezova, E.V. (2014), *Istoriya lingvistik v istorii literatury* [History of linguistics in the history of literature], Indrik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир В. Фещенко, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Бол. Кисловский пер., д. 1; vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Information about the author

Vladimir V. Feshchenko, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1, Bol. Kislovsky Line, Moscow, Russia, 125009; vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

УДК 81

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-99-106

[Лингвистическая экспедиция
в контексте камчатских реалий]

Александр Н. Барулин

[Linguistic fieldtrip to Kamchatka]

Alexander N. Barulin

Фрагменты, предлагаемые вниманию читателей, написаны на основании дневника, который я вел во время лингвистической экспедиции на Камчатку в 1972 г. Это была шестая по счету экспедиция по описанию бесписьменных языков народов СССР, в которой я участвовал. Все они были организованы кафедрой структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Каждый год от кафедры посылается три партии. Одной из них руководит А.И. Кузнецова, другой – Е.Ю. Городецкий и третьей – А.Е. Кибрик. Всеми экспедициями, в которых был я, руководил А.Е. Кибрик. Мы побывали на Памире, объехали почти весь восточный Кавказ, дважды работали на Камчатке. И каждый из этих краев поражает чем-то своим. Впечатления от них не наслаиваются одно на другое, а лежат каждое на своем месте, драгоценные отпечатки Красоты.

* * *

Карта. Наша Вывенка находится на севере Камчатки, на восточном ее побережье, в центральной части залива Корфа, а именно в том месте, где в океан впадает неглубокая, но широкая река Вывенка. Название «Вывенка» происходит от корякского слова «уиунэнг» – камень. В этом небольшом поселке живут русские и олюторцы. Раньше считали, что язык олюторцев – один из диалектов корякского языка. Теперь лингвисты склонны считать его самостоятельным языком. Занимаются здесь в основном рыболовством и оленеводством, кроме того, вывенцы – большие любители охоты.

Само по себе прибытие в Вывенку для меня оба раза было простым.

Случилось так, что мы с Игорем Александровичем Мельчуком отстали от экспедиции и добирались от райцентра Тилички до Вывенки не вертолетом, как все остальные, а в шкиперской каюте плоскодонной баржи, называемой здесь плоскоутом. Уже в аэропорту и порту Тилички Корфе нам стало известно, что устье Вывенки «замыло», т. е. занесло песком, и проход в реку почти не возможен. Шкипер нашего плоскоута Федя – как он отрекомендовался – объяснил нам, что вообще-то это редко бывает и что поселок уже третий день сидит без почты, и связь с ним очень плохая. Еще он рассказал нам, что поведет плоскоут буксир лучшего в Корфе капитана, которого специально сняли для этого рейса с каких-то других работ. Потом он велел нам спуститься в каюту и не показываться на палубе до самого прихода в Вывенку. Дело в том, что перевозка пассажиров на буксирах и плоскоутах строго запрещена местными законами, хотя чаще всего это единственный способ туда добраться, так как никакого специального средства доставки пассажиров туда не имеется вовсе. За нарушение этого правила, как нам объяснили, в первый раз берут штраф 10 рублей, во второй – изымают шкиперские или капитанские удостоверения.

После двухчасовой болтанки я все же решил высунуть нос наружу. Федя в брезентовом плаще с капюшоном стоял у руля и, стараясь по кончику мачты, видневшемуся из-за груды теса на палубе, угадать положение буксира, направлял посудину. Но плашкоут все равно, словно слепой, рыскал из стороны в сторону, упирался, казалось, даже мотал головой, стремясь освободиться от узды, на которой тащил его за собой маленький невозмутимый буксиришка.

Небо брюзжало мелким противным дождем и, отяжелев какой-то сыростью, глухо надвинулось на океан. Начинало темнеть. Справа проплывает сумрачная земля, проступавшая в тумане то сырой чернотой, то тусклыми белыми пятнами снега, подходившего к самой воде.

– Что это за домики на берегу, Федя?

– А эт, Сань, здесь японцы жили. У них там рыбзаводик маленький был. Жили как сельди в бочке. Видать, привычные: у них там в Японии места мало. Сань, будь другом, поддержи руль, я сбегая свитер натяну.

– А далеко еще?

– Подходим.

Я возбужденно выскочил на палубу и стал вглядываться, стараясь припомнить полузабытые очертания берегов вывенского устья. Росло нетерпение, которым обычно кончается дальняя дорога. Глазам не терпелось освободить память от старых воспоминаний, рукам – обнять старых знакомых, ногам – бежать кому-то навстречу.

– Тока пока в устье не войдем, – вдруг осадил появившийся опять Федя.

– Как не войдем?

– Так не войдем: опасно сегодня, видишь – темно, и вода не полная, отлив начался, не успели мы.

– А когда же?

– Может завтра. Ночевать на рейде будем.

– Вот черт!

Мы с Игорем Александровичем еще долго выпытывали у Феди, не пойдет ли туда буксир и не возьмет ли он нас с собой, но он твердо говорил «нет» и объяснял нам, как это опасно, быть на буксире, когда он проходит замытое устье.

– Там, понимаешь, два течения сталкиваются. Одно – прилив с океана идет, а другое – река в океан прет, и как они сходятся, так в том месте такие волнищи образуются – упаси господи. А тут устье замыло – значит на мель можно сесть.

– Да-да, как у нас в прошлом году вышло.

Я вспомнил, как это было.

С «Николаевска», большого белого дизель-электрохода, бросившего якорь примерно в миле от устья специально, чтобы нас посадить, нас в огромных сетках опустили на маленький буксирчик, пришедший из Усть-Вывенки – поселка рыбаков, расположенного на противоположном нашему берегу реки. И мы отчалили, чтобы, как мы думали, минут через 10–15 вступить, наконец, на долгожданную олюторскую землю.

Буксирчик развернулся и, то скатываясь и зарываясь под волну, то взбираясь ей на самый гребень, неторопливо тарахтя, направился к берегу. «Николаевск» еще некоторое время провожал нас праздными глазами своих пассажиров, потом он гуднул на прощанье, поднял якорь, и мы отвернулись от него к тому, что ждало нас впереди.

После долгих пасмурных дней небо впервые стало проясняться. Тучи постепенно из грозных превратились сначала в угрюмо серые, потом в пикантно прозрачные, вдруг вдалеке появилась тонкая нежная голубая полоса. И сразу приковала к себе взгляд свежая, чистая, полнокровная, как неожиданный румянец на безнадежно-бледном болезненно сером лице. Голубизна его была словно глоток кислорода в душной комнате. И вот уже блестят человечьи глаза, и вот уже прилила буйная энергия к мышцам, возбужденно заколотилось сердце, а голосовые связки почувствовали, как подпирает их изнутри мощная струя обогащенного воздуха. И неожиданно совсем рядом ударило по воде, брызнуло ярко в глаза, ослепительно засверкало на гигантской спине океана рыжее сумасшедшее солнце. И сразу навалилась на глаза сверкающая белизна снегов на сопках, яркая зелень травы присопочья, изумрудная глубина бездонного океанского чрева. А люди только могли сказать друг другу бессмысленные фразы: «Смотри! Солнце!». Безбожники вспоминали бога, а слабые чувствовали себя не в силах смотреть на это великолепие в одиночестве и теребили друзей.

Мы в волнении разбрелись по палубе буксирчика и, ничего не подозревая, наслаждались этим долгожданным солнцем, новыми впечатлениями и их предвкушением. Мы не заметили, как метрах в ста от устья исчез в рубке разбитой не очень трезвый капитан, все время торчавший на палубе и полуматом объяснявший мужчинам, что на самом деле такое Камчатка, как увеличились справа и слева от нас волны, и даже то, что буксирчик вдруг встал, не показалось таким уж страшным событием. Мы смотрели на берег и лишь в последний момент заметили, как сзади стало подниматься что-то огромное. Кто-то обернулся и удивленно сказал: «Смотри!». Мы обернулись вслед и увидели, что где-то уже на уровне груди по-над нами стоит, словно разинув мутно зеленую пасть, огромная волница, уже в следующее мгновение вонзившая в нас свои нетвердые десна. К счастью, удар был не так силен, как, казалось, должен был быть, и она схлынула, никого не съев, пропитав лишь до нитки все, что смогла обхватить желтоватой ледяной жижей.

– В трюм! – услышал я над головой пронзительный крик капитана, – Девчонок в трюм! Рюкзаки держи! – У него было в кровь разбито лицо. Он метеором пролетел на корму и обратно и снова исчез в рубке. А над утлым нашим суденышком вставала уже новая, в полтора раза большая волна. И еще только она поднималась, как сразу стало ясно: накроет с головой. Кораблик сначала доверчиво накренило в ее сторону, потом вдруг резко выпрямило, и он шарахнулся от этой падающей на него громадины, но было поздно. Она навалилась на него всей своей плотной тяжелой тушей и придавила

почти бортом ко дну. Все это происходило настолько быстро, что никто из нас не успел почувствовать никаких эмоций ни перед первой, ни перед второй, ни перед третьей волной, гораздо меньшей, чем вторая, но не менее опасной. Никто даже не помнил, как и за что он держался. Мы поняли, что нам грозило, лишь после того, как все уже было позади. После того, как мы выловили второй из унесенных волнами рюкзаков, обменялись сухой или полусухой одеждой и поделились первыми впечатлениями...

Теперь, в каюте плашкоута, нам не грозило ни быть смытыми за борт, ни вымокнуть, ни даже промочить ноги. Волновало само повторение начал. Кроме того, меня мучал интерес к врагу. Хотелось спокойно рассмотреть, как выглядят эти громадины.

Наутро погода немного исправилась. Море вокруг было довольно спокойным.

– Сейчас пойдем. Вода полная, – прокомментировал обстановку Федя. И мы пошли. Метрах в двухстах от горловины устья Федя велел всем «немедля» спуститься в каюту «И чтоб носу не видать!». Тем не менее я решился проследить всю процедуру прохождения устья и, приоткрыв люк, притаился. Нарастало напряжение. Как и ожидал Федя, в устье буксирчик сел. Видно было, как вхолостую заработали с натугой его винты, как накрыла его первая большая волна. Плашкоут имел меньшую осадку. Его больше никто никуда не тянул, и, потеряв ориентировку, он сразу оробел и, казалось, без всякого смысла вертелся возле буксирчика: то жался к нему, то, наоборот, шарахался, а волны нещадно били его со всех сторон, то наподдавая под зад, то дубася вбок. И все это время, осуществляя какую-то очень важную деятельность, на палубе находились Федя и его совсем молодой помощник Саня, мой тезка, командированный на Камчатку каким-то предприятием Куйбышева на время путины. От их мастерства и воли теперь многое зависело. Нужно было направить плашкоут так, чтобы он стукнул буксир по корме и сдвинул его с мели. Однако увидеть, как они это делают, мне не удалось, так как следующая волна накрыла плашкоут и вместе с ним Федю и Саню, а я едва успел захлопнуть крышку люка. Затем раздался скрежет металла по песку и сильный толчок. Я снова открыл люк. Первое, что я увидел, было окровавленное лицо Феди. Он что-то нутужно кричал своему помощнику. А над бортом уже вставала следующая волна, и нужно было сделать ее спасительной. Напряжение достигло предела. И вот эта вздыбившаяся зыбучая океанова плоть будто взвалила корму на свои могучие плечи, развернула ее так, что нос оказался где-то внизу, чуть не под кормой буксирчика, с размаху швырнула плашкоут на его движитель, прокатилась под днищем и, вздыбив нос, обрушилась на маленький ко-

раблик, на мгновение скрыв его от глаз. Получив два этих мощных удара, буксирчик сполз, наконец, со своего опасного постамента и, облегченно тарахтя, бойко и полезно забуравил воду винтами, задирая носом мелкие волнушки. Обвисшая кривая троса снова подобралась, вытянулась в прямую линию, и он потянул за собой плашкоут. Федя оставил на палубе Саню и спустился в каюту залепить пластырем крупную ссадину. Он был без шапки и до нитки мокрым. А на палубу буксирчика вышел тоже до нитки мокрый капитан и что-то закричал в нашу сторону, размахивал шапкой и поднимал над головой сплетенные в приветственный знак руки.

* * *

Старая школа, приютившая нас в Вывенке, стоит на самом краю вытянутого вдоль берега поселка, в той его части, которая ближе к устью. За ней есть еще только маленькая дизельная электростанция и меховая мастерская, где выделывают оленин шкуры, шьют из них памьяуи – меховые «носки», надеваемые внутрь торбасов – меховых сапог на подошве из нерпичьей шкуры, торбаса, тапочки, отделанные пушистым заячьим мехом и расшитые бисером и стеклярусом. От школы же начинается длинная коса; слева течет студеная Вывенка, справа – дни и ночи напролет грохочет солеными валами такой же холодный Тихий океан. В километре от поселка коса упирается в устье Вывенки. Туда-то в перерыве между работой я и направляюсь. Мне хочется посмотреть на нерп, которые во множестве плавают там, заняв удобную позицию для охоты на горбушу – в июле она идет в реки на нерест. Стоит обычный для Камчатки пасмурный день. В меру холодный несильный ветер задиристо будоражит океанскую поверхность, и океан ворчит на него, ударяя волнами в твердый песок берега, и устрашающе щетинится белыми барашками. На мне высокие охотничьи сапоги: я надеюсь поймать несколько рыбин на ужин. В прибой океан часто выбрасывает зазевавшуюся горбушу на берег. И я иду по самой кромке воды, по той полосе, которую океан с землей еще не поделили, и она отходит то к суше, то к морю. Волны сначала встают наизготовку, потом, грозно рыча, роя под собой землю, сворачиваются в упругий тяжелый молот и с грохотом распластываются на своей нерушимой наковальне. Тут главное – не прозевать. Вот уже совершают они свой стремительный набег, и я едва успеваю отпрыгнуть в сторону. А волны с трофейными песчинками с таким же шумом снова откатываются назад, оставляя на берегу давно украденные или завоеванные старые вещи. Их уже много лежит на берегу. Это целый музей. Чего здесь только нет: куски разорванных сетей с нашими стеклянными и японскими пластмассовыми шариками-поплавками,

какие-то пестрые пластиковые ленты, бутылки из-под водки, из-под японского джина, из-под виски, яркие хитиновые останки крабов, куски желтых, зеленых, красных японских тросов, полиэтиленовые синие сеточки для волос и т. д. и т. п. Иногда океан оставляет на берегу целые деревья, давно погибшие, бог знает сколько лет скитавшиеся по негладким океанским дорогам. Высохнув, они становятся белыми, как мел, и напоминают скелеты причудливых животных.

Но вот в метрах пятнадцати от меня сверкнула и забила в мелкой отступающей воде большая рыбина. Я бросаюсь в погоню, но меня опережает неожиданно свалившаяся с неба чайка. Она выволакивает горбушу на песок и, мигом выклевав ей глаза, зарывается клювом под голову. Через несколько мгновений она уже со скучающим видом смотрит по сторонам, будто ищет предлог бросить рыбу недоеденной, и затем, посмотрев в мою сторону, лениво летит прочь. Я подхожу посмотреть на чайкину работу. Голова горбуши почти цела. Соединяю полураскрытый рыбий рот: нижняя челюсть выступает из-под верхней, значит, это самка, и у нее должна быть икра. Однако, вспоров брюхо, я с удивлением вижу, что почти вся икра уже съедена более проворным охотником. Это была чайка-лакомка. А может быть, они вообще едят одну икру и глаза? Нет, буквально через два шага я натыкаюсь на настолько тщательно выпотрошенную оболочку горбуши, что она уже похожа на спущенный воздушный шар.

Подходя к устью, я начинаю идти осторожней и даже пригибаюсь. Уже издали видно, что вся поверхность воды здесь, словно круглыми свайками, утыкана гладкими черными головами нерп. Мне хочется рассмотреть их поближе. Но все мои усилия оказываются напрасными: едва я приближаюсь к берегу, ближайшие «свайки» весело показывают мне свои блестящие зады и исчезают под водой. Неожиданно начинает сгущаться туман. Я еще некоторое время успеваю полюбоваться играми нерп. Но туман грозит перейти в мелкий дождь, и мне приходится отправиться восвояси. Возвращаюсь я берегом реки.

Ни неба, ни земли. Взгляд с трудом отвоевывает у пространства мглистый сырой полый шар, горизонты которого можно потрогать рукой. Идешь как в коконе влажном мягкой паутины. Это все, что осталось тебе от мира. Изучай, если хочешь. Ты сам себе земная ось. Голова – северный, пятки – южный полюс. Откуда-то с востока сквозь тяжелый полог, плотно сотканный из мелких капелек сырости, доносится мощный шум невидимого океана. Это теперь другая планета. Оттуда врывается в твой мир сильный порывистый ветер, неся с собой, как метеорный поток, и с размаха швыряя

в лицо капли тумана. Ни неба, ни земли. Ты ведешь свой корабль по карте поселка, сложившейся в памяти. Изредка правильный курс подтверждается ориентирами, как призраки вползающими в твой мирок. Вот справа по-над водой торчит из тумана бревно. Значит, ты проходишь помятый обгрызенный причал, а слева сейчас будет подъем к длинному, вечно гудящему барaku электро-станции, в котором все ходит ходуном, даже земляной пол. Гул ее приближается и затихает, и справа вырастает серая панельная стена. Это – заброшенная лет пять назад стройка новой двухэтажной электростанции, напоминающая о былом богатстве вывенского колхоза. Вокруг возведенных до второго этажа стен все еще стоят леса. Внутри стен ржа доедает полуразбитые, полуразобранные, но все еще стоящие в огромной, почти целой таре дорогие механизмы. Теперь это полигон для мальчишек, которые с утра до вечера, крича здесь «ура», сдают и берут друг друга в плен, по десяти раз на дню «грабят», «убивают» друг друга или тихо сидят и понимают жизнь. А леса и механизмы напрасно ждут взрослых: взрослые должны государству 20 млн руб. Напротив стройки наша школа. Я замерз и иду греться.

Вместо комментария

С Сашей Барулиным у меня сложились теплые, дружеские отношения во время нашей учебы в аспирантуре Института востоковедения АН СССР (1973–1975). (На своей книге «Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникации» он начертал такую дарственную надпись: «Дорогому Атнеру – на память о наших золотых деньках в ИВАНе. 07.02.2012».) Эта дружба сохранялась и во все последующие годы, хотя встречи были редкими. Я работал в Чебоксарах, изредка бывал в Москве.

Эпитет «золотые», конечно, метафоричен, но то время было интересное. Мы с Сашей беседовали о разных вещах, так сказать, размен мыслей и чувств. Иногда в наших разговорах возникал Готтлоб Фреге с его трудами, которые Саша знал и сетовал на то, что он не очень востребован в отечественной лингвистике. Барулин же полагал, что Фреге является одним из основателей семиотики [Барулин 2002]. О семиотике мы тоже часто обменивались соображениями, тем более что тогда уже была опубликована лаконичная, но емкая книжка Ю.С. Степанова «Семиотика» [Степанов 1971].

С особым пиететом он всегда говорил о трех выдающихся личностях, представителях Московского лингвистического сообщества – И.А. Мельчуке, А.А. Зализняке и Ю.Д. Апресяне (к слову сказать, очерк последнего «Идеи и методы современной структурной лингвистики» [Апресян 1966] и в мои студенческие годы был для меня своего рода «Евангелием», настольной книгой, хотя я получал чисто классическое арабское образование). Игоря Александровича Мельчука Саша почитал как своего учителя и по-своему развивал его теорию лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». С полной и детализованной характеристикой в виде монографии она была опубликована впервые в 1974 г. Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», что в двух шагах по левую сторону от ИВАНа [Мельчук 1974]. Это случилось как раз в наши аспирантские «золотые деньки».

Часто он мне рассказывал об ОСИПЛовских лингвистических экспедициях, в которых ему довелось принимать участие. Тогда же он передал мне «фрагменты своего дневника о лингвистической экспедиции на Камчатку» (1972). Перечень и география этих генетически и типологически разных языков впечатляет: шугнанский,

алюторский, хиналугский и др. Семантике хиналугского языка была посвящена его дипломная работа (1971). Позже он и сам выступал организатором нескольких экспедиций.

Как известно, Барулин защитил кандидатскую диссертацию с третьей попытки («Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы») – в 1985 г. Двумя годами позже в серии «Новое в зарубежной лингвистике» (выпуск XIX) выходит том «Проблемы современной тюркологии» (составитель – А.Н. Барулин, обстоятельная вступительная статья «Теоретические проблемы турецкой грамматики» написана им же и видным советским тюркологом, академиком А.Н. Кононовым [Кононов 1987]).

Дома у Саши мне довелось познакомиться с Сергеем Анатольевичем Старостиным, неформальным главой Московской школы компаративистики. Тогда у него была гипотеза о наличии тонов в разных языках. Желая выяснить, есть ли таковые в чувашском языке, Старостин привлек меня в качестве информанта. Правда, это длилось недолго...

Было много светлых моментов в моем общении с Сашей...

Сейчас я думаю, что было бы, если бы он с учетом того, что у него за спиной Нахимовское училище, год учебы в Высшем военноморском инженерном училище, стал моряком? Ну, бороздил бы моря и океаны... Нет, линия жизни привела его «корабль» к гавани ОСИПЛ.

...И Саша поплыл по рекам разных языков, морям семантики и морфологии, разрезая волны семиотического океана.

Литература

- Апресян 1966 – *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики: Краткий очерк. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
- Барулин 2002 – *Барулин А.Н.* Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Т. 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М.: Спорт и культура–2000, 2002. 464 с.
- Кононов 1987 – *Кононов А.Н., Барулин А.Н.* Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19: Проблемы современной тюркологии. М.: Прогресс, 1987. С. 5–36.
- Мельчук 1974 – *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»: Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. 346 с.
- Степанов 1971 – *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971. 167 с.

References

- Apresyan, Yu.D. (1966), *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki* [Ideas and methods of modern structural linguistics], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
- Barulin, A.N. (2002), *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. T. 2: Kratkaya predystoriya i istoriya semiotiki (do Frege, Pirsa i Sossyura)* [Foundations of semiotics. Sign, system sign, communication. Vol. 2. Brief prehistory and history of semiotics (before Frege, Peirce and Saussure)], Sport i kul'tura–2000, Moscow, Russia.
- Kononov, A.N. and Barulin, A.N. (1987), “Theoretical problems of Turkish grammar”, in *Novoye v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 19: Problemy sovremennoi tyurkologii* [New in foreign linguistics. Issue 19. Problems of modern Turkology], Progress, Moscow, USSR, pp. 5–36.
- Mel'čuk, I.A. (1974), Opyt teorii lingvisticheskikh modelei “Smysl $\Leftrightarrow$ Tekst”. Semantika. Sintaksis [Experience in the theory of linguistic models “Meaning – Theory”. Semantics. Syntax], Nauka, Moscow, USSR.
- Stepanov, Yu.S. (1971), *Semiotika* [Semiotics], Nauka, Moscow, USSR.

Атнер П. Хузангай,
кандидат филологических наук,
независимый исследователь, г. Чебоксары

УДК 811

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-110-140

Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском

Елена Е. Шведова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт лингвистических исследований РАН,

Санкт-Петербург, Россия, shvedovalena98@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формального устройства каузативных оппозиций в христианском урмийском новоарамейском языке. На материале полевых данных, собранных в ходе экспедиции в село Урмия Краснодарского края, изучаются способы кодирования отношений в выборке из 31 каузативно-некаузативной глагольной пары, предложенной М. Хаспельматом. Показано, что для урмийского релевантна «шкала самопроизвольности» М. Хаспельмата: ситуации, с наибольшей вероятностью возникающие самопроизвольно, типа ‘кипеть’ или ‘сохнуть’, обозначаются в урмийском непроективными глаголами, а их каузативные корреляты (‘кипятить’, ‘сушить’) морфологически маркированы. Для обозначения ситуаций, возникновение которых обычно происходит под воздействием внешней силы, таких как ‘ломаться’ или ‘раскалываться’, в урмийском используются лабильные глаголы. Последние занимают нишу понижающей актантной деривации, что подтверждается сравнением урмийского с классическим сирийским, где сохранялся декаузативный показатель. Делаются предварительные выводы о стабильности каузативного маркирования в арамейских языках и неоднородности класса урмийских лабильных глаголов. В целом рост числа лабильных глаголов является инновативной новоарамейской чертой, однако можно выделить небольшую группу значений, которые стабильно передаются лабильными глаголами на протяжении нескольких веков.

Ключевые слова: новоарамейские языки, христианский урмийский, каузатив, декаузатив, лабильные глаголы

Для цитирования: Шведова Е.Е. Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 110–140. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-110-140

© Шведова Е.Е., 2024

Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic

Elena E. Shvedova

HSE University, Moscow, Russia;

Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia,

shvedovalena98@gmail.com

Abstract. The article is devoted to causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic. I have analyzed the formal types of 31 causal/noncausal verb pairs developed by M. Haspelmath (1993). Field data were collected during the fieldtrip to the village of Urmiya, Krasnodar Krai, Russia. I show that Haspelmath's ordering of verb meanings according to the likelihood of spontaneous occurrence is valid for Urmi Neo-Aramaic. Events that are most likely to arise spontaneously, such as 'boil' or 'dry', are encoded by non-derived verbs in Christian Urmi, and their causative counterparts ('boil', 'dry') are morphologically marked. Labile verbs are used in Christian Urmi to denote situations that usually require an external agent, such as 'break' or 'split'. The latter have replaced the anticausative encoding, which was preserved in Classical Syriac. Both Urmi Neo-Aramaic and Classical Syriac show predominance of the causative type of marking, so this type is diachronically stable. Urmi labile verbs can be divided into two groups: some were already labile in Syriac while the lability of others is an innovative Neo-Aramaic feature.

Keywords: Neo-Aramaic languages, Christian Urmi, causative, anticausative, labile verbs

For citation: Shvedova, E.E. (2024), "Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 110–140, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-110-140

1. Введение

Настоящее исследование посвящено типологически-диахроническому рассмотрению каузативно-некаузативных глагольных пар в христианском урмийском, относящемся к ветви северо-восточных новоарамейских языков семитской семьи афразийской макросемьи. Глаголы, образующие такие пары, выделяются на семантических основаниях: каузативный член пары включает в себя «некаузативное значение и – дополнительно – значение каузативности» [Недялков 1969, с. 106], т. е. исследуются глаголы наподобие 'кипеть'/'кипятить', 'открываться'/'открывать' (подробно предмет исследования описывается в разделе 2). В христианском

урмийском языке, на материале которого проводилось исследование, существует несколько способов формальной организации каузативной оппозиции – их описанию посвящены разделы 3 и 4.

В основном изучался урмийский новоарамейский, на котором говорят в селе Урмия Краснодарского края. Это единственное место компактного проживания в России носителей христианского урмийского новоарамейского, где они составляют большинство населения. Носители, идентифицирующие себя как ассирийцы, попали в Россию в результате нескольких волн миграций из Ирана и Турции, происходивших начиная с XIX века. Многие ассирийцы переехали в Урмию после долгого пребывания в Армении, Грузии или Азербайджане. Подробнее о сборе данных и методологии см. раздел 4.2.

В грамматике христианского урмийского [Khan 2016a, pp. 397–436]¹ выделяется несколько семантических параметров, которые могут определять выбор словообразовательного средства каузативации в этом языке (например, акциональный класс глагола, степень контроля и вовлеченности участников ситуации и др.). Мое исследование призвано уточнить и дополнить существующее описание за счет использования новых полевых данных и анализа словаря [Khan 2016b]. В разделе 6.2 представлены результаты диахронического сравнения с классическим сирийским.

Особо обсуждается корреляция способа маркирования каузативной оппозиции в урмийском с положением ситуации на шкале самопроизвольности из статьи [Haspelmath 1993]. С помощью метода элицитации у пяти носителей была собрана грамматическая анкета, разработанная на основе выборки из 31 пары глаголов, предложенной в [Haspelmath 1993]. Полевые данные собирались в августе 2021 г. в ходе экспедиции в село Урмия (Краснодарский край). Далее во всех примерах используются собственные полевые данные, если не указано иное.

2. Предмет исследования

Термин каузативно-некаузативная пара² используется для обозначения глаголов, находящихся в таком семантическом соотношении друг с другом, как в примере (1).

¹ В этой грамматике описываются варианты христианского урмийского, на которых говорят в Иране, Грузии и Армении.

² Часто в литературе используется термин «каузативно-инхоативные пары» (*causative/inchoative verb alternations*), например в [Borer 1991; Haspelmath 1993; Piñón 2001; Alexiadou, Anagnostopoulou 2004; Arkadiev 2013; Göransson 2015; и др.]. По рекомендации рецензента решено было

- (1) а. *Палка сломалась.*
б. *Мальчик сломал палку.*

Согласно [Haspelmath 1993], оба глагола в каузативно-некаузативной паре описывают одну и ту же базовую ситуацию – в исследуемой выборке глаголов это обычно вхождение в состояние ('кипеть', 'тонуть'), реже процесс ('катиться'). При этом некаузативный член пары выражает спонтанное возникновение ситуации, как в (1а), а каузативный коррелят – ее возникновение под внешним воздействием, как в (1б). Некаузативные глаголы в данном случае – это обычно одноместные пациентивные предикаты (например, *Дверь открылась*). Аргументная структура каузативного члена пары включает помимо Пациенса, который совпадает с единственным участником некаузативного глагола, участника с ролью Агенса (*Мальчик открыл дверь*) или Эффектора (*Порыв ветра открыл дверь*).

Изучение каузативных оппозиций представляет интерес, так как существует богатый типологический инвентарь средств выражения этих значений. Варьирование может наблюдаться не только в различных языках в зависимости от доминирующего типа кодирования актантных дериваций (ср. [Nichols et al. 2004]), но и внутри системы одного языка.

При описании каузативно-некаузативных пар в христианском урмийском я буду пользоваться универсальной классификацией типов соотношения глаголов в таких парах, предложенной в работах [Недялков 1969; Haspelmath 1993]. Она строится на основании того, является ли один из членов пары формально производным от другого. К направленным оппозициям, в которых один член морфологически сложнее и произведен от другого, относится, во-первых, *каузатив* (далее **С**, ср. *causative*) – маркирование специальным показателем каузативного члена пары: например, урмийский + *rdəxlə* 'кипеть' > + *murəxlə*³ 'кипятить', во-вторых, *декаузатив* (далее **А**,

отказаться от термина «инхоативный», отсылающего к определенным аспектуальным характеристикам некаузативного глагола. В других работах встречаются также наименования *causative alternation* [Levin 2015; и др.], *transitive/unaccusative alternation* [Levin, Rappaport Hovav 1995; Haspelmath 2016; и др.], *induced/plain verbs* [Nichols et al. 2004], *causal/noncausal verbs* [Haspelmath et al. 2014]. Полный обзор библиографии по теме представлен в [Tubino-Blanco 2020], в [Levin 2015] предлагается периодизация истории изучения каузативных альтернатив.

³ Здесь и далее все глаголы приводятся в форме PST.3M.SG, так как презентные основы глаголов I и II пород не различаются. Знак «+» указывает на особую просодическую характеристику слова – сингармонизм

anticausative) – маркирование некаузативного члена пары. Второй тип не встречается в урмийском новоарамейском, но засвидетельствован в других (в основном мертвых) арамейских языках, сиринский *ʔeptaḥ* ‘открываться’ < *ptaḥ* ‘открывать’. В ненаправленных оппозициях члены пары могут представлять собой *лабильные глаголы* (далее **L**, labile), которые способны выступать и как переходные, и как непереходные без изменения морфологической формы: урм. *ptaxlā* ‘открываться’/‘открывать’. Кроме того, встречаются *эквиполентные оппозиции* (далее **E**, equipollent), в которых каждый из глаголов маркирован: урм. *xuballā*/*muxballā* ‘замораживаться’/‘замораживать’. Также пару могут образовывать *супплетивные глаголы* с разными корнями (далее **S**, suppletive): урм. *mātlā*/+*kṭallā* ‘умирать’/‘убивать’. Прежде чем перейти к описанию устройства каузативно-некаузативных пар в урмийском, рассмотрим подробнее особенности глагольного словообразования в этом языке.

3. Актантная деривация в христианском урмийском

3.1. Система «пород». В христианском урмийском за маркирование актантных дериваций отвечают специальные словообразовательные модели – «породы» в традиционной русскоязычной семитологической терминологии, среди прочих [Коган 2009, с. 86; Лявданский 2009, с. 679], *verbal patterns* в [Khan 2016a, pp. 397–457].

С одной стороны, выделяемые в урмийском три породы (I, II и III)⁴ можно анализировать просто как *словоизменительные классы*. Подобно словоизменительным классам, породы обуславливают алломорфическое варьирование при образовании видо-временных глагольных форм. Например, модели для образования претерита: у глаголов I породы CCiC-, у II породы – CuCəC-, у III породы – **muCCəC**, где C – согласные корни. Принадлежность к той или иной породе является индивидуальной характеристикой глагольной лексемы и задается в словаре, а семантика глагола не позволяет надежно предсказать его породу: ср. + *ṭablā* I ‘спрашивать’ vs. *bukərrə* II ‘спрашивать, узнавать’ [Khan 2016b].

С другой стороны, все же существуют гнезда глаголов, относительно регулярно связанных друг с другом по смыслу, но относя-

по напряженности. Полужирным выделены интересующие нас показатели актантной деривации.

⁴ Для четырехконсонантных корней существуют еще две модели – QI и QII по [Khan 2016a], но их мы подробно не рассматриваем.

щихся к разным породам. По крайней мере для части глагольных лексем изменение породы является морфологическим средством *каузативации*: тогда глагол I породы, как правило, выступает как исходный, а формы во II и III породе представляют собой морфологические каузативы. При этом различия в семантике каузативов II и III пород изучены недостаточно, у некоторых глаголов корреляты синонимичны:

- (2) *māṣḥa* *pšār-ra*
масло(M) таять.I.PST-LS.3M
'Масло растопилось'⁵.
- (3) *šamša* *pušār-ra* / ^{OK}*mupšār-ra* *māṣḥa*
солнце(F) таять.II.PST-LS.3F таять.III.PST-LS.3F масло(M)
'Солнце растопило масло'.
- (4) *brata* *mupšār-ra* / ^{OK}*pušār-ra* *māṣḥa*
девушка(F) таять.III.PST-LS.3F таять.II.PST-LS.3F масло(M)
'Девушка растопила масло'.

В словаре [Khan 2016b] я нашла лишь 19 таких глагольных корней (среди 918 рассмотренных⁶), которые могут использоваться во всех трех породах. При этом для абсолютного большинства этих глаголов носители, с которыми мы работали в селе Урмия, не подтвердили существования форм во всех породах. Однако и в неполных гнездах только из двух коррелятов прослеживаются систематические связи между значениями глаголов: для урмийских глаголов I породы изменение породы на III – самый распространенный способ каузативации.

Для более полного представления об устройстве глагольной системы приведем данные, полученные в результате анализа словаря [Khan 2016b]. Из табл. 1 можно увидеть, что глаголов I породы в языке в два раза больше, чем III, а II порода является наименее продуктивной из всех. Кроме того, породы сильно различаются по переходности: около половины глаголов I породы непереходны, а большинство глаголов, относящихся ко II и III породам, наоборот, переходны.

⁵ Сокращения: 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, I – первая порода, II – вторая порода, III – третья порода, DEF – определенный артикль, F – женский род, G – G-порода, Gt – Gt-порода, IMPF – имперфект, LS – суффиксы L-серии, M – мужской род, NEG – отрицательная частица, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PST – прошедшее время, SG – единственное число.

⁶ Были рассмотрены все глаголы I, II и III пород, зафиксированные в словаре, но не учитывались четырехконсонантные и составные глаголы.

Таблица 1

Распределение урмийских глаголов по породам
(по словарю)

Порода	Непереходные глаголы	Лабильные глаголы	Переходные глаголы	Всего	
I	284	57	192	533	58%
II	21	6	82	109	12%
III	14	15	247	276	30%
Всего	319	78	521	918	

Информация о глагольных гнездах представлена в табл. 2 – она не исчерпывающая, так как не отражает случаи, когда у лабильных глаголов есть корреляты в других породах, но позволяет получить общее представление о соотношении глаголов разных пород. Наличие коррелята в той же породе, что и исходный глагол (например, коррелят «только I» у глагола I породы), означает, что глагол лабильный.

Таблица 2

Наличие коррелятов у глаголов разных пород

Порода исходного глагола	Корреляты			
	нет	только I	только II	только III
I	251	24	31	179
II	44	31	3	4
III	44	179	4	8

Примерно *треть глагольных корней имеет основы только в одной из пород* (большинство в I), на втором месте по распространенности сочетание *I/III породе*, остальные случаи относительно редки.

3.2. Морфологический и лексический каузатив. Вслед за грамматикой [Khan 2016a] корреляты во II и III породе рассматриваются как *морфологические каузативы*, но стоит отметить, что это решение небесспорно. Проблема заключается в том, что использование II породы как средства каузативации не является регулярным

и продуктивным. В словаре нашлось лишь 20 таких пар⁷, в которых глаголы образуют каузативные оппозиции, как в примере (5).

(5) глагол в I породе	коррелят во II породе
<i>bšəllə</i> 'вариться'	<i>bušəllə</i> 'варить'
<i>dxilə</i> 'очищаться'	<i>duxilə</i> 'очищать'
<i>trəxlə</i> 'проливаться'	<i>turəxlə</i> 'проливать'

III порода является более продуктивным морфологическим средством каузативации: большинство глаголов III породы переходны и имеют каузативную семантику, как в примере (6).

(6) глагол в I породе	коррелят в III породе
+ <i>rdəxlə</i> 'кипеть'	+ <i>murəxlə</i> 'кипятить'
<i>ctəvlə</i> 'писать'	<i>muctəvlə</i> 'заставлять писать'
+ <i>trəslə</i> 'толстеть'	+ <i>mutrəslə</i> 'заставлять толстеть (раскармливать)'

Далее рассмотрим, как описанные словообразовательные средства используются в урмийском для кодирования отношений в каузативно-некаузативных парах.

4. Каузативно-некаузативные пары в урмийском

4.1. Типы кодирования каузативной оппозиции. В грамматике [Khan 2016a, p. 397] все непереходные глаголы в основном на семантических основаниях делятся на «неаккузативные» (“intransitive unaccusative”) и «неэргативные» (“intransitive unergative”)⁸. Со-

⁷ Глаголов, у которых есть корреляты в I и во II породах, больше, чем 20, но во многих случаях значение лексикализировано, и глаголы не образуют каузативную пару: например, *bnilə* I 'строить' vs. *bunilə* II 'готовить (еду)'.
⁸ Ср. [Khan 2016a, p. 397] про «неаккузативные глаголы»: “The subject is presented as the affectee of the event expressed by the verb and does not actively initiate it. The affectee subject undergoes a change of state and is equivalent semantically to the object (accusative) of a transitive verb”. Дж. Кхан также предлагает один синтаксический тест для выделения этого глагольного класса: результатив от таких глаголов может использоваться в атрибутивной позиции вместо прилагательного, но этот тест не работает для глаголов движения, которые автор все равно относит к «неаккузативным» [Khan 2016a, p. 399].

гласно [Khan 2016a, p. 429], только от «непереходных неаккузативных» глаголов могут образовываться каузативы и II, и III породы. Кроме того, только «неаккузативные» предикаты встречаются в непереходных употреблениях лабильных глаголов, см. табл. 3. Соответственно, в дальнейшем нас будут интересовать в основном «неаккузативные» глаголы, так как при выборе средства образования каузативов от этих глаголов возможно варьирование.

Таблица 3

Зависимость формы каузативного глагола
от характеристики некаузативного члена пары
по [Khan 2016a]

Выражение каузативного значения	Некаузативный член пары		
	«неаккузативный»	«неэргативный»	переходный
Лабильный глагол	+	–	–
II порода	+	–	–
III порода	+	+	+

Для определения типов кодирования каузативных оппозиций требуется установить, является ли один глагол производным от другого и какая форма более маркирована. I порода принимается мной за немаркированную, во-первых, на формальных основаниях – для образования форм в этой породе не используется дополнительных словообразовательных средств. Во-вторых, на семантических основаниях – большинство глаголов языка относятся именно к этой породе, при этом нет каких-либо регулярных ограничений на их классы. Глаголы III породы рассматриваются как маркированные на формальных основаниях (появляется префикс *m-*). Наиболее сложный случай – глаголы II породы; они также рассматриваются как маркированные, хотя основания для этого скорее семантические, что обсуждалось в разделе 3.2. Дополнительный аргумент в пользу этого решения состоит в том, что диахронически глаголы II породы восходят к формально маркированным глаголам с удвоением второго корневого согласного [Лявданский 2009, с. 679].

Таким образом, в урмийском новоарамейском отношения в каузативных парах могут оформляться пятью способами: от немаркированного некаузативного члена образуется маркированный каузатив II или III породы (далее С-II и С-III соответственно); используется лабильный глагол в любой породе (L); в пару объеди-

няются два неоднокоренных глагола (S); оба глагола маркированы (E). Для наглядности эта же информация представлена в табл. 4.

Таблица 4

Типы кодирования каузативной оппозиции в урмийском

Тип кодирования оппозиции		Порода некауз.	Порода кауз.	Примеры
КАУЗАТИВ	С-II	I	II	+ḡmilā/+ḡummilā 'собираться'/'собирать'
	С-III	I	III	+rdəxlə/+murdəxlə 'кипеть'/'кипятить'
ЛАБИЛЬНОСТЬ	L	I / II / III	I / II / III	+šmətlə 'ломаться' / 'ломать'
ЭКВИПОЛЕНТ-НОСТЬ	E	II	III	xubəllə/muxbəllə 'мерзнуть'/'морозить' ⁹
СУППЛЕТИ-ВИЗМ	S	I / II / III	I / II / III	mətlə/+kɪləllə 'умирать'/'убивать'

Ниже будет предпринята попытка выявить факторы, которые влияют на выбор одного из перечисленных способов организации каузативных оппозиций.

4.2. *Методология и сбор материала.* Для исследования была разработана анкета (приводится в Прил. 1) на основе 31 пары глаголов, предложенных в работе [Haspelmath 1993] и после активно изучавшихся в разных языках, например в рамках проекта (WATR). Ожидалось, что уже на этой выборке глаголов удастся заметить некоторые закономерности в распределении способов маркирования каузативных оппозиций.

Урмийские соответствия для данных глаголов были элицитированы у пяти носителей во время экспедиции в с. Урмия (Краснодарский край) в августе 2021 г. Результаты приводятся в табл. 5

⁹ Эквиполентность не распространена в урмийском: на весь словарь встретилась только одна такая глагольная пара, где маркированы оба члена (когда есть основы II и III пород, а корреляты в I породе нет). Кроме того, при дальнейшем исследовании глагольных значений из выборки М. Хаспельмата я использую другой перевод для значения 'freeze' – *mugdəllə* (III), см. табл. 7, так как именно он использовался всеми опрошенными носителями при переводе моей анкеты.

с указанием типа кодирования оппозиции. Супплетивна только одна пара из анкеты: [5] ‘умирать’/‘убивать’ *mətlə/+kʲəllə*, что типологически ожидаемо¹⁰. Для четырех пар соответствия получить не удалось. Из оставшихся пар в 16 маркируется каузативный член, а в 10 используется лабильный глагол. Как и ожидалось, для образования каузативов от глаголов I породы намного чаще используется III порода, чем II (11 случаев против 3).

Таблица 5

Соотношение основ
в каузативно-некаузативных парах в урмийском

Тип	Порода	Глаголы
С-III	I/III	[1] ‘кипеть’/‘кипятить’ <i>+rdəxlə/+murdəxlə</i>
		[3] ‘сохнуть’/‘сушить’ <i>brəzlə/mubrəzlə</i>
		[4] ‘просыпаться’/‘будить’ <i>+rəʃlə/+murrəʃlə</i>
		[6] ‘гаснуть’/‘гасить’ <i>cməllə/mucməllə</i>
		[7] ‘тонуть’/‘топить’ <i>+ʈbilə/+muʈbilə</i>
		[8] ‘учиться’/‘учить’ <i>ləplə/muləplə</i>
		[10] ‘останавливаться’/‘останавливать (о телеге)’ <i>clələ/muclilə</i>
		[11] ‘поворачиваться’/‘поворачивать’ <i>ptəllə/muptəllə</i>
		[13] ‘гореть’/‘жечь’ <i>kədlə/mukədlə</i>
		[22] ‘подниматься’/‘поднимать’ <i>+rəmlə/+murəmlə</i>
С-II	I/II	[16] ‘заканчиваться’/‘заканчивать’ <i>prəklə/purəklə</i>
		[21] ‘теряться’/‘терять’ <i>tləklə/tuləklə</i>
		[27] ‘собираться’/‘собирать’ <i>+ḡmilə/+ḡummilə</i>
L	I/I	[14] ‘разрушаться’/‘разрушать’ <i>tləxlə</i>
		[15] ‘наполняться’/‘наполнять’ <i>mlilə</i>
		[19] ‘катиться’/‘катить’ <i>cundərrə</i>
		[24] ‘качаться’/‘качать’ <i>+durvədlə</i>
		[28] ‘открываться’/‘открывать’ <i>ptəxlə</i>
		[29] ‘ломаться’/‘ломать’ <i>+ʃməʈlə</i>
		[30] ‘закрываться’/‘закрывать’ <i>dvərɫə</i>
		[31] ‘раскалываться’/‘раскалывать (о полене)’ <i>+ḡləplə</i>
	II/II	[17] ‘начинаться’/‘начинать’ <i>+ʃurilə</i>
	III/III	[2] ‘замораживаться’/‘замораживать’ <i>mugdəllə</i>
S	I/I	[5] ‘умирать’/‘убивать’ <i>mətlə/+kʲəllə</i>

¹⁰ По данным, приведенным в [Haspelmath 1993], эта пара образуется глаголами с разными корнями в 16 из 21 языков выборки.

В таблице не отражен случай, когда у глагола есть корреляты в обеих породах: [9] тять’/‘растапливать’ *pšərrə / pušərrə & tuṗšərrə* (так же переводится пара [12] ‘растворяться’/‘растворять’), поскольку разница между двумя каузативными вариантами пока не до конца понята (см. примеры (2) – (4) выше).

5. Анализ данных: *факторы, влияющие на распределение*

Ниже описывается влияние на выбор средства выражения каузативных оппозиций таких факторов, как семантика некаузативного глагола и тип каузации.

5.1. Степень самопроизвольности ситуации. Анализировалось влияние на тип формальной оппозиции такой характеристики ситуации, как вероятность спонтанного возникновения¹¹. В [Haspelmath 1993] предполагается, что все глагольные значения можно расположить на шкале самопроизвольности: на одном ее полюсе окажутся ситуации, которые обычно возникают без внешнего воздействия, а на другом – как правило, вызываемые действиями каузатора.

Согласно исследованиям М. Хаспельмата, расположение глаголов на шкале коррелирует с распределением по типам формального кодирования каузативной оппозиции. Глаголы, обозначающие ситуации с высокой вероятностью спонтанного возникновения, такие как ‘таять’, ‘сохнуть’, ‘замораживаться’, чаще оказываются в языках мира непримечательными, а их каузативные корреляты маркируются специальным показателем. Для обозначения же ситуаций типа ‘ломаться’ или ‘открываться’, которые обычно возникают под внешним воздействием, чаще будут использоваться глаголы, производные от каузативных (‘ломать’, ‘открывать’). В [Haspelmath 1993, pp. 106–108] эти корреляции объясняются принципом иконичности в языке: когнитивно выделенные элементы маркируются и формально. В [Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2016] предлагается объяснение через частотность: показано, что в парах, где частотность некаузативного глагола больше, с большей вероятностью используется каузативная морфема, и наоборот.

¹¹ «Степень визуальной очевидности определенного каузативного действия» [Недялков 1969], “likelihood of spontaneous occurrence / probability of external causation” [Haspelmath 1993].

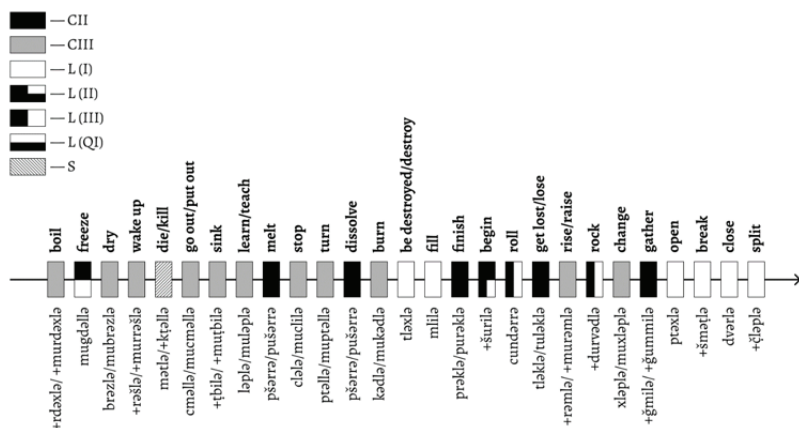

Рис. 1. Шкала самопроизвольности М. Хаспельмата с урмийскими соответствиями

Одной из целей моего исследования была проверка релевантности шкалы самопроизвольности М. Хаспельмата для христианского урмийского; визуализация результатов представлена на рис. 1. Слева расположены прототипически самопроизвольные (по М. Хаспельмату) ситуации, справа – обычно возникающие под внешним воздействием. Цветом и штриховкой обозначен способ кодирования каузативной оппозиции в урмийском (расшифровку сокращений см. в табл. 4). В виде таблицы эти данные приводятся в Прил. 2.

Распределение урмийских глаголов по типам кодирования каузативной оппозиции в целом соответствует типологическим тенденциям, выявленным М. Хаспельматом. Почти все ситуации из левой части шкалы (пары [1]–[13], прототипически самопроизвольные ситуации) выражаются в урмийском парами, где каузативный глагол маркирован показателем II или III породы, а некаузативный не маркирован: например, [1] кипеть/‘кипятить’ + *rdəxlə/ + murdəxlə*. Исключения составляют только пара [2] ‘замораживаться’/‘замораживать’ – используется лабильный глагол III породы *mugdalla*¹², и пара сушлетьивных глаголов [5] ‘умирать’/‘убивать’ *mətlə/ + kətlə*, уже обсуждавшихся выше.

Однако остальная часть шкалы менее однородна: в середине встречаются разные типы кодирования каузативной оппозиции.

¹² Довольно редкий случай: всего в словаре нашлось 15 лабильных глаголов III породы.

Стимульные предложения нашей анкеты (см. Прил. 1), основанной на выборке глаголов М. Хаспельмата, предполагали только контактную каузацию. Единственный случай, когда в ответах носителей наблюдалось расхождение, – это уже упомянутый случай с глаголом ‘растapливaть’ (см. примеры (2)–(4) выше), который может передаваться либо глаголом *pušərrə* II, либо *tuɾšərrə* III. Во время элицитации было замечено, что при первой реакции переводы стимульного глагола различаются в зависимости от того, кто совершает действие – солнце или девушка, соответственно. Можно предположить, что во втором случае речь идет о более дистантной, опосредованной каузации, для которой характерна меньшая степень вовлеченности каузатора (девушка не может напрямую воздействовать на масло). Таким образом, полученные в ходе элицитации примеры позволяют выдвинуть гипотезу, что при наличии у глагола нескольких каузативных коррелятов следует описывать каузатив II породы как контактный, а III породы – как дистантный, однако для доказательства гипотезы требуется проверить большее число подобных глаголов.

5.3. Другие семантические характеристики глагола. Перечисленные выше семантические характеристики каузативных и некаузативных глаголов все же не позволяют сформулировать строгого правила, предсказывающего модель образования каузатива от того или иного глагола. Представляется, что важно также учитывать *онтологический тип* глагола, его *акциональные характеристики* и информацию об *аргументной структуре* предиката, как это делается, например, в работах [Levin, Rapoport Novav 1995; Лютикова и др. 2006]. Разработка такого типа классификации глаголов, релевантной для христианского урмийского, позволила бы объяснить распределение глаголов по породам в целом, а не только описать особенности образования каузативов, но это пока не проведенная работа¹³. На данном этапе исследования можно предварительно выделить те свойства лексем, которые нужно учитывать для построения адекватной классификации подобного рода.

В нашей небольшой выборке каузативных пар нетривиальным образом по сравнению с остальными глаголами ведут себя фазовые глаголы: [17] ‘начинать(-ся)’ + *šurilə* (L, II порода) и [16] ‘заканчивать(-ся)’ *prəklə/purəklə* (C, II порода). Типологически это ожи-

¹³ Некоторые попытки сделаны в грамматике [Khan 2016a, pp. 397–457], однако там не приведены ни исчерпывающий список типов лексем, ни характеристика всех глаголов.

даемо: например, в работе [Летучий 2005] подробно описывается склонность фазовых глаголов к лабильности и отмечается, что “инхоативные глаголы в аккузативных языках проявляют большую склонность к лабильности, чем терминативные” [Летучий 2005, с. 68]. А.Б. Летучий объясняет этот факт *отклонением от прототипа переходности* (по целому ряду свойств размывается четкое противопоставление между Агенсом и Пациентом), т. е. решающая роль приписывается характеристике и соотношению семантических ролей участников ситуации.

Кроме того, в грамматике [Khan 2016a, p. 408] отмечается, что в урмийском II породой часто маркируются глаголы, требующие после себя сентенциального актанта («глаголы контроля» в терминологии Дж. Кхана): например, *mudəvlə* II ‘справляться (с чем-либо)’, *pukədlə* II ‘приказывать’, + *bušərrə* II ‘мочь, быть способным’, + *gurəblə* II ‘пытаться’, + *šurilə* II ‘начинать’. Рассмотрев другие глаголы из словаря, я заметила, что вышеперечисленные глаголы можно объединить в один семантический класс со следующими глаголами: +*buxərrə* II ‘проверять’, +*dubərrə* II ‘управлять’, +*puxəllə* II ‘прощать’, +*tuləmlə* II ‘наказывать’, *hucəmlə* II ‘править, управлять’. Несмотря на то, что последние могут использоваться и без сентенциального актанта, с предикатами из первой группы их объединяет то, что все они обозначают некое агентивное действие, вторичное по отношению к другой ситуации. Можно предположить, что в класс глаголов II породы часто попадают не просто «глаголы контроля», которые выделяются на синтаксических основаниях, а более широкая группа предикатов, лексическое значение которых подразумевает, что имеет место другая ситуация, на которую направлено действие. Тем не менее этот семантический признак не является ни необходимым, ни достаточным для глаголов II породы, ср. пара [21] *tləklə/tuləklə* ‘теряться’/‘терять’.

6. Лабильность в урмийской глагольной системе

6.1. *Р-лабильность в урмийском.* Рассмотрим отдельно глаголы, которые встречаются и в переходном, и в непереходном употреблении без изменения морфологической формы. В данной работе нас интересуют только Р-лабильные глаголы (по классификации [Dixon 1994]), т. е. такие, субъект непереходного употребления которых совпадает по семантическим характеристикам с объектом переходного [Летучий 2013, с. 30].

Семантически в большинстве случаев переходное употребление лабильного глагола является каузативом от непереходного. По классификации [Creissels 2014] урмийскую лабильность можно охарактеризовать как *argument structure modifying strong lability* – меняется не только синтаксическая переходность глагола, но и количество семантических валентностей, а S- и P-участники кодируются по-разному. На шкале самопроизвольности, обсуждавшейся в разделе 5.1, лабильные глаголы сконцентрированы на «непроизвольном» полюсе, где располагаются ситуации, которые чаще каузируются извне, нежели возникают спонтанно. На этом основании можно предположить, что лабильность в урмийском занимает ту нишу, которая типологически ассоциируется с понижающей актантной деривацией. Обратимся к сравнению с классическим сирийским, чтобы проверить эту гипотезу.

6.2. Диахрония: сравнение с классическим сирийским. Сравнение с классическим сирийским (восточный среднеарамейский) интересно потому, что в этом языке сохранялся древний семитский префикс *ʔet-*, отвечающий за выражение декаузатива и пассива. От языка, который был прямым предком христианского урмийского и других северо-восточных новоарамейских языков, письменно зафиксированных текстов не сохранилось [Khan 2016a, p. 23]. Таким образом, ближайший общий предок урмийского и сирийского – правосточноарамейский язык. В рамках настоящего исследования сравниваются прежде всего типологические профили двух родственных языков с целью описания диахронической стабильности такого языкового параметра, как базовая валентностная ориентация в терминах [Nichols et al. 2004]. Похожее сопоставление проводится в [Comrie 2006, pp. 311–317] для классического арабского и мальтийского языков¹⁵.

Основным механизмом изменения аргументной структуры глагола в сирийском, как и в других арамейских языках, являются специальные словообразовательные модели – в классическом сирийском выделяют шесть «пород». Помимо морфологически и семантически немаркированной формы (**G**-порода от нем. Grundstamm), существуют две породы, значения которых в основном связаны

¹⁵ Оба этих языка относятся к «детранзитивизирующим», и для большинства значений из списка М. Хаспельмата (23 из 31 пары) используют одинаковые схемы кодирования каузативной оппозиции (даже в тех случаях, когда используются этимологически не связанные глаголы) [Comrie 2006, p. 314]. На этих основаниях Б. Комри предполагает, что валентностная ориентация языка обладает высокой степенью диахронической стабильности.

с повышением переходности глагола – **D**-порода (Doppelungsstamm ‘порода с геминацией’) и **K**-порода (Kausativstamm ‘каузативная порода’). От каждой из трех перечисленных образуется производная порода с префиксом *ʔe*–: **Gt**, **Dt** и **Kt**. Характерные значения *t*-пород: пассив, декаузатив, рефлексив, реципрок, инцептив (вхож- дение в состояние) [Лёзов 2009, с. 591–593].

Используя словари, корпус текстов и аппарат поиска электронного ресурса *The Comprehensive Aramaic Lexicon* (Kaufman et al.), я нашла соответствия для глаголов из анкеты [Haspelmath 1993] в классическом сирийском – сопоставление урмийских и сирийских данных представлено в табл. 7 (Прил. 2). В сирийском языке преобладают направленные формальные оппозиции: в 13 парах маркируется каузативный глагол, в 10 парах – некаузативный. В урмийском, как уже обсуждалось выше, распространены каузативное кодирование (16 пар) и лабильные глаголы (10 пар).

Таблица 6

Соотношение типов кодирования каузативных оппозиций
в урмийском и сирийском языках

Тип кодирования в сирийском	Урмийский				Всего
	совпадают тип и корень	совпадает только тип	совпадает только корень	другой тип и корень	
КАУЗАТИВ	7	4	–	1	12
ДЕКАУЗАТИВ	–	–	4	6	10
ЛАБИЛЬНОСТЬ	3	–	1	–	4
СУППЛЕТИВИЗМ	1	–	–	–	1

Тип кодирования оппозиции в сирийском и урмийском совпадает в 15 парах (из них в 11 совпадает и корень), а в 12 парах тип изменился (в 5 из них при этом не изменился корень); еще для 4 пар в урмийском нет соответствий. В табл. 6 показано, как урмийские глагольные пары распределяются в соответствии с типом кодирования каузативной оппозиции в сирийском. Отметим, что в рамках этого исследования не стояло задачи установить историю каждого изучаемого корня, потому что в словаре христианского урмийского [Khan 2016b] обычно не указана этимология слова, и для большинства корней затруднительно установить когнаты (далее, если удастся проследить историю корня, я привожу эту информацию в сносках).

Рассмотрим историю развития каждого из типов. *Каузативное маркирование* распространено в обоих языках и характеризуется диахронической стабильностью (встречается в 13 сирийских глагольных парах и в 16 урмийских, совпадает в обоих языках у 11 пар). В 4 парах в двух языках используются этимологически не связанные корни, но тип маркирования остается каузативным: [3] ‘сохнуть’/‘сушить’ сир. *yībeš/ʔawbeš* – урм. *brəzlə/mubrəzlə*¹⁶, [6] ‘гаснуть’/‘гасить’ сир. *dʕek/dəfək*¹⁷ – урм. *+čmilə/+mučmilə*¹⁸, [16] ‘заканчиваться’/‘заканчивать’ сир. *šlem/šallem*¹⁹ – урм. *prəklə/purəklə*²⁰, [21] ‘теряться’/‘терять’ сир. *ʔeḥad/ʔaḥed* – урм. *tləklə/tuləklə*²¹. В одной паре поменялся не только корень, но и тип кодирования: ср. [24] ‘качаться’/‘качать’ сир. *zāš/ʔaziš* (каузативное маркирование) – урм. *+durvədlə* (лабильный глагол).

Декаузативное маркирование было распространено в сирийском почти так же широко, как каузативное (встречается в 10 изученных парах). Вместо него в урмийском (в рассмотренной нами выборке глаголов) используется либо каузативный показатель (4 пары), либо лабильный глагол (6 пар). Среди тех случаев, когда кодирование поменялось на *каузативное*, в двух парах корень остался тем же: [22] ‘подниматься’/‘поднимать’ сир. *ʔet(t)rim/ʔarim* – урм. *+rəmlə/+murəmlə*, [26] ‘меняться’/‘менять’ сир. *ʔethallaf/hallef* – урм. *xləplə/muxləplə*, а в двух изменился: [4] ‘просыпаться’/‘будить’ сир. *ʔet(t)šir/ʔašir* – урм. *+rašlə/+murrəšlə*²², [27] ‘собираться’/‘собирать’ сир. *ʔetkneš/knaš* – урм. *+ğmilə/+ğummilə*²³. В тех парах, где вместо декаузативного маркирования использу-

¹⁶ Об этом корне в другом северо-восточном новоарамейском (*Betanure Jewish Neo-Aramaic*) в [Mutzafi 2008, p. 340]: “prob. < Arb. ‘appear, emerge’ (> Alqosh *briza* ‘protruding’ (or, hardly, rel. to JBA ‘to bore hole’)”.

¹⁷ Каузативный коррелят в D-породе. Согласно словарю (Payne Smith 1957, p. 96), встречается также каузатив *ʔadʕek* (K-порода). Урмийский когнат не найден.

¹⁸ Ср. сирийский когнат с иным основным значением *ʕammi* (D) ‘ослеплять’ / *ʔaʕmi* (K) ‘гасить’ (Payne Smith 1957, p. 416).

¹⁹ Урмийский когнат *šəmlə* I означает ‘соглашаться’ [Khan 2016b, p. 289].

²⁰ Ср. сирийский *praq* ‘отделяться, покидать’ / *ʔafreq* ‘разделять, уносить’ (Payne Smith 1957, p. 464).

²¹ Ср. сирийский *tleq* ‘исчезнуть’ / *ʔalleq* ‘использовать, потратить’ (Payne Smith 1957, p. 176).

²² [Mutzafi 2008, p. 376] предполагает связь этого корня со среднеарамейским *r-g-š*, ср. сирийский *rgaš* ‘осознавать’ (Payne Smith 1957, p. 529).

²³ Заимствование из арабского [Khan 2016b, p. 173].

ется *лабильный глагол*, этимологически корни связаны в двух парах: [19] ‘катиться’/‘катить’ сир. *ʔetgandar/gander* – урм. *cundərrə*, [28] ‘открываться’/‘открывать’ сир. *ʔeṭṭaḥ/ptaḥ*²⁴ – урм. *ptəxlə*. Еще в четырех парах используется лабильный глагол с другим корнем: [14] ‘разрушаться’/‘разрушать’ сир. *ʔeḥabbal/ḥabbal* – урм. *tləxlə*²⁵, [29] ‘ломаться’/‘ломать’ сир. *ʔeṭṭbar/tḥar* – урм. *+šməṭlə*²⁶, [30] ‘закрываться’/‘закрывать’ сир. *ʔestkat/skar* – урм. *dvərlə*, [31] ‘раскалываться’/‘раскалывать (о полене)’ сир. *ʔeṣṭallah/ṣallah* – урм. *+čləplə*.

Интересно, что все сирийские *лабильные глаголы* из нашей выборки имеют этимологические когнаты в урмийском. В трех парах совпадает как корень, так и способ оформления каузативной оппозиции: [2] ‘замораживаться’/‘замораживать’ сир. *ʔaḡled* – урм. *mugdəllə*, [15] ‘наполняться’/‘наполнять’ сир. *mlā* – урм. *mlilə*, [17] ‘начинаться’/‘начинать’ сир. *šari* – урм. *+šurilə*. Два рассмотренных глагола перестали быть лабильными: ср. [10] сир. *klāʔ* ‘останавливать(-ся)’ – урм. *clələ/muclilə* ‘останавливаться’/‘останавливать’ (каузативное маркирование) и [18] сир. *pras* ‘распространять(-ся)’ – урм. *pəšlə prisə/prəslə*²⁷ (у глагола I породы есть только переходное употребление, а в непереходных конструкциях используется аналитический пассив).

Значения [5] ‘умирать’/‘убивать’ выражаются *супплетивными глаголами* в обоих языках: сир. *miṭ/qtal* – урм. *mətlə/+ktəllə* (выше обсуждалось, что это типологически ожидаемо).

По результатам проведенного сравнения можно сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, подтвердилось, что каузативное маркирование является диахронически стабильным в арамейских языках – этот факт ранее уже отмечался в литературе [Göransson 2015; см. также (Шведова 2022)]. Во-вторых, лабильные глаголы в урмийском можно разбить на несколько условных классов (однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении).

²⁴ При этом уже в сирийском встречаются лабильные употребления формы *ptaḥ* (Payne Smith 1957, p. 470).

²⁵ Сирийский когнат *tləḥ* ‘разрывать(-ся) на части’, хотя засвидетельствованы также маркированные каузатив *tallah* и декаузатив *ṭettlaḥ* (Payne Smith 1957, p. 613).

²⁶ Ср. сирийский когнат с декаузативным маркированием, но другим значением *ʔeštmeṭ/šmaṭ* ‘быть вытасканным’/‘вытаскивать’ (Payne Smith 1957, p. 583).

²⁷ Информация об этом урмийском глаголе не отражена в табл. 6 и 7, потому что наши консультанты из с. Урмия не используют этот глагол, но он засвидетельствован в словаре [Khan 2016b, p. 250].

С одной стороны, есть класс каузативных оппозиций, которые на протяжении многих веков развития арамейских языков²⁸ передаются лабильными глаголами – в нашей выборке это [2] ‘замораживать(-ся)’, [15] ‘наполнять(-ся)’ и [17] ‘начинать(-ся)’. С другой стороны, часть глаголов стали лабильными в урмийском после утраты декаузативного маркера (в нашем списке их два: [19] ‘катить(-ся)’ и [28] ‘открывать(-ся)’). Все остальные исследованные урмийские лабильные глаголы не являются этимологическими когнатами сирийских корней, но также соотносятся с сирийскими декаузативными оппозициями. Можно предположить, что утрата декаузативного маркирования в урмийском повлекла за собой такую перестройку системы, которая отразилась в распространении лабильности. В данном случае мы имеем дело не просто с результатом фонетической утраты показателя (так как большинство урмийских глаголов не являются этимологическими когнатами сирийских), а с заменой одного типа кодирования другим.

7. Заключение

В настоящем исследовании была предпринята попытка систематизировать данные о формальном устройстве каузативно-некаузативных пар в одном из северо-восточных новоарамейских языков, а именно в христианском урмийском. Для этого, во-первых, были проведены подсчеты по словарю и описано общее распределение глагольных лексем по различным словоизменительным классам («породам»). Во-вторых, были собраны и проанализированы данные грамматической анкеты из [Haspelmath 1993], состоящей из 31 каузативно-некаузативной пары. В-третьих, проведено сравнение с классическим сирийским языком.

Показано, что для христианского урмийского в целом релевантна шкала самопроизвольности, предложенная в [Haspelmath 1993]: в глагольных парах типа ‘кипеть’/‘кипятить’, ‘сохнуть’/‘сушить’ (прототипически самопроизвольные ситуации) чаще маркируется каузативный член пары. Для передачи значений типа ‘закрывать(-ся)’ и ‘раскалывать(-ся)’ (обычно возникающих под воздействием внешней силы) в урмийском используются лабильные глаголы. На основании последнего факта мы предполагаем, что лабильность в урмийском занимает нишу, типологически ассоциирующуюся с понижающей актантной деривацией.

²⁸ Аналогичные примеры для других арамейских языков разных периодов см.: (Шведова 2022).

Диахроническое сравнение с классическим сирийским показало, что каузативное маркирование является стабильной чертой арамейских языков: его распространенность сохраняется на протяжении нескольких веков. Декаузативное маркирование в сирийском было сопоставимо по распространенности и продуктивности с каузативным, в урмийском новоарамейском такие глагольные пары (декаузатив/каузатив) заменяются лабильными глаголами. Кроме того, можно сделать предварительный вывод, что лабильность каузативного типа в арамейских языках характеризуется стабильностью – почти все исследованные сирийские лабильные глаголы остались лабильными и в урмийском (но требуется проверка на большем количестве глаголов).

Приложение 1

Анкета для элицитации

- [1] Вода закипела. / Девушка вскипятила воду.
- [2] Мясо заморозилось. / Женщина заморозила мясо.
- [3] Пшеница высохла. / Люди высушили пшеницу.
- [4] Его сын рано проснулся. / Отец рано разбудил сына.
- [5] Тот человек умер. / Разбойники убили того человека.
- [6] Костер потух. / Люди потушили костер.
- [7] Кольцо утонуло в реке. / Девушка утопила свое кольцо в реке.
- [8] Ребенок учится писать. / Брат учит сестру писать.
- [9] Масло растопилось. / Девушка растопила масло. / Солнце растопило масло.
- [10] Телега остановилась около дома. / Человек остановил телегу около дома.
- [11] Ключ повернулся в замке. / Мужчина повернул ключ в замке.
- [12] Лекарство растворилось в воде. / Врач растворил лекарство в воде.
- [13] Его дом сгорел. / Враги сожгли его дом.
- [14] Дом разрушился. / Разбойники разрушили дом.
- [15] Колодец наполнился водой. / Девушка наполнила ведро водой.
- [16] Урок закончился рано. / Учитель рано закончил урок.
- [17] Сражение началось. / Командир начал сражение.
- [18] Огонь быстро распространялся. / Ветер распространял огонь.
- [19] Мяч покатился по земле. / Ребенок катал мяч.
- [20] Деревня развивается. / Жители развивают деревню.
- [21] Его ключи потерялись. / Он потерял свои ключи.
- [22] Дым поднимался вверх. / Ветер поднимал листья с земли.
- [23] Почва улучшилась. / Люди улучшили почву.
- [24] Колыбель качалась. / Мать качала колыбель.
- [25] Войска соединились. / Командиры соединили войска.
- [26] Законы поменялись. / Власти поменяли законы.
- [27] Вся семья собралась в доме. / Отец собрал всю семью в доме.
- [28] Окно открылось. / Женщина открыла окно.
- [29] Палка сломалась. / Мальчик сломал палку.
- [30] Дверь закрылась. / Хозяин дома закрыл дверь.
- [31] Полено раскололось. / Мужчина расколол полено топором.

Приложение 2

Таблица 7

Глагольные пары в урмийском и сирийском
в соответствии с положением ситуации на шкале самопроизвольности
(серым выделены родственные корни)

№	Глагол	Урмийский (PST 3M.SG)	URM type	Сирийский (PST 3M.SG)	SYR type
1	boil (intr./tr.)	+təxlə/+murdəxlə	C-III	rtəh/?artəh	C
2	freeze (intr./tr.)	mugdallə	L (III)	?əgled	L
3	dry (intr./tr.)	brəzlə/mubrəzlə	C-III	yibəš/?awbəš	C
4	wake up (intr./tr.)	+rəšlə/+murrəšlə	C-III	?et(t)šir/?aš'ir	A
5	die /kill	mətlə/+ktəllə	S	mit/qtal	S
6	go out /put out	+čmilə/+mučmilə	C-III	dšək/dašək	C
7	sink (intr./tr.)	+fəilə/+mutfəilə	C-III	tbaš/?abbəš	C
8	learn/teach	ləplə/muləplə	C-III	yilef/?allef	C
9	melt (intr./tr.)	pšərrə/pušərrə&mupšərrə	C (II/III)	pšar/paššar	C
10	stop (intr./tr.)	clələ/mucilə	C-III	klə?	L
11	turn (intr./tr.)	ptəllə/muptəllə	C-III	ptal/pattel	C
12	dissolve (intr./tr.)	pšərrə/pušərrə&mupšərrə	C (II/III)	pšar/paššar	C
13	burn (intr./tr.)	kədlə/mukədlə	C-III	yiqəd/?awqəd	C
14	be destroyed/destroy	tləxlə	L (I)	?etħabbal/ħabbəl	A

Окончание табл. 7

№	Глагол	Урмийский (PST 3M.SG)	URM type	Сирийский (PST 3M.SG)	SYR type
15	fill (intr./tr.)	mlilə	L (I)	mlā	L
16	finish (intr./tr.)	prəklə/purəklə	C-II	šlem/šallem	C
17	begin (intr./tr.)	+šurilə	L (II)	šari	L
18	spread (intr./tr.)	–	–	pras	L
19	roll (intr./tr.)	cundərrə	L (QI)	ʔetgandar/gander	A
20	develop (intr./tr.)	–	–	–	–
21	get lost/lose	tləklə/tuləklə	C-II	ʔəbad/ʔəbeḏ	C
22	rise/raise	+rəmlə/+murəmlə	C-III	ʔet(t)rim/ʔarim	A
23	improve (intr./tr.)	–	–	šfar/ʔašfar	C
24	rock (intr./tr.)	+durvədələ	L (QI)	zāš/ʔaziš	C
25	connect (intr./tr.)	–	–	–	–
26	change (intr./tr.)	xləplə/muxləplə	C-III	ʔəthallaf/hallef	A
27	gather (intr./tr.)	+ğmilə/+ğummilə	C-II	ʔeḡkneš/knaš	A
28	open (intr./tr.)	ptəxlə	L (I)	ʔeḡptəh/ptəh	A
29	break (intr./tr.)	+šmətlə	L (I)	ʔeṭṭbar/tbar	A
30	close (intr./tr.)	dvarlə	L (I)	ʔestkat/skar	A
31	split (intr./tr.)	+čləplə	L (I)	ʔeštallahi/šallah	A

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

Я глубоко признательна С.С. Саю и А.А. Русских за участие во вдохновляющих обсуждениях исследования и редактирование текста статьи, П.М. Аркадьеву, членам редколлегии и анонимному рецензенту за внимательное чтение статьи и бесценные комментарии, Е.В. Русиновой за помощь в оформлении данных, а также всем коллегам по ассирийской экспедиции и нашим консультантам из с. Урмия, благодаря бесконечной отзывчивости которых стало возможно это исследование.

Acknowledgements

This work was supported by RFBR, project no. 20-012-00312 “Documentation of Northeastern Neo-Aramaic spoken in Russia”.

I express my gratitude to Sergey Say and Alina Russkikh for inspiring discussions of the research and their help in writing the article. I also thank Peter Arkadiev, the editors of the Moscow Journal of Linguistics and the anonymous reviewer for their attentive reading and valuable critical comments. I am grateful to Ekaterina Rusinova for her help with visualizations, as well as to all the participants of the Assyrian expedition and to our consultants from the village Urmiya, who have made this research possible.

Источники

- Шведова 2022 – *Шведова Е.Е.* Каузативно-инхоативные пары в арамейских языках: типология и диахрония: магистерская диссертация. Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2022. 77 с.
- Kaufman et al. – *Kaufman S. A. et al.* The comprehensive Aramaic lexicon. URL: <http://cal.huc.edu>
- Kulikov 2001 – *Kulikov L.* Causatives // Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2 / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2001. P. 886–898.
- Payne Smith 1957 – *Payne Smith J.* A compendious Syriac dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1957 (First edition 1903). 627 p.
- WATP – The World Atlas of Transitivity Pairs. URL: <http://verbpairmap.ninjal.ac.jp>

Литература

- Коган 2009 – Коган Л.Е. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Белова А.Г., Коган Л.Е., Лёзов С.В., Романова О.И. М.: Academia, 2009. С. 15–113.
- Летучий 2005 – Летучий А.Б. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 57–75.
- Летучий 2013 – Летучий А.Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с.
- Лёзов 2009 – Лёзов С.В. Классический сирийский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Белова А.Г., Коган Л.Е., Лёзов С.В., Романова О.И. М.: Academia, 2009. С. 562–626.
- Лютикова и др. 2006 – Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 464 с.
- Лявданский 2009 – Лявданский А.К. Новоарамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Белова А.Г., Коган Л.Е., Лёзов С.В., Романова О.И. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Мельчук 1998 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2: Морфологические значения / Пер. с фр. М.: Языки русской культуры; Вена: Прогресс, 1998. 544 с.
- Недялков 1969 – Недялков В.П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология / Ред. И.Ф. Вардуль. М.: Наука, 1969. С. 106–114.
- Недялков, Сильницкий 1969 – Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив / Ред. А.А. Холодович. Л.: Наука, 1969. С. 20–50.
- Alexiadou, Anagnostopoulou 2004 – Alexiadou A., Anagnostopoulou E. Voice morphology in the causative-inchoative alternation: evidence for a non-unified structural analysis of unaccusatives // The unaccusativity puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface / Ed. by A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 114–136.
- Arkadiev 2013 – Arkadiev P. From transitivity to aspect: the causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian // Baltic Linguistics. 2013. Vol. 4. P. 39–77.
- Borer 1991 – Borer H. The causative-inchoative alternation: A case study in parallel morphology // The Linguistic Review. 1991. Vol. 8. No. 2–4. P. 119–158.
- Comrie 2006 – Comrie B. Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability // Linguistics. 2006. Vol. 44. No. 2. P. 303–318.
- Creissels 2014 – Creissels D. P-lability and radical P-alignment // Linguistics. 2014. Vol. 52. No. 4. P. 911–944.
- Dixon 1994 – Dixon R. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 271 p.
- Göransson 2015 – Göransson K. Causative-inchoative alternation in North-Eastern Neo-Aramaic // Neo-Aramaic and its linguistic context / Ed. by L. Napiorkowska, G. Khan. New Jersey: Gorgias Press, 2015. P. 207–231.

- Haspelmath 1993 – *Haspelmath M.* More on the typology of inchoative/causative verb alternations // *Causatives and Transitivity* / B. Comrie, M. Polinsky (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 87–120.
- Haspelmath et al. 2014 – *Haspelmath M., Calude A., Spagnol M., Narrog H., Bamyacı E.* Coding causal–noncausal verb alternations: A form–frequency correspondence explanation // *Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 50. No. 3. P. 587–625.
- Haspelmath 2016 – *Haspelmath M.* Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale // *Lingua Posnaniensis*. 2016. Vol. 58. No. 2. P. 33–63.
- Khan 2016a – *Khan G.* The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Grammar: phonology and morphology. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2016. 587 p.
- Khan 2016b – *Khan G.* The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Lexical studies and dictionary. Vol. 3. Leiden; Boston: Brill, 2016. 366 p.
- Levin 2015 – *Levin B.* Semantics and pragmatics of argument alternations // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 63–83.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 – *Levin B., Rappaport Hovav M.* Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1995. 336 p.
- Mutzafi 2008 – *Mutzafi H.* The Jewish Neo-Aramaic dialect of Betanure (province of Dihok). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. 412 p.
- Nichols et al. 2004 – *Nichols J., Peterson D. A., Barnes J.* Transitivity and detransitivizing languages // *Linguistic Typology*. 2004. Vol. 8. No. 2. P. 149–211.
- Piñón 2001 – *Piñón C.* A finer look at the causative-inchoative alternation // *Proceedings of semantics and linguistic theory*. 2001. Vol. 11. P. 346–364.
- Shibatani, Pardeshi 2002 – *Shibatani M., Pardeshi P.* The causative continuum // *The grammar of causation and interpersonal manipulation* / Ed. by M. Shibatani. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 85–126.
- Tubino-Blanco 2020 – *Tubino-Blanco M.* Causative/inchoative in morphology // *Oxford research encyclopedia of linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 20–36.

References

- Alexiadou, A. and Anagnostopoulou, E. (2004), “Voice morphology in the causative-inchoative alternation: evidence for a non-unified structural analysis of unaccusatives”, in Alexiadou, A., Anagnostopoulou, E. and Everaert, M. (ed.), *The unaccusativity puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 114–136.
- Arkadiev, P. (2013), “From transitivity to aspect: the causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian”, *Baltic Linguistics*, vol. 4, pp. 39–77.
- Borer, H. (1991), “The causative-inchoative alternation: A case study in parallel morphology”, *The Linguistic Review*, vol. 8, no. 2–4, pp. 119–158.

- Comrie, B. (2006), "Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability", *Linguistics*, vol. 44, no. 2, pp. 303–318.
- Creissels, D. (2014), "P-lability and radical P-alignment", *Linguistics*, vol. 52, no. 4, pp. 911–944.
- Dixon, R. (1994), *Ergativity*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Göransson, K. (2015), "Causative-inchoative alternation in North-Eastern Neo-Aramaic", in Napiorkowska, L. and Khan, G. (ed.), *Neo-Aramaic and its linguistic context*, Gorgias Press, New Jersey, USA, pp. 207–231.
- Haspelmath, M. (1993), "More on the typology of inchoative/causative verb alternations", in Comrie, B. and Polinsky, M. (ed.), *Causatives and transitivity*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, pp. 87–120.
- Haspelmath, M. (2016), "Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale", *Lingua Posnaniensis*, vol. 58, no. 2, pp. 33–63.
- Haspelmath, M., Calude, A., Spagnol, M., Narrog, H. and Bamyaci, E. (2014), "Coding causal-noncausal verb alternations: A form–frequency correspondence explanation", *Journal of Linguistics*, vol. 50, no. 3, pp. 587–625.
- Khan, G. (2016), *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Grammar: phonology and morphology*. Vol. 1. Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Khan, G. (2016), *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Lexical studies and dictionary*. Vol. 3. Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Kogan, L.E. (2009), "The Semitic languages", in Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. and Romanova, O. (ed.), *Semitskiye yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 15–113.
- Letuchii, A.B. (2005), "Non-prototypical transitivity and lability: phasal labile verbs", *Voprosy yazykoznaviya*, no. 4, pp. 57–75.
- Letuchii, A.B. (2013), *Tipologiya labil'nykh glagolov* [Typology of labile verbs], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Levin, B. (2015), "Semantics and pragmatics of argument alternations", *Annual Review of Linguistics*, vol. 1, no. 1, pp. 63–83.
- Levin, B. and Rappaport Hovav, M. (1995), *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*, MIT Press, Cambridge, Mass., USA, London, UK.
- Loesov, S.V. (2009), "Classical Syriac", in Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. and Romanova, O. (ed.), *Semitskiye yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 562–626.
- Lyavdansky, A.K. (2009), "The Neo-Aramaic languages", in Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. and Romanova, O. (ed.), *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 660–693.
- Lyutikova, E.A., Tatevosov, S.G., Ivanov, M.Yu., Pazelskaya, A.G. and Shluinsky, A.B. (2006), *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke*

- [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar], IWL RAS, Moscow, Russia.
- Mel'chuk, I.A. (1998), *Kurs obshchei morfologii. T. 2: Morfologicheskiye znacheniya* [A course in general morphology. Vol. 2. Morphological meanings], Yazyki russkoi kul'tury, Progress, Moscow, Russia, Vienna, Austria.
- Mutzafl, H. (2008), *The Jewish Neo-Aramaic dialect of Betanure (province of Dihok)*, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Nedyalkov, V.P. (1969), "Some probabilistic universals in verbal word-formation", in Vardul', I.F. (ed.), *Yazykovyye universalii i lingvisticheskaya tipologiya* [Language universals and linguistic typology], Nauka, Moscow, USSR, pp. 106–114.
- Nedjalkov, V.P. and Silnitsky, G.G. (1969), "The typology of morphological and lexical causatives", in Kholodovich, A.A. (ed.), *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative], Nauka, Leningrad, USSR.
- Nichols, J., Peterson, D.A. and Barnes, J. (2004), "Transitivity and detransitivizing languages", *Linguistic Typology*, vol. 8, no. 2, pp. 149–211.
- Piñón, C. (2001), "A finer look at the causative-inchoative alternation", *Proceedings of semantics and linguistic theory*, vol. 11, pp. 346–364.
- Shibatani, M. and Pardeshi, P. (2002), "The causative continuum", in Shibatani, M. (ed.), *The grammar of causation and interpersonal manipulation*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA, pp. 85–126.
- Tubino-Blanco, M. (2020), "Causative/inchoative in morphology", in *Oxford research encyclopedia of linguistics*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 20–36.

Информация об авторе

Елена Е. Шведова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4;

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9; shvedovalena98@gmail.com

Information about the author

Elena E. Shvedova, HSE University, Moscow, Russia; 21/4, Staraya Basmanaya St., Moscow, Russia, 105066;

Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia; 9, Tuchkov Line, Saint-Petersburg, Russia, 199053; shvedovalena98@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 5
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 10 раз в год

Подписано в печать 26.07.2024
Выход в свет 02.08.2024
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 8,9
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2012

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru